

У Р А Л Ь С К И Й 3 • 2002
снегоньим

БН

Литературный конкурс
«Большие надежды. Уральский следопыт. 2002»
Условия конкурса на странице 79

*Подснежники...
О них говорить немного сложно.
Дело в том, что в каждой
местности ими называют
разные цветки...*

«Цветы и снег». страница 70

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Подписной индекс журнала
"УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ"

73413

Смотрящий на мир

Евгений Викторович Савенко

Замечательные снимки, сделанные этим человеком, знают все, кто хоть немного интересуется природой Урала и фотоискусством нашего региона. Масса людей, покупающая календари с прекрасными пейзажами нашего края, украшает свои дома работами Е. В. Савенко - хотя, может быть, эти покупатели и не знают его имени. Он, как никто другой, умеет увидеть и передать поразительную красоту наших древних гор, выбрать те уникальные моменты, когда легкое изменение положения ветвей дерева или появление солнечного блика создают скоротечную сказку линий, цвета и света. И в результате этого тысячи людей, не имеющих возможности выбраться из городов, могут наслаждаться дивными, словно пришедшими из древних сказаний, видами реки Чусовой, гор Манарага, Денежкин камень и т. д. Работы Евгения Викторовича высоко оценены и востребованы всеми — как специалистами, так и самой широкой общественностью.

Его фотоальбом «Чусовая» в 2002 году был удостоен премии губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области искусства.

В 2002 году Евгений Викторович вошел в Наблюдательный совет журнала «Уральский следопыт», что явилось закономерным итогом его многолетней и плодотворной дружбы с нашим журналом.

Евгений Викторович Савенко родился в 1940 году, в городе Пласт Челябинской области. В средних классах серьезно увлекался рисованием. Даже написал маслом копию картины И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу». В старших классах увлекался музыкой и обучился играть на аккордеоне. После школы поступил в Челябинский машиностроительный техникум. Успешно осваивал чисто технические дисциплины из учебного курса, одновременно не забывая и о своих гуманитарных увлечениях — играл в любительском эстрадном оркестре (все на том же аккордеоне), окончил курсы подводников в Челябинском морском клубе.

Закончил техникум в 1960 году и стал трудиться на знаменитом заводе «Уралмаш» в должности техника-испытателя. Не бросая работы, сдал экзамены и стал студентом Свердловского горного института. Работал в геологических партиях. И опять же параллельно со всеми этими основными делами серьезно занимался в Свердловской спелеосекции. Опубликовал три статьи об уральских пещерах.

После работы в геологической партии Савенко

Летний способ передвижения Е. В. Савенко по Уралу.

решил перейти на работу в проектную организацию и превратился в профессионального проектировщика. В этом качестве он около двадцати пяти лет вносил значительный вклад в экономическое развитие Урала, успешно проектируя авторемонтные и автотранспортные предприятия. Один из таких проектов заслужил Золотую медаль ВДНХ. Восемь лет руководил проектно-конструкторским. Его последняя «техническая» должность — главный инженер проектов в институте «Гипроавтотранс». Не забывал и про музыку, особенно классическую — по радио несколько раз зачитывались его письма, посвященные работе Свердловской филармонии.

Попутно у него появилось еще одно очень серьезное увлечение — минералогия. Е. В. Савенко целых десять лет изучал и коллекционировал единственный минерал — кальцит. Вроде бы простой, всем известный, а на деле бесконечно многоликий, разный и необычный. Коллекция в итоге получилась интересная, насчитывающая более чем 600 образцов, и ее недаром упомянули в нескольких газетных публикациях. Сейчас она хранится в музее Ильменского государственного заповедника — Евгений Викторович подарил ее ученым и государству.

И все это время он продолжал заниматься туризмом в разных его формах. Вкус к странствиям по земле Евгений Викторович почувствовал очень рано. В десять лет его взяли в поход на знаменитый Таганай. И с тех пор его пути по Уралу не прекращаются. Были отпуска — и были леса, реки, фотоаппарат в руках... Снимки получались отличные, и неудивительно: фотоаппарат знаком Савенко с юности, с 14 лет. Природное чутье на красоту, на интересный кадр дополнялось опытом, изучением специальной литературы.

На работе тем временем все шло хорошо. Но вот в 1991 году Евгения Викторовича пригласили в стодневную экспедицию «Большой Урал-91». Ее участники прошли по маршруту, пролегшему вдоль всего главного Уральского хребта — от юга до Карского моря. У каждого из путешественников были свои задачи. У Савенко — фотографирование. Красота земли, которую своими глазами могут увидеть очень и очень немногие люди — а должны видеть все желающие — запечатлевалась на снимках. Уникальные экспедиция и фотосъемка были завершены — и оказались началом совсем другой карьеры Евгения Викторовича. Он стал

Е. В. Савенко

профессиональным фотографом, сотрудничающим с теми издательствами и редакциями, которые интересовались фотографиями уральской природы. И началась эта страница его жизни очень ярко — с выхода знаменитого альбома «Незнакомый Урал». Евгений Викторович одновременно выступил в нем и как составитель, и как один из трех авторов — фотографов.

Говоря о такой стороне жизни этого удивительного человека, нельзя не упомянуть его главную, любимую тему — знаменитую реку Чусовую. Он фотографировал ее всю, от истока до устья — а это приблизительно 800 километров берегов! Неудивительно, что на такой масштабный проект ушло более семи лет. Съемки велись во все сезоны, было сделано много очень удачных снимков. И в итоге самые лучшие из них вошли в авторский художественный альбом «Чусовая» — тот самый, который получил премию губернатора Свердловской области и заслужил самую высокую оценку специалистов и широкой общественности.

Евгений Викторович выполнял циклы фоторабот для центральных и местных журналов, участвовал в выставках, в создании компакт-дисков, рассказывающих о культуре и истории нашего региона. Его фотографии можно увидеть в буклетах, книгах, альбомах, на календарях, плакатах и т.д. В 1997, 1999 и 2000 прошли его персональные фотовыставки. Они вызвали большой интерес не только у специалистов, но и у самой широкой общественности. Появились хорошие отклики в печа-

ти. Хорошо были встречены и «Путешествуем по Чусовой» (книга для юных туристов), и уже упоминавшийся фотоальбом «Чусовая».

Савенко по праву вошел в число известнейших уральских фотохудожников. Как показал рейтинг, опубликованный в газете «Деловой экспресс» (№ 45 за 1998 г.), по номинации «самые знаменитые екатеринбургские фотографы» он вошел в первую десятку.

Евгений Викторович является действительным членом Всесоюзного минералогического общества, членом Союза фотохудожников России, действительным членом Российского Географического общества.

Этот человек постоянно ищет что-то новое — находит и дает всем другим людям бесценную возможность увидеть это же. Он видит мир и дарит его красоту всем нам...

Е. В. Савенко на зимней фотосъемке

Список главных творческих работ

Е. В. Савенко:

«Чусовая» (художественный фотоальбом).
«Путешествуем по Чусовой. Книга для начинающих туристов и фотографов»

Книги и альбомы с авторской фотосъемкой

«Музей горнозаводского дела»
«Город Березовский»
«Пермь великая»
«У истоков бумажной реки»

Книги и альбомы с участием

Е. В. Савенко

«Незнакомый Урал» (фотоальбом)
«Сто дней на Урале»
«Жемчужина каменного пояса»
«Золотая книга Урала»
«Нижний Тагил-275»
«Екатеринбург» (фотоальбом)
«Город на Чусовой»
«Корпорация «ЯВА»

«Каталог изображений»
«Судьба по имени Лысьва»
«Тагильская роза»
«Молодость древнего края»
«Вышел в степь немецкую»
«Урал» (фотоальбом)
«Самая прекрасная дорога»

Компакт-диски с иллюстрациями

Золотой CD-ROM Свердловской области
Каменный пояс России
Екатеринбург юбилейный
Культура Среднего Урала.

Также Евгений Викторович постоянно публикуется в разных журналах: «Родина», «Россия», «Фото-Сибирский успех» и других. Также с его фотографиями издано множество календарей, буклетов и рекламных проспектов.

В «Уральском следопыте» Е. В. Савенко впервые напечатался в № 3 за 1967 год. В 2001 г. в нашем журнале начата публикация серии его заметок «Уральская горная страна». В этом номере ее продолжение можно прочитать на третьей странице обложки.

Одна из фотокартин Е. В. Савенко: «Берег р. Чусовой у станции Бойцы».

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр.6
Николай ВЕХОВ «Путешествия купца Александра Сибирякова»	стр.7
Анатолий ОЛЬХОВИКОВ «Успенская обитель»	стр.6
Иван ПЛОТНИКОВ «Гайда, Колчак... Кто третий?»	стр.6
Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ, Валерий ДЕСЬКОВ «Ершовская беляна»	стр.6
Елена АРАПОВА «Дорога к Шайтанскому тракту»	стр.6
Ирина КОПЫТОВА «Память о ныробском узнике»	стр.6
Михаил ПЕТРОВ «Поромшонка - улица плотогонов»	стр.6

ПО ПОЛЯРНОМУ УРАЛУ

Наша заочная экспедиция по границе двух частей света — Европы и Азии «шагает» по Полярному Уралу. Он протянулся от горы Константинов Камень на севере до верховьев реки Хулги, где сходятся границы трех административных единиц: Республики КОМИ, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов.

На половине пути по Полярному Уралу наш маршрут пересечет железная дорога. Она уникальна. Поезда по ее однопутному варианту пошли в декабре 1941 года. После захвата гитлеровцами Донбасса, коксующиеся угли Воркуты в буквальном смысле слова спасли страну. В 1955-м вошел в строй новый участок дороги — Чум-Лабытнанги. И вот здесь на 98-м километре «железки» вблизи станции Полярный Урал мы встретим второй из самых северных обелисков на границе Европа-Азия — на водоразделе реки Соби, притока Оби (Азия) и реки Ельца, одного из притоков Печоры (Европа).

Шестигранный столб, опоясанный полосами черного и желтого цвета (на манер российских верстовых столбов), венчает шар с серпом и молотом. А в основании его — бетонный куб. Пограничный знак установлен в 1965 году по инициативе и при участии дорожного мастера Н.И. Изюменко.

Продолжая нашу заочную экспедицию с севера на юг, предлагаем всем, кто так или иначе при-

мет в ней участие, сообщать в «Уральский следопыт» все, что узнаете нового и любопытного о столбах «Европа-Азия», водораздельных реках и вершинах, что встретятся на вашем пути. И, конечно, присылайте снимки. Граница, по которой мы путешествуем, самая открытая и доступная из всех границ на планете Земля.

ЕКАТЕРИНБУРГ. В институте экологии растений и животных УрО РАН подведены итоги третьего ежегодного конкурса молодежных научных работ на соискание премий имени выдающихся деятелей науки. Диплом С. С. Шварца за работы в области зоологии и популяционной экологии вручен Ивану Кшняеву; диплом им. Б. П. Колесникова за достижения в области географии растений и лесоведения — Ирине Коркиной. Обладателем диплома Н. В. Тимофеева-Ресовского за работы в области радиозоологии и биогеоценологии стал Павел Горбунов, а диплома им. В. И. Патрушева для аспирантов — Константин Фефелов. Поздравляем молодых лауреатов!

КИТАЙ. Деревянную дубинку времен палеолита обнаружили китайские археологи, ведущие раскопки в восточной провинции Шаньдун. По их утверждению, ею пользовались человекообразные обезьяны 700 тыс. лет назад. Это свидетельствует о том, что предки людей в каменном веке использовали одновременно и каменные, и деревянные орудия. Дубинка длиной 61 см. и 9 см. в диаметре была найдена недалеко от шаньдуанской столицы — Цзинани. На поверхности находки видны четкие следы, свидетельствующие о том, что ею активно пользовались в доисторические времена. Деревянное орудие было извлечено с шестиметровой глубины и потому хорошо сохранилось.

В. Федорук.

Египет. Почему примерно 4200 лет назад перестало существовать египетское Древнее Царство? Почему после одного тысячелетия процветания, оставившего миру пирамиды в Гизе, страна погрузилась во тьму? Почему прервались царские династии, а генеалогия, скажем, фараона Хеопса не прослеживается в Среднем и Новом Царствах? Виной тому, считает египтолог Фирки Хасан, грандиозная климатическая катастрофа, постигшая Египет в XXIII веке до н. э. Ученый исследовал таблицы подъемов воды в Ниле, которые велись еще в Древнем Царстве, и обнаружил, что за 2200 год до н.э. их не существует.

Р. Бикбаев

Николай ВЕХОВ, г. Москва

Путешествия купца Александра Сибирякова по Уралу и Западной Сибири

Сибиряковы — одна из самых известных в России династий промышленников, предпринимателей и меценатов. Ее основателем был Афанасий Сибиряков (1676-1754), выходец из крестьян Устюжского уезда Архангельской губернии. А одним из самых известных Сибиряковых дореволюционного периода стал Александр Михайлович (1849-1933). Все, кто интересуется историей освоения Сибири и Арктики, знают, что до второй мировой войны здесь плавал ледокол «Александр Сибиряков», построенный еще в начале XX столетия. В годы второй мировой войны он принял неравный бой с немецким крейсером и впоследствии затонул. Немногим известно, что у входа в Енисейский залив Карского моря есть остров, носящий имя Александра Михайловича — остров Сибиряков.

Окончив Федеральную высшую политехническую школу в Цюрихе, он после смерти отца в 1875 году получил свою долю наследства в золотопромышленных товариществах. Потом большую часть фамильных паев в этих компаниях ему добровольно передали сестры и братья. Сибиряков становится одним из самых крупных золотопромышленников в Сибири. Не будем вдаваться в его предпринимательскую деятельность, а кратко остановимся только на просветительской.

На развитие культуры и просвещения Сибири, ее изучение и освоение Александр Михайлович потратил более 1,5 миллиона рублей. Сибирь в XIX в. — это отсталая окраина Российской империи. Задачу воспитания квалифицированных специалистов с широким кругозором мог решить только вуз. И в 1880 году Сибиряков пожертвовал 200 тыс.

А. М. Сибиряков (1849-1933)
Гравюра Б. Брауне

рублей на строительство и образование Томского университета. Для него же он приобрел уникальное собрание книг — библиотеку знаменитого русского поэта В.А. Жуковского, заключавшую в себе около пяти тысяч томов. В ответ благодарные соотечественники избрали его почетным членом Университета. Затем он передал 50 тыс. рублей на учреждение Высшего технического училища в родном городе Иркутске. В своем доме открыл бесплатную народную школу на 80 учащихся.

Всего же на устройство народных школ Сибиряков пожертвовал 800 тыс. рублей. Значительные суммы перечислялись в фонд общества вспомоществования сибирякам, учащимся в Санкт-Петербурге, и на образование капитала для выдачи с него процентов в качестве премий на лучшее сочинение о Сибири. Премия была именной. В 1899 г., например, этой премии был удостоен архивовед, историк Н.Н. Оглоблин за капитальный труд «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768)».

Не остаются вне поле зрения Александра Михайловича Иркутский театр и городские библиотеки. Для городского театра он и другие иркутские меценаты построили новое каменное здание. А для городских библиотек он покупал на свои деньги книги. На средства промышленника строилась церковь во имя Казанской Божьей Матери в Ремесленной Слободе города Иркутска, а также возводились здания, предназначенные для вдов и сирот духовного звания («Тихоновская богадельня»).

Мало кто знает, что Александр Михайлович

был активным исследователем Урала, Севера и Сибири, путешественником, объехавшим многие страны Европы. Экспедиции Сибирякова не имеют аналогов в истории. Ведь Александр Михайлович не был профессиональным географом и никогда не готовил себя к дальним странствиям, тем более по Арктике и Сибири с их суровым климатом, бездорожьем и безлюдьем. А цель была такая: исследовать возможность транспортного сообщения по арктическим морям и сибирским рекам; выяснить, существуют ли традиционные пути по переброске товаров из Сибири через Урал в европейскую часть России; познакомиться с бытом, хозяйством и населением этих российских окраин. Построив в 1884 году свой пароход «А.Э. Норденшельд», А.М. Сибиряков в течение 14 лет ежегодно путешествовал на нем или на «Оби» из Архангельска на Урал и в Сибирь.

В центре внимания уральских путешествий Сибирякова часто оказывалось небольшое селение на восточном склоне горного хребта — Ляпин на Сосьве. Оно являлось одним из центральных звеньев зимней «сухопутной трансуральской торговой магистрали», с успехом функционировавшей много лет.

В 1884 году Александр Михайлович совершил богатое по впечатлениям путешествие с Печоры на Обь. В конце августа пароходом из Архангельска он добрался до устья Печоры. Отсюда, от села Куя, предстояло подниматься вверх. Регулярного судоходства на реке еще не было, ходили лишь два небольших парохода, перевозившие в основном грузы; пассажиров брали мало и неохотно. Но все же Сибирякову удалось на одном из этих судов попасть в Усть-Цильму, где он с трудом нашел крытую лодку и нанял людей для дальнейшего путешествия по Печоре до деревни Аранец. Аранец был первым пунктом, откуда через Урал шла зимняя санная дорога на Обь. Проплывая по Печоре, Сибиряков отметил для себя несколько православных церквей с русскими священниками в селах Усть-Кожа, Усть-Щугор, Савином Бору.

К началу сентября он попал в зырянское (коми) село Аранец и остановился в доме зажиточного крестьянина. Несколько дней пришлось ждать, пока на Печоре не появятся забереги. Наконец, снизу, от Печорского устья, появились каюки чердынских купцов. Эти тяжело груженные баржи людской тягой поднимались в Якшу, пристань на Верхней Печоре. Здесь у чердынцев были огромные амбары и склады, куда они летом свозили со всей Печоры рыбу, пушнину, кость и другую продукцию урало-сибирских промыслов. Отсюда, ког-

да устанавливался зимний путь в Зауралье и в Чердынь на Вишере, на лошадях и оленях выменянные у аборигенов товары перевозились на юг. А с юга всю зиму возили хлеб, мануфактуру, крупы, сахар — чтобы весной, спустившись на каюках в Пустозерский край, обменять их на рыбу, шкуры, пушнину. Так круглогодично, заменяя один вид транспорта другим, шли активные товаропотоки с юга на север и с севера на юг.

Александр Михайлович договорился с «оленьщиком-зыряннином», чтобы тот перевез его на «ту сторону Урала», в селение Ляпин, на реку Сыгву (это приток р. Северной Сосьвы, которая у Березова впадает в Обь).

И вот караван из четырех нарт двинулся в путь. Вместе с зыряннином Иваном поехали его жена Мария, православная самоедка, и маленький сын Ваня. Путь лежал к горе Сабля, у которой находился летний чум Ивана. По дороге встретили старшего сына — Михаила. В чуме были еще двое ребятешек. А главное, что здесь, в чуме, Александр Михайлович познакомился с неким «господином Н.». (Так написано в книге Сибирякова, где он повествует о своих путешествиях.) Изучая маршруты путешествий по Русскому Северу отечественных исследователей, я убедился в том, что этот загадочный «господин Н.» — не кто иной, как Константин Дмитриевич Носилов, писатель и путешественник.* Надо же было истории так распорядиться, чтобы два столь ярких и неординарных человека познакомились именно на Урале, который для каждого из них был своеобразным магнитом. Носилов в этом году тоже путешествовал по Печоре и Уралу и намеревался попасть в Зауралье. У него были свои нарты и олени, которыми Константин Дмитриевич умело управлял. Предложение А.М. Сибирякова продолжить дальнейший путь вместе Носилов воспринял положительно. В чуме Ивана на ночлег они расположились рядом.

Утром олений поезд-караван тронулся в путь. Впереди шел пешком Михаил, посланный разведывать путь. За ним на маленьких нартах ехал Ваня, младший сын Ивана. Потом шла нарта Сибирякова. Сзади нее — нарты Марии и две с провизией. Замыкал караван К.Д. Носилов на своих санях, к которым были привязаны запасные олени.

Переход через Уральский хребет длился больше двух недель. Болота, тянущиеся на многие километры, каменные завалы, лесные заросли не позволяли преодолевать в день более 10-11 верст. По воскресеньям отдыхали. Урал перевалили в самом верховье р. Щекурьи. У ее устья стоит село Щеку-

* см. «Уральский следопыт», № 3 за 2000 г.

рьянское, а дальше, вниз по течению, — Ляпин, цель путешествия Сибирякова. Последние дни пути были особенно трудными — через многокилометровые болота среди чахлах деревьев тянулся еле видимый след от нарт. В день инок да проезжали всего по три-четыре версты, остальное время уходило на поиски дороги.

В селе Щекуринском нашли небольшую деревянную церковь, два-три русских домика и несколько остяцких юрт. Уютное, по-домашнему теплое село. Отсюда на лодке Александр Михайлович, Иван и Носилов отправились в Ляпин, где и расстались. Сибиряков продолжил свой путь на лодке в Березов. Было бы интересно установить, а встречались ли позже Сибиряков и Носилов, эти два русских патриота, сделавших так много для изучения Русского Севера и Сибири.

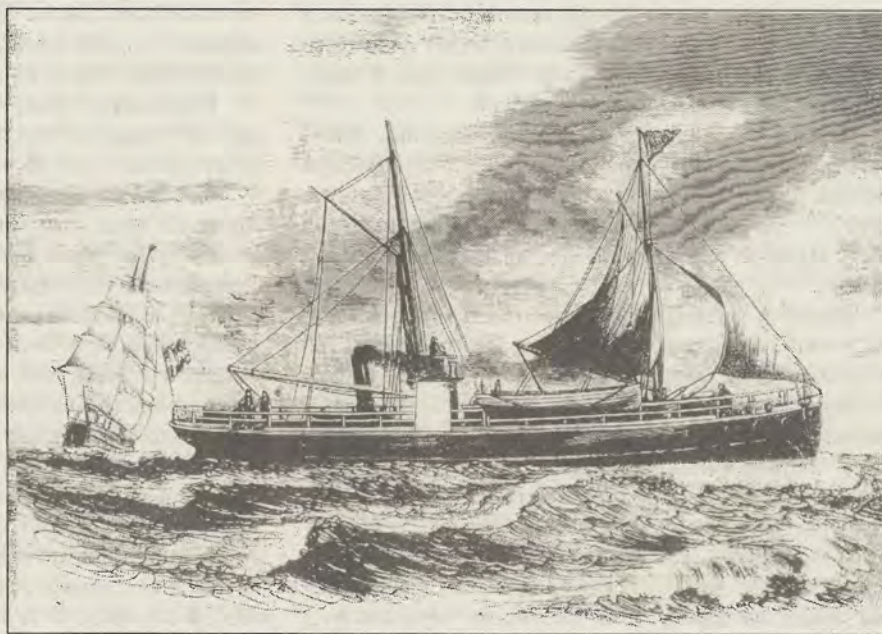
Зимой 1885 года Сибиряков совершил путешествие из Ляпина до Ивделя. Ляпин — старое поселение на восточном склоне Урала, уже в Сибири. Вокруг обитает много зырян, выпасающих здесь свои олени стада. Сибиряков насчитал более двухсот чумов. На местную Рождественскую ярмарку, канун которой он и застал, собирались остяки из окрестных чумов для платежа ясака. Для этого с Оби приезжал заседатель, а иногда — и исправник из Березова. Русские впервые пробрались сюда через Усть-Цильму. В год пребывания в Ляпине Сибирякова первый олений караван доставил на уральские заводы груз сибирской рыбы, принадлежащий русскому промышленнику М.В. Бешкильцеву с Северной Сосьвы.

Места по Ляпину и Северной Сосьве благодатные. Летом здесь ловят сосьвинскую сельдь, осетра, сырка; выращивают репу, картофель, капусту и другие овощи. Зимой бьют сосьвинского соболя. Из Ляпина идет старинный земский тракт, по которому на лошадях можно добраться до Турьинских рудников и на Богословский завод, а отсюда уже начинается почтовый тракт до Верхотурья и Кушвы. С Ивделем Ля-

пин связан зимником; передвигаются по нему на оленях. В Ляпине Александр Михайлович договорился с молодым остяком-оленьщиком Алексеем, чтобы тот отвез его на двух нартах до Уорьинских юрт, на Сосьву. Здесь, по договору, Алексей «передает» Сибирякова другому остяку-оленьщику Семену, у которого на Сосьве большое олень стадо.

Путешествие, как обычно, началось рано утром — чтобы успеть побольше проехать за световой день. Александр Михайлович ехал на крытых нартах, надев на себя малицу, сверху нее — оленью доху и войлочный замет. Температура была ниже — 38 С. Дорога в Ивдель оживленная. Сибиряков внимательно наблюдал за местной жизнью. И дорога открывала много нового, необычного. Промышленник увидел, как остяки вели на привязи белую лошадь; повстречал русских, березовских промышленников, ездивших по чумам и «выгрясающих» ясак. Один из них угостил Сибирякова свежемороженой нельмой, из которой была приготовлена прекраснейшая уха. Он же и ответил на вопрос Сибирякова, откуда в этих краях белая лошадь. Оказывается, ее специально привели с Печоры, из Мылвы, через Ильч в Зауралье, для жертвоприношений.

В Уорьинский юртах Сибирякова ждал Семен, староста сосьвинской церкви. Дальнейший путь

Параход «Лена», построенный на средства А. М. Сибирякова специально для полярной экспедиции под руководством Н. А. Э. Норденшельда.

Гравюра А. Даугеля

Сибиряков проделал уже в его обществе. В Нясимболе остановились погреться в чуме зажиточного остяка. Отсюда через вершину Маньи идет дорога за Урал на Илыч и Печору, по которой остяки гонят в Сибирь, на Сосьву, лошадей, купленных ими для жертвоприношений. По описанию Сибирякова, Маньинский перевал — одно из самых замечательных мест на Урале. Он очень низкий, имеет форму межгорного ущелья, где из водораздельных болот ручьи текут на восток — в Манью, приток Сосьвы, и на запад — в Лягу, приток Илыча. Поэтому-то перевал и был выбран для зимней дороги из Европы в Сибирь.

Следующий пункт путешествия по дороге в Ивдель — Искер, где, как и в Ляпине, должна была скоро открыться ярмарка. Здесь Сибиряков остановился в чуме старосты Кузьмы, одного из самых крупных остяцких владельцев оленей на всей Сосьве. Узнав, что Сибиряков из Ивделя едет прямо в Москву, хозяин попросил купить ему серебряного гуся-безделушку, которая пользовалась у остяков особым почитанием.

До Ивделя было уже сравнительно недалеко.

Ивдель времен Сибирякова — это последний северный пункт тракта, куда с юга налажено постоянное сообщение. Далее — только на оленях. Путь из Ляпина с остановками обычно занимает около пяти дней; а без остановок на легких санках можно уложиться за трое суток. В селении есть русская церковь. Александр Михайлович остановился у местного золотопромышленника: будет о чем поговорить, есть с кем обсудить общие дела. В известном смысле — родственные души.

В одно из своих уральских путешествий Александр Михайлович пересек Урал от Усть-Щугора по так называемой «Щугорской дороге». По прямой — это около 190 верст. Путь Сибирякова из Усть-Щугора в Ляпин продолжался около десяти суток.

Наняв в Усть-Щугоре гребцов и купив лодку, он в августе поднялся вверх по Щугору до устья Торговой реки (местное название. — Н.В.). Около 80 верст шел на нартах через Уральский хребет, а далее по реке Волоковке.

В Ляпине Сибиряков уже не застал пароходов, поднимавших сюда большие баржи с грузом хлеба и других товаров из Тобольска. Они уже ушли обратным рейсом, а доставленные товары, предназначенные для зимней перевозки, были складированы прямо на берегу, под брезентом. Зато снизу, с Оби, пришли несколько зырянских каюков с ры-

бой — осетром и другой, пользующимися повышенным спросом у жителей Печорского края. Из Ляпина эту рыбу должны были зимой перебросить на Печору, в Якшу.

Купив у ляпинских зырян крытую лодку, Сибиряков предполагал попасть на ней в Самарово, откуда уже на пароходе дойти до Тобольска. Через два дня плавания он попал в Усть-Сыгву, в летние Саксунские юрты. По берегам Сосьвы он наблюдал много рыбаков; на нерест шли сырок и сельдь. Побывал Александр Михайлович и в другом поселении — в Сортынье. Это русское село с двумя-тремя большими домами, старинной деревянной церковью, единственной на всей Сосьве.

Южнее на пути следования Сибирякова встречались почти исключительно остяцкие стоянки; русские поселения были единичными. У Лапарского протока свернули в него, затем выплыли на Обь. До Чемаш шли протоками. Здесь Сибирякову пришлось «перевалить» Обь, от западного к ее восточному берегу, у места разветвления на Малую и Большую. На восточном берегу раскинулось русское село Шаркалы. Отсюда путь лежал в село Кондинское, знаменитое своим монастырем. Из Кондинского Сибиряков попал в Атлымские юрты. Обследуя их, Александр Михайлович обнаружил, что часть из них устроена по принципу русских изб.

Первая русская деревня после многих дней путешествия Сибирякова — Малый Атлым, станция на почтовом тракте. Отсюда он взял русских ямщиков и по почтовому тракту поехал вверх, к устью Тобола. Здесь шли уже одни русские деревни — Воронина, Сухоруковская, Елизарово, Троицы... Каждая из станций почтового тракта отстояла от соседней на 45 верст.

Близ устья Иртыша Сибиряков несколько часов ждал пока стихнет ветер, чтобы можно было безопасно, не боясь начерпать в лодку воды от большой волны, переправиться к противоположному берегу. От Троицы он шел под парусом. В Самарове, большой пристани на Иртыше, стал ждать парохода, который шел из Томска в Тобольск. Раньше судоходство на Оби и Иртыше было интенсивным: ходили большие буксирные пароходы с баржами, поднимающими по 180-250 тыс. пудов муки. Но когда начала функционировать Сибирская железная дорога, пароходство пришло в упадок.

Дождавшись почтового парохода, Сибиряков за два дня с комфортом доехал до Тобольска. В общей сложности его путешествие из Ляпина в Тобольск заняло почти двенадцать суток.

Анатолий ОЛЬХОВИКОВ, г. Чусовой

Успенская обитель

«В трудах и послушании»

Послушники в Успенской обители зовутся «трудниками». Их трое. Начать, пожалуй, следует с Николая. Это пожилой, исхлестанный жизнью и частыми отсидами в зонах человек, по обличью — между сорока и семьдесятю годками. Маленькое лицо изборождено столь глубокими и извилистыми морщинами, что в них, кажется, можно что-нибудь спрятать. На откровения сразу не поддается и отмякает в прямом и переносном смысле после «четвертка» (банный день у них) — да и то узнав, что мы с ним, оказывается, земляки: оба корнями из Висима, что под Нижним Тагилом. И Николай нехотя начинает, чуть шепелявя:

— С десятой ходки в зону решил навеки завязать с «хозяйном». Баста. Устал. Про этот скит в Успенке узнал от подельника в лагере: он наказал свезти сюда сожительнице узелок. На службу в храм от нечего делать забрел — и, ты знаешь, умилилась-отмякла душа. Подошел к отцу Кириллу (тот еще не успел облачение снять) и говорю: «Возьми к себе, буду чертомелить по хозяйству без всякой платы, только чтоб далеко ноги не ломать, болят они у меня давно... А ты за это меня корми да одежонку дай немудрящую, чтоб от людей не стыдно. После прикидок решили, что мне сподручнее будет кашеварить да шитьем-поротьем заниматься. Ну, и на молитвы, само собой, хожу с зорькой и перед сном...

И действительно: руки у него — чуть ли не единственная достопримечательность. Тонкие, бледно-скользкие пальцы ширмача, биллиардиста, картежника. Легко довообразить, что необыкновенно чутки к замкам и сейфам. Но отлетели догадки, как шелуха, когда он стал рассказывать (правда, с пятого на десятое) рисковую свою жизнь. Без вранья, но со многими умолчаниями. С самого начала. Вот как было...

С сельским дружком (обоих по озорству и лени не стерпели даже в ремеслухе) подались в Лодейное поле, под Ленинградом.

Там только-только налаживалась большая стройка. Взяли их в землекопную бригаду. В от-

личие от плечистого крепыща Генки, хлипкок и малоросл был Кольша — и всякое дело у него из рук валялось: и лопата совковая с вязкой глиной, и кайло, с которого отлетавший отщеп камня в глаз норовил, и вырывающийся поддон с кирпичом, и тесовая стлань, оставлявшая на память занозы. И даже поленья при растопке «буржуйки» в рабочей подсобке вставали наперекосяк. Может, и стерпелось бы это — но все злее донимала насмешками бригадная орава разноприблудных здоровых мужиков, ставя в пример ему ловкого и компанейского Генатку. Нет чтоб в разные звенья их поставили; дружок — вот он, рядом. И возненавидел недавнего корешка Кольша, толкаясь и торча, как нетудыкина гармонь. Еще того хуже мучили частые пьянки в общаге, где на нарах в большой хабазине на ночь собиралось десятка три соночлежников.

И он...сбежал.

На станции в кармане обнаружил рубль с мелочью. Как раз на пару черствых пирожков в буфете. Значит, до дому — зайцем. Настроение — хоть задавься, да и дебелая буфетчица посматривает на юного углана косо. И тут дверь распахивается (не иначе, как изворотом судьбы), и на пороге — черноволосый, вальжный с пепельной проседью в смоляных кудрях. Костюм на нем бежевый, белая рубашка, умопомрачительный галстук.

— Можно присесть?

— Места казенные, — буркнул Кольша, отворотясь. Незнакомец глянул испытующе-весело:

— Завтракать в одиночестве не люблю, а жена на юг умотала по весне. Составишь компанию?

Завтрак заказан столь обильный, что на четверых хватило бы.

— Коньяка не предлагаю, — сказал незнакомец, — А червяка ты заморил хорошо. Теперь рассказывай о своих бедах-напастях. По глазам вижу, что туго пришлось...

И, выслушав от повеселевшего парня сбивчивую исповедь, обронил веско:

— Дома тебя тоже не калачами встретят. А есть одно предложение. В паспорт штамп ставить не стану, а будешь меня слушаться — королем заживешь!

И — цепко глянул на руки парнишки...

Черный барин — так звали афериста в его кругу (и под той же кличкой значился он в следственных досье всех областных центров) — обучил новичка

Окончание. Начало в № 12 за 2001 год.

азам подделки железнодорожных билетов. Он был асом и изготовлял фальшивки на южные маршруты: к черноморским курортам и в ту пору к экзотическим пляжам Крыма и Закавказья. Навар был всегда, но особенно обильный — летом. Сбивать подделки у билетных касс должен был Кольша — что тот и делал. Поначалу — в истеричном страхе и напряжении, будто ежесекундно ступая по тонкому льду. Потом освоился, дышал поспокойней, но до конца опаску преодолеть так и не мог. И — завидовал бывшей напарнице Черного, которая, тяготясь железной хваткой афериста, сумела окрутить какого-то армянина с мощной и теперь была вне досягаемости.

Осенью Кольша засыпался у вокзальной кассы в Тюмени. Рука Черного по ложному билету была быстро установлена, и его пособнику по малости лет дали лишь год условно. Но «сладкая» жизнь уже пришла по вкусу: о предостережениях следователя Кольша легко забыл, а упрямства в нем было через край. И он решил иным способом выскользнуть из-под Черного барина.

Теперь он во все глаза смотрел, как аферист занимается делом в каком-нибудь вагоне у тупика — после того, как собирают оба клянченем у пассажиров очередной ворох ненужных уже билетов. Чего только не было у этого «аса» в дорогом

объемистом сакво-яже! Десятки флакончиков с сухими и жидкими веществами (Кольша исподволь признавал и записывал их названия), наборы кисточек, перьев, карандашей и фломастеров, стирательных резинок и лезвий... Много там было всего.

Кольша потихоньку обзаводился своим инструментарием, крадя кое-что у барственного небрежного патрона. Потом... «Мой грех — подставил!».

После «засыпки» своего учителя принялся за «ремес-

ло» самостоятельно... «Это, знаешь, получше наркотиков пьянит, азарту прибавляет». Из колонии Черный барин прислал «маляву» с нешуточными угрозами расправиться, как только «откинется»; но Кольша дальше завтрашнего дня не заглядывал: а наставнику еще сидеть не пересидеть. Так и шла жизнь.

Но бесконечные мотания во городах и весях с предельно рискованным промыслом, затяжные гулянки с обилием вина и дешевых женщин, изматывающие картежные ночи в придорожных гостиницах, где ему часто не везло, и он оставался без гроша, подтачивали здоровье посерьезнее письменных угроз и проклятий ментора. Болели ступни и коленные суставы. Две-три собственные отсидки в зоне здоровья, понятно, не прибавляли. Мало-помалу «романтическое» ремесло обрыдло, а работать и жить как все он вначале не хотел, а потом уж и не мог...

— А как же... взаимоотношения с Богом? — пожалуй, чересчур панибратски вырвалось у меня. Но собеседник, казалось, не заметил этого и надолго задумался. А ответил — как отрезал:

— А по-простому. Не как у наших молодых — с такой одержимостью, что себя не помнят, от себя совсем отказываются ради в этой самой... веры. А я себя не могу не помнить, но душой почувствовал здесь Господа. Как? А хотя бы тем, что не зря в Успенке оказался. Не иначе как Бог свел меня с отцом Кириллом. По-новому, честно заповедано мне остаток дней дожить и верой укрепиться. Вот и служу...

Теперь о двух юных трудниках. Таких разных еще поискать. Один — Андрей — точно ходячая сомнамбула: необыкновенно молчалив, движения замедленные, будь то работа на строящемся доме (в котором разместятся кельи и комнаты для паломников), или молитвенный экстаз. Чем бы в нем ни занимался — какая-то особая отрешенность, будто никак не может додумать до конца неотвяжную думу. Он и со мной категорически отказался разговаривать, а когда я сказал, что его слово нужно для новой истории монастырей на камской земле — тяжело, с усилием обронил:

— Нужно? Да никому мы не нужны, кроме Господа...

И дал понять, что все его помыслы устремлены на принятие пострига в иноки, этот срок близится, и ему совершенно не нужна его мирская жизнь.

Другой — Евгений — напротив, жизнерадостно bestолков, один из всех курит по выдаче грубые сигареты, охотно вступает в беседы с сельчанами. И вообще плоть его бунтует — это по всем

Дароносица: маленькая лжица, потир и ящик для Святых Даров

ухваткам чувствуется. Но он почти не видит: очки 9 с минусом, да еще на левом глазу катаракта. Необходима срочная платная операция, и он ждет помощи от областной епархии.

Несмотря на его двадцать с небольшим, жизнь изрядно потрепала Женю, и зрение он потерял в одной из «больших катавасий». А если короче: в небольшом городке Урай под Тюменью вся жизнь юных обитателей сводилась к разборкам двух криминальных группировок. Каждый волен прикинуть к одной или другой — но уж потом из-под пяты не выбраться. А оставшемуся нейтральным вообще не дадут жить.

— Я рано ударился в рыночный бизнес, — говорит Женя. — Торговал запчастями от автомобилей, прихватывал оптовые партии деталей холодильников и даже велосипедов. Никакими мелочами не брезговал, и денежки водились всегда. Но в очередной раз (ох, как часто такое бывало) подходил гонец от Ахмета Сингера (так звали нашу банду) и коротко ронял:

— На стрелку у Горбатого моста будь к часу дня.

И все. А это значило: снова предстоит драка. По тридцать-сорок бойцов с обеих сторон, запасайся кастетом, цепью или дубинкой и иди. Это не на кулаках, как при Иване Грозном. За три года у меня случилось пять переломов ребер, однажды — лодыжки, а в последний раз — травма от удара кастетом по голове, она и подкосила мое зрение. Лечиться в больницу по глупости не лег, вот и отрыгнулось... Теперь приобщаюсь к иной жизни, и если Господь не оставит без внимания мои молитвы о спасении души, то и со здоровьем телесным все будет в полном порядке...

Они — трудники на благо обители. Это и есть для них единственно личное дело. Не замутненное копеечными расчетами, ибо все необходимое они имеют. Хлеб насущный и одежду. Только послушание распространяется служением каждую минуту суток, неделя, месяц — а это не всегда получается. Особенно по части молитвенного бдения. Как у отца Кирилла, который днем каждую свободную минуту в храме, а ночью — еще чаще. Так ему определено уставом. Отец Евсевий — помимо тягот по хозяйству — пастырь по поддержанию духа у братии, он по «чину» ведет ежеутренние и вечерние «правила» (свод молитв, определенных еженедельным церковным календарем). И обязательно всякая трапеза — с молитвой и чтением вслух житий святых, опять же сообразуясь с уставом и «внутренним зрением».

С «постригом» читателю ясно, а вот каков по-

слушнический срок? Это — время испытаний твердости духа для новичка. Нельзя сказать, что самое тяжкое: борения с «мирскими искусствами» выпадут, может быть, горше и трудней (узнал я от отца Кирилла, что не выдержал их первым ступивший в здешнюю обитель многоопытный иерей отец Евлагий); но после «пострига» в лоне Бога дух посвященного крепче. А время послушничества определяется совестью того, кто на послушании, и поддержкой братии.

Дарохранительница

Сестры во Христе

Две обители сносятся между собой. Соседние — мужская и женская. Не для-ради некоего декора: привечают паломников, связаны и внутрихозяйственными нуждами, и колокольным звоном первопрестольных праздников. Отдельные шероховатости соседства — не в счет. Курьерами поддерживают эту связь «благодетели». Вот с одной из них (из Лысьвы) — Надеждой Константиновной — и выехали мы в школьном автобусе до Рассох, где на вершине Метеиной горы — храм златоглавый и ныне Казанская Трифонова женская пустынь.

Опять позволим себе небольшой исторический экскурс. Вслед за святителями Стефаном, Герасимом, Питиримом и Ионой даровал Господь Перми в XVII веке молитвенника Трифона Вятского, с которого и начаты эти записки. Память о нем возрождается и крепнет в сердцах верующих. И хотя трагически закончилась здесь его подвижническая жизнь — но церковная, по молитвам преподобного, развивалась благоприятно до XIX века. И на сравнительно небольшом друг от друга расстоянии действовали четыре красивейших по архитектуре храма и двенадцать часовен.

Семя монашеской жизни, брошенное в землю пермскую Преподобным, проросло и принесло плоды. В 1996 году при церкви во имя Всех Святых, единственно уцелевшей на Метеиной горе, Священным Синодом Русской Православной Церкви было благословлено восстановление Верхнечусовской

Казанской Трифоновой пустыни. Она названа в честь чудотворной иконы Божьей Матери Казанской, явившейся в этих местах в XIX веке. С горы открывается великолепный вид на крутые берега реки Чусовой, зубчатые вершины лесных боров за холмами и перелесками и змейкой вьющуюся речку Усолку, никогда не замерзающую зимой.

Начиналась обитель с дома милосердия для престарелых, созданного при храме в 1992 году по благословению преосвященного Афанасия, Архиепископа Пермского и Соликамского. Но стали уже тогда приходить и спасаться молодые сестры во Христе, чтобы провести остаток дней вместе с пожилыми монахинями в трудах и послушании. И много лет служит на том приходе духовник, настоятель храма игумен Савватий (Рудаков).

Всем православным миром, на пожертвования добрых людей, строилась и росла обитель.

— В 1992 году, — рассказывает отец Савватий, — было тут две насельницы. Отец Степан, архимандрит патронирующей Пермской мужской обители, сказал, навестив нас: «Пусть будет не две, а двадцать две!» И стало так по его слову...

Жизнь протекает здесь традиционным для общежительских монастырей образом. Ежедневное богослужение, келейная молитва и труд. Послушаний у сестер много: в храме — пение и чтение за богослужением, в трапезной — приготовление пищи, в швейной мастерской, библиотеке, доме милосердия, гостинице — с обслуживанием паломников и приезжающих; а летом — на сенокосе, скотном дворе и огороде.

Сестры обители всегда чувствуют над собой особый покров Царицы Небесной; ее явленная икона «Казанская» находится в храме и считается местно чтимой святыней. В середине XIX века, в шести километрах от храма Всех Святых, близ деревни Заболотье крестьяне обнаружили в лесу под горой, поросшей елями, икону Божьей Матери. Принесли в приходский храм Рождества Христова. Предание рассказывает, что на следующий день иконы в храме не обнаружилось. Она была найдена на том же месте в лесу. Второй раз ее принесли в храм — и снова икона таинственным образом вернулась обратно. Тогда на этом месте для иконы была построена часовня — и тут же рядом стал иссякаться целебный источник, и сегодня поражающий паломников чистотой и благостью. Чудом уцелела икона в годы террора, когда храмы рушились, как карточные домики. Икону сберегли местные жители. Согласно тому же преданию, лик

Пречистой стал источать слезы после того, как икону, нуждающуюся в реставрации, поместили в холодный притвор Всесвятской церкви. Затем перенесли в храм, обновили изображение — и почитание продолжалось. Продолжается оно и по сию пору.

В алтаре церкви находится киот с частицей Животворящего Древа, Креста Господня, частицами мощей святого Иннокентия Иркутского, святого блаженного Косьмы Верхотурского, преподобного Далмата Исетского. В этом же киоте хранится частица мантии преподобного Серафима Саровского и частица от гроба святого Тихона, патриарха Московского.

Рассказал отец Савватий и о сегодняшних днях обители. Повседневную жизнь направляет в строгости устава и благочиния мать-настоятельница Ксения, которая и представиться не захотела, считая себя одной из смиреннейших. Она — в вечных хлопотах по обширнейшему хозяйству. Благодаря ее умению распознать в сестрах склонности по призванию, на всех ключевых постах подобраны надежные помощницы.

Из пожилых — матушка Николья, из схимонахинь. В ее ведении клирос, где она задает тон в пении с молодыми послушницами.

Матушка Тамара заведует скотным двором. Тяга к монашескому затворничеству наследственная: отец — псаломщик в Лядах. Также поет на клиросе.

Матушка Елизавета — прислужница в храме. Родом из Лысьвы. Под ее опекой монастырская библиотека.

Матушка Ефимия — в мирской жизни медик — недавно приняла постриг. Заведует кухней и столовой.

Матушка София (за плечами в минувшей мирской жизни — два института) высаживает в обители цветы десятков сортов. Поет на клиросе. Мать Екатерина — регент. Мать Ангелина — в помощницах у матушки Тамары. И — звонарь, хоть молодая летам: недавно получила паспорт.

Послушницы тоже в немалом числе. Начнем с самой пожилой — Федоры. За нею — медик Людмила, бухгалтер Алевтина, Августа с дочерью Валентиной, еще одна Валентина (печет просфоры для храма). Они отреклись навсегда от мирских профессий, званий, чинов. А вот послушница Евгения (родом из Нижнего Тагила) свой мирской опыт в профессии штукатура с радостью применяет на благо обители. В ладу и согласии с сестрами.

Иван ПЛОТНИКОВ, г. Екатеринбург

Гайда, Колчак... Кто третий?

Та фотография, о которой идет речь в тексте

Перед нами фотоснимок, оригинал которого хранится в Государственном архиве Свердловской области. На нем девять персон. Все, кроме одного, — военные.

Снимок публиковался и комментировался. Но идентифицировался только А. В. Колчак и иногда — генерал Р. Гайда. Местом съемки называют разные города Урала, а то и Сибирь — Омск.

Так продолжалось до последних лет. Мне удалось уточнить место фотографирования — Екатеринбург — и выявить остальных изображенных на снимке (см.: И. Ф. Плотников. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность (биография, документы, материалы, комментарии, приложения с иллюстрациями). Белая армия, белое дело. Альманах. 1996, № 2. С. 127; Архивы Урала. Екатеринбург, 1996, № 2 (4), С. 209-210). Я указал, что, кроме первых слева направо, Р. Гайды и А. В. Колчака, сидят М. К. Дитерихс (третий) и С. А. Домонтович (четвертый). Р. Гайда был в то время генерал-лейтенантом, командующим Сибирской армией; А. В. Колчак — адмиралом, Верховным правителем России и Верховным

главнокомандующим всеми ее сухопутными и морскими силами; М. К. Дитерихс — генерал-лейтенантом, генералом для особых поручений при Ставке; С. А. Домонтович — генерал-майором, помощником по военной части Главного начальника Уральско-го края (С. С. Постникова), Уполномоченным по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в уездах Пермской губернии. Дальнейшее изучение документов, исторических источников привело меня к выводу, что третьим слева направо является не М. К. Дитерихс, а другой человек — именно генерал-майор, начальник штаба Сибирской армии Б. П. Богословский.

Выясняется, что генерал Дитерихс в начале февраля 1919 года по требованию Колчака по делу об убийстве царской семьи уехал в Омск и вернулся в Екатеринбург только в марте, уже после отъезда адмирала. Таким образом, я невольно ввел в заблуждение других авторов, но в процессе, так сказать, поиска истины.

Появились и другие доказательства. У Дитерихса отсутствовал, как оказалось, орден св. Георгия какой-либо степени. А у снявшегося с Колчаком этот орден наличествует. При внимательном рассмотрении генеральских погон выяснилось, что звездочек на них не три, как должно быть у генерал-лейтенанта (Дитерихса), а две, что соответствует чину генерал-майора.

Так возникло предположение, что на фото — генерал-майор Б. П. Богословский. Ему это звание было присвоено с награждением орденом св. Георгия 4-й степени. Он — офицер, затем генерал Генерального штаба и в штабной должности, как положено, — при аксельбантах.

Окончательно утвердиться в предположении не позволяло отсутствие в архивах его фотоснимка и описания внешности. Но второе нашлось. Военный министр правительства А. В. Колчака, генерал-лейтенант барон А. П. Будберг в дневниковых записях оставил характе-

ристику Б. П. Богословского: «Начальником штаба у Гайды состоит генерал Богословский, цыганистый брюнет, вид энергичный, глаза неглупые, говорят, что по части боевого управления все лежит на нем и что распоряжается он толково».

Да, это Богословский! Теперь сомнений быть не могло — тем более, что в эти дни, как свидетельствуют источники, он встречал и сопровождал Колчака в Екатеринбурге.

Рядом с Б. П. Богословским сидит генерал С. А. Домонтович (крайний справа). Он, как мы видели, занимал в Екатеринбурге достаточно высокое положение, был «военным хозяином» города, ведающим охраной; всюду сопровождал Верховного правителя, «обставлял» встречи с ним, организовывал концерты, обеды и т. д.

На его плечах офицерские погоны с двумя просветами, без звездочек — чин полковника. Так и должно быть, ибо звание генерал-майора Колчак присвоил Домонтовичу только во время пребывания в Екатеринбурге, 17 февраля, а приказ появился лишь 8 марта.

Не лишним было бы найти фотографию Домонтовича. Возможно, она имеется у его потомков в эмиграции (в Китае, где проживал генерал, или где-то еще). Быть может, у родственников знаменитой большевички А. М. Коллонтай (в девичестве Домонтович), родственницы колчаковского генерала.

Теперь о лицах во втором ряду. Их пятеро. В одном из них, стоящем позади А. В. Колчака, сомневаться не приходится. Это «личный адъютант» Верховного правителя и Главковерха А. В. Колчака ротмистр В. В. Князев, сопровождавший его во всех поездках. Он был еще совсем молодым боевым офицером, в дальнейшем проживал в Китае, затем в Канаде, опубликовал воспоминания, в которых есть и фото.

Предполагаю, что стоящий рядом с В. В. Князевым, крайний, в гражданской одежде — английский консул в Екатеринбурге Т. Г. Престон. Основанием для предположения является то, что он был в числе встречавших А. В. Колчака, общавшихся с ним лиц. В Пермском госархиве сохранился снимок Престона во время поездки его на фронт, воспроизведенный во втором томе «Истории Урала». Он одет в типичный для той поры костюм английских дипломатов.

Много сложнее оказалось выяснить личности остальных офицеров во втором ряду. Скорее всего, они, как и Князев, из сопровождения Колчака: приглашал в фотомастерскую Р. Гайда, «хозяин»!

Попробуем порассуждать. Сохранился текст приказа Колчака с выражением благодарности лицам, сопровождавшим его в февральской поездке. В ней

значатся: начальник его канцелярии, генерал-майор А. А. Мартьянов; главный начальник военных сообщений Генерального штаба полковник Касаткин; подполковник Генерального штаба Тонкошкур — очевидно, адъютант; ротмистр В. В. Князев, а также штабс-капитан Соломондицев, подпоручик Матвеев и подпоручик Федулenco.

Генерала среди снявшихся во втором ряду нет. Очевидно, Мартьянов был чем-то занят и отсутствовал. Двое из офицеров имеют военную атрибутику, полностью соответствующую положению Касаткина и Тонкошкура: погоны с двумя просветами — полковника и подполковника — и аксельбанты. Можно с достаточным основанием предположить, что третий человек справа налево — офицер Касаткин, а четвертый — Тонкошкур. Пятый, крайний слева, — кто-то из младших офицеров, быть может, старший по званию — штабс-капитан Соломондицев (количество звездочек не видно). Но, конечно, вопрос атрибуции не снимается.

Фотографию датируют по-разному: и февралем, и маем, и февралем-июнем 1919 г., и т. д. Вопрос нуждается в выяснении. Я совершенно уверен, что снимок сделан именно в феврале, причем в первые дни — 16-19 февраля, до отъезда А. В. Колчака и его сопровождения в Пермь. В последующие приезды, первый из которых — май, А. В. Колчак имел бы на шее орден св. Георгия 3-й степени, которым был награжден в апреле. С. А. Домонтович был бы при генеральских погонах. Очевидно, на фото мы видели бы генерала М. К. Дитерихса, но могли не видеть генерала Б. П. Богословского, ибо штаб армии переместился в Пермь. Косвенным доказательством служит и то, что к возвращению Верховного из Перми в Екатеринбург из Челябинска специально приехал командующий Западной армии генерал-лейтенант М. В. Ханжин, без которого в это время сеанс фотосъемки вряд ли состоялся бы.

Читателю будет небезынтересно узнать о своеобразном «фотохобби» генерала Гайды. А. П. Будберг, побывавший с А. В. Колчаком в Екатеринбурге в середине мая 1919 года, в дневнике, неслестно характеризуя Р. Гайду, писал: «После обеда Гайда возил адмирала в чешскую мастерскую-фотографию, великолепно обставленную; судя по тому, что показывали адмиралу, фотография работает главным образом для Гайды, уготовляя ему великолепные по исполнению альбомы Урала и военных действий, с крышками из разных уральских пород, украшенные уральскими самоцветами, всюду гербы Гайды поверх опрокинутых вниз головами императорских и королевских орлов с надписью «Exlibris P. Gaidae».

Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ, г. Екатеринбург

Валерий ДЕСЬКОВ, с. Ершовка (Удмуртия)

Ершовская беляна

(страница из истории речного флота России)

Летом 1880 года двадцатисемилетний удельный крестьянин села Ершовки, что на левом берегу Камы напротив города Сарапула, прошел одну путину от Ершовки до Астрахани судовым рабочим — по-местному, бурлаком — на беляне, то есть на самосплавной деревянной барке.

Его воспоминания и об этом плавании, и о беляне записал его сын Иван, а сохранил записки его внук Валерий, один из авторов нашего рассказа.

В истории отечественного речного судоходства беляна занимает особое место. Об этом оригинальном творении русских мастеров-судостроителей, о котором ныне мало кто слышал, мы и намерены поведать читателю. Но прежде расскажем коротко о его предшественниках.

Первыми речными судами, которые человек строил еще в незапамятные времена, были челн и ладья. Челн вырубали топорами из кряжа — толстого ствола дерева. Ладью сколачивали из досок. Такие же суда строили славяне на Дунае, Висле, Днепре, Волге, Волхове, Двине, на Иломенском и Онежском озерах, на Белом море. Большая плоскодонная ладья с высокими бортами именовалась у славян баркой. Достаточно проста, но остроумна была ее конструкция.

Каркас барки, ее основа, именуемая еще и внутренним набором, состояла из продольного днищевое бруса — килья, переднего вертикального бруса — форштевня, заднего вертикального бруса — ахтерштевня и шпангоутов — ребер судна. Для прочности киль усиливали снизу вторым брусом — фальшкилем.

Для шпангоутов брали в лесу кокоры. Кокора, или клюка, — это очень толстый и очень крепкий корень сосны или дуба с обрубок ствола под прямым углом к корню, или углом, близким к прямому. С определенным интервалом одну от другой кокоры врубали обрубками стволов в днищевый брус — в киль — и обшивали все это снаружи досками, которые для гибкости предварительно хорошо пропаривали. Эти доски не выпиловали пилой, а вырубали топором из ствола дерева. Они были достаточно толсты и грубо обработаны. Такие доски называли «топорными». Все детали каркаса

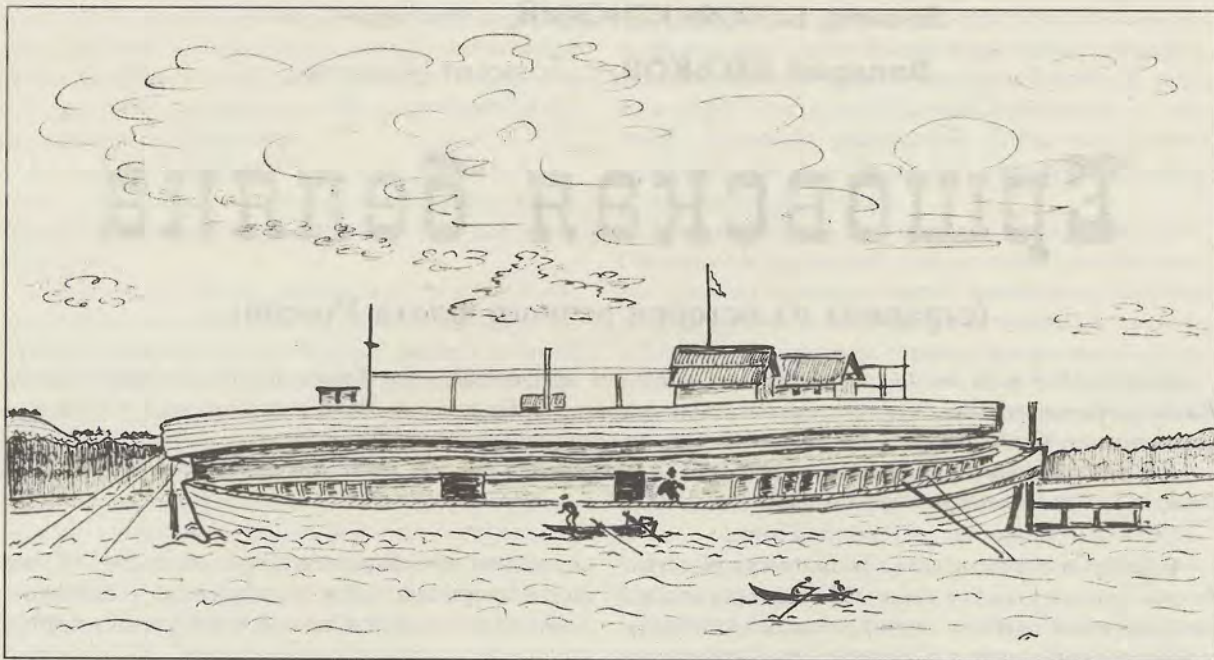
скрепляли дубовыми гвоздями-нагелями. Трюм барки изнутри не обшивали досками и сверху не покрывали палубой. Стыки и пазы днища и бортов конопатили промасленной паклей, мочалом или мхом, после чего весь корпус снаружи смолили, густо обмазывая кипящим варом. Такое судно было черным, его борта поблескивали на солнце глянецом.

Термин «барка» собирательный. На разных российских реках, а также в зависимости от предназначения и особенностей устройства баркам давали свои, местные названия. Например, «коломенка», «тихвинка», «мариинка», «мокшана», «гусьяна», «беляна». Белянами называли самые крупные коренные барки особого предназначения.

Теперь, когда мы познакомились в общих чертах с устройством речных судов барочного типа, посмотрим, как передвигались такие суда по российским рекам на большие расстояния. Одни ходили на веслах, другие — под парусом, третьи — при помощи конской или людской тяги, а также самосплавом, подобно плоту свободно двигаясь по течению реки без весел и паруса. Может показаться удивительным, но последний способ был самым распространенным и по историческим срокам оказался самым долговечным.

Самосплавное судно строили только на одну путину, на один рейс вниз по реке. Обратное вверх по течению оно не возвращалось. После выгрузки клади в пункте назначения его разбирали и продавали как строительный материал или на дрова. А поэтому и прочность корпуса сплавного судна рассчитывалась только на один рейс.

Самосплавные суда перевозили зерно, соль, рыбу, лес, пушнину, металлы, камень и иные гру-

Беляна с грузом

зы. Товарный, промышленный лес, который рубили в верховьях Волги, на Ветлуге, Вятке, Каме, сплавляли бревнами в плотях.

В начале восемнадцатого столетия в России появились так называемые «пильные мельницы» — лесопилки с приводом от водяного колеса на речных плотинах — и их продукция, пиломатериалы: доски, тес, брус, рейка. Тут же возникла проблема: как везти эти пиломатериалы по рекам в безлесые, степные районы юга России? В плотях эта продукция вымокнет, и в дело не пойдет. Существующие барки слишком малоемки для такого товара, и поэтому экономически невыгодны. И тут, как часто случается в жизни, выручила обыкновенная людская смекалка, сообразительность опытных российских мастеров-судостроителей и купцов-лесопромышленников. Они решили строить большие, вместительные барки-плоты, в которых корпус и пиломатериалы составляют единую, компактную и прочную древесную массу, своеобразный монолит. Корпус такой барки не конопатили и не смолит. Он оставался светлым, «белым». Отсюда и произошло название нового типа судна: «беляна».

Беляны строили на Ветлуге, Волге и Каме — там, где велись лесозаготовки и работали «пильные мельницы». Грузоподъемность самых крупных белян достигала девяти тысяч тонн, длина корпуса — ста метров, ширина — двадцати шести, высота

бортов — семи, а осадка в воде — пяти метров. Такое судно могло плавать только по глубоким рекам.

Пиломатериалы при загрузке беляны укладывали со дна трюма штабелями вплотную к бортам и скрепляли между собой особым способом. Затем штабель накладывали и выше бортов, с постепенным расширением в стороны, за борта — так называемым «грибом», тем самым создавая как бы крышу над всей кладью, сохраняя ее от дождя в непогоду. А вдоль бортов оставляли проходы для команды белянщиков.

Поверх груза и ближе к корме ставили две казенки — избушки для белянщиков; над ними помещали мостки и рубку лоцмана — главного лица на беляне, отвечающего за благополучный ее сплав к месту назначения. По бортам крепили два или три ворота, на которые наматывались тросы от лотов, опущенных на дно реки. Лот — это тяжелая чугунная плита. При движении беляны по течению лот, удерживаемый тросом, скользит по дну, сползая в самые глубокие места русла, и этим удерживает беляну на фарватере. Кроме того, ход беляны по фарватеру подправляли длинными шестами и те белянщики, которые постоянно стояли у бортов, и те, что орудовали на корме потесами — длинными рулевыми веслами.

Беляна двигалась со скоростью течения реки:

быстрее на перекатах, медленнее на плесах, делая от двух до шести верст в час. Обычно беляны шли караванами. Но случилось — как и в нашем рассказе — в путину отправлялась одна беляна. А в некоторые годы девятнадцатого столетия по Ветлуге, Каме и Волге за одну навигацию сплавлялось более тысячи белян.

...Весной 1880 года ершовский купец и лесопромышленник Семен Романович Татарских повстречал на деревенской улице Николая Деськова, только что возвратившегося из Болгарии, с Русско-турецкой войны, и предложил ему поступить судовым рабочим на беляну, которую он, Татарских, уже готовит к отправке в Астрахань, — и тем самым заработать деньги на предстоящую свадьбу и на обзаведение хозяйством. Поразмыслив и посоветовавшись с родными, Николай согласился с предложением купца.

В июне, при самой высокой воде на Каме, беляну, построенную на судовой верфи Симониховского затона в семи верстах выше Ершовки по тому же берегу, поставили к причалу у Черного Яра (обрывистого берега ниже Ершовки), и началась бойкая загрузка ее тесом, который всю зиму возили сюда ершовские мужики на санях с подсанками из Михайловского лесозавода. Работала вся Ершовка — и стар и млад, и мужики и бабы, парни и девки. Берег кипел, как муравейник.

Когда все было готово, сельский священник отслужил на беляне молебен. Подняли сходни, и белянщики, перекрестившись на восток и помахав шапками провожающим, оттолкнули по команде лоцмана тяжелую беляну от причала шестью.

Медленно, словно нехотя, огромное судно развернулось по течению и вышло на фарватер. Опустили на дно два лота. Беляна дрогнула, на миг приостановилась — но, увлекаемая сильным течением Камы, медленно пошла вниз по реке. Началось долгое, трудное и небезопасное плавание к Астрахани.

К вечеру второго дня прошли устье Белой, потом — Вятки. Продвигались только в светлое время. С темнотой останавливались у берега. И на берегу же разводили огонь, готовили пищу, отдыхали.

Каму прошли благополучно, а при входе в Волгу беляну настиг

шторм. Набегающие волны раскачивали судно, доски поскрипывали. Но прочно уложенные штабеля не рассыпались. Трос же одного из воротов не выдержал напряжения, оборвался — и развернувшийся рычаг ударил лоцмана по плечу и голове, сбросил его в воду.

Белянщики успели спасти своего старшего товарища, а в Самаре свезли его в больницу. Лоцмана на судне заменил его помощник — опытный белянщик, не один раз ходивший до Астрахани.

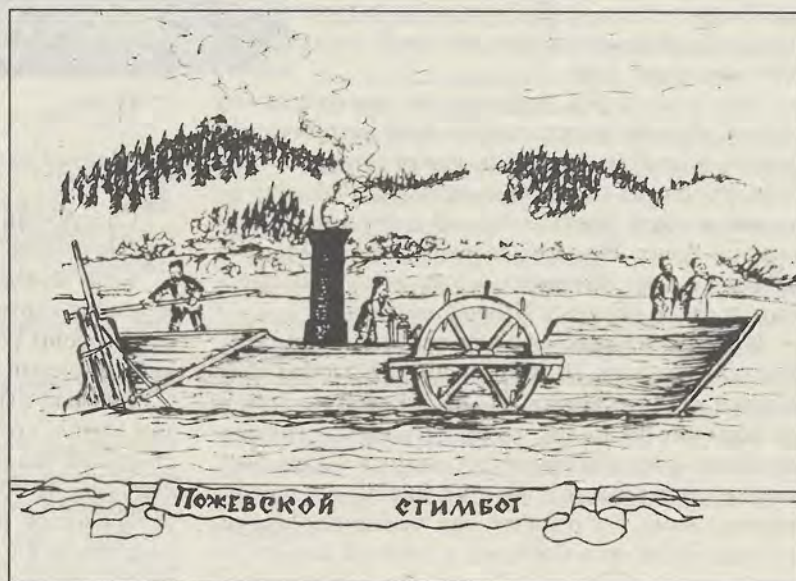
На пассажирском пароходе Татарских обогнал беляну под Сызранью, и на астраханских причалах уже поджидал судно с покупателями его груза.

Шесть недель длилось плавание от Ершовки до Астрахани. Из Астрахани Николай привез родным подарки. На заработанные деньги справили свадьбу. Правда, пришлось еще продать телочку.

Татарских посетил лоцмана в самарской больнице, передал ему гостинцы и деньги на дорогу по Каме до Сарапула. Калекой, к тому же еще и потерявшим дар речи, вернулся лоцман в Ершовку.

В начале нового столетия Татарских построил в Ершовке каменную церковь с позолоченным куполом — как дань землякам, трудом которых он обогащался много лет.

... Последние беляны прошли по Каме и Волге в середине 20-х годов XX столетия, уже после революции. Их вытеснили железные самоходные баржи большой грузоподъемности, в трюмах которых укладывали груз в кулях или в мешках, а на просторных палубах белели ровные штабеля пиломатериалов, укрытые сверху брезентом...

Елена АРАПОВА, г. Верхний Тагил

Дорога к Шайтанскому тракту

Навстречу прошлому

К ним в машину я напросилась сама. И теперь мы, который уже час, мчались по междугородней трассе, среди темнеющего в сумерках леса.

Рядом со мной на заднем сиденье — директор шалинского лесхоза Юрий Максимович Ошурков. Мы познакомились несколько часов назад в Кировграде на торжественном заседании, состоявшемся в честь юбилея Висимского заповедника. Он подошел к директору Верхнетагильского историко-краеведческого музея А. Н. Пискунову и стал расспрашивать об истории Шайтанского тракта, почти три столетия соединявшего В. Тагил с Чусовской пристанью.

Когда-то по этой дороге, за неимением других путей сообщения, из В-Тагильского демидовского чугунолитейного и железодельного завода в село Чусовое шли «железные караваны» — вначале до реки, где металл грузился на барки, а затем по Чусовой до Камы и отправлялся дальше по Волге в центральные районы России. Теперь со стороны Верхнего Тагила этой дороги нет. А со стороны Чусового старый Шайтанский тракт тянется почти до Кедрового кордона, который находится на середине этого пути.

Мне захотелось проехать по демидовскому тракту, почувствовать твердь этой исторической дороги, вдохнуть тот воздух, что ее окружает. Мои собеседники не отказали в просьбе. Ведь они — «хозяева» леса, сквозь который и проходит Шайтанский тракт. Но вначале необходимо было добраться до села Чусового, и уже от него продолжить путь по дороге к Кедровому кордону.

И вот наш спидометр отсчитывает километры. Позади осталось Нижнетагильское распределительное кольцо, указатель «Азия-Европа». Теперь мы едем уже по другой части света, мимо огромного залива с живописными островками посередине; ненадолго заезжаем в поселок Висим, останавливаемся у дома, где родился наш знаменитый соотечественник Мамин-Сибиряк, и несемся дальше по узкой зигзагообразной трассе. Но вот водитель

сбавляет скорость: у обочины парами прогуливаются птицы. Это вальдшнепы! В высокой траве замечаем крупную лисицу, которая, увидев машину, запрыгала от дороги к лесу, высоко поднимая хвост. «Охотится,» — мелькнуло в голове.

Наконец-то дорога стала прямее. Справа мелькнул указатель — «д. Мартьяново». Побывав на другой день в Чусовском музее, я прочла в рукописной тетради несколько слов об этой деревне. Основана она, якобы, сыном того самого протопопа Аввакума, который в 60-х годах XVII столетия противостоял патриарху Никону, настаивая на «чистоте» русских священных текстов, так как считал что при переписи Священного писания в книгах были допущены ошибки. Он выступил против церковной реформы, затеянной Никоном. Вскоре и Никону, и Аввакуму пришлось «сойти со сцены»: властолюбивый патриарх из-за своей гордыни потерял власть над церковью, а протопоп Аввакум в 1682 году погиб на костре. Его сына звали Прокопий. Он бежал из г. Мезени от преследователей и скрывался в скитах под фамилией Мезенин. Был у него приятель — беглый каторжник Ошурков, который поселился вместе с ним. Оба они являются родоначальниками двух известных в округе фамилий. Рядом со мной в машине сидел потомок одного из них...

Шайтан-камень

Следующий день опять начался с дороги и с посещения музея... под открытым небом.

Село Чусовое. Пред взором открывалась великолепная картина: покатые холмы, к которым по обе стороны реки, лепились жилые домики, высокий скалистый берег и широкий висячий мост.

Вначале мы решили взглянуть на село с Шайтан-камня, который называется так потому, что стоит как раз на повороте реки, и, говорят, в лихие времена об этот камень разбивались барки. В исторической работе Кафенгауза сказано, что при нападении на струги разбойников приходилось рубить канаты и отпускать на погибель. Чтобы

Дорога к Шайтанскому тракту

пройти на камень, нам приходится пробираться через высокий «лес» из лебеды, крапивы и репейников. Но вот мы уже стоим на каменных складах Шайтан-камня и смотрим вниз, где темнеет черная вода.

— Здесь глубина метра три. Страшно? — спрашивает Юрий Максимович.

Если честно, то нет. Во мне проснулась отвага, и я всю наследуюсь ею.

Мы прошли на висячий мост. Он единственный соединяет два берега реки. По нему можно проехать даже на телеге. А как здорово на нем раскачиваться! Юрий Максимович подходит к канату и намеревается показать мне, как это делается. Моя

отвага мгновенно улетучивается...

Наконец, мы уходим с моста — туда, где на гористом берегу давно стоит «газик». И едем дальше, к Шайтанскому тракту. Вначале — по распаханному на зиму полю, потом переезжаем брод и мчимся по безлесой горе. Проезжаем место, где в 1777 году селяне и рабочие Чусовского завода остановили пугачевцев, намеревавшихся после занятия Уткинского завода, расположенного выше по реке, захватить и Чусовской (тогда — Шайтанский) завод. Думаю, понимали пугачевцы, что железо, подвозимое из В. Тагила, идет на изготовление оружия, которое может быть направлено против восставших... А раз так, то все такие заводы стали их первой «мишенью».

Но до завода в Чусовом пугачевцам дойти было не суждено. Дошли они до Шайтанской дороги, которая ленточкой выбегала на опушку.

Посмотрим на эту дорогу. Она добротна и засыпана мелким камнем. По ее обочине, словно стайки кур на птичьем дворе, разгуливают молодые глухари. И если самки по-глупому бесстрашны и даже не пытаются скрыться в траве, то самцы, расхаживающие в гордом одиночестве, завидя приближающийся «газик», презрительно поворачиваются к нему спиной и неторопливо покидают проезжую часть. По словам знающих людей, этих «кур» притягивает к себе дорога, которая своим мелким гравием «помогает» им перерабатывать пищу. На дворе осень, и глухари в это время набивают зоб... камнями.

Но вот мы съезжаем с Шайтанской дороги и, по пням и кочкам, невидимым в траве, устремляемся через лес к охотничьей избушке. «Газик» всюю клюет носом, качается из стороны в сторону. И кажется, будто деревья в панике отскакивают от машины.

Избушка возникает перед нашими глазами, словно гриб из-под земли. Кончилась березовая роща: перед нами стоял колдовской лес, очень похожий на декорации к сказке «Машенька и медведь». Из болотистой земли торчали диковинные корни, в небо устремлялись величественные лиственницы, рядом с которыми ощущаешь себя маленькой девочкой Машей, оказавшейся в плену у медведя...

Дорога через столетия

Обратный путь из охотничьей избушки к Шайтанскому тракту показался мне не таким кошмарным — хотя тряслись мы на тех же кочках и пнях. Сейчас нужно попытаться все же проехать дальше, до Кедрового кордона.

Когда, наконец, выехали на дорогу, за окном замелькал молодой лес. Деревьям от силы лет шестьдесят. Вот справа показалась, по словам Юрия Максимовича, его первая делянка саженцев. Сразу и не поймешь, что здесь должно произрастать: среди крохотных елей возвышались молодые березки.

Между тем, засыпная дорога кончилась, и началась лесная, с ямами и ухабами. Слева простиралась вырубка, заросшая малинником. Впереди — спуск и путь в гору.

Юрий Максимович рассказывает:

— С недавнего времени большая часть Шайтанского тракта входит в охранную зону Висимского заповедника. Еще раньше повалились сюда «гости» из соседнего района. Бьют лосей по чьей зря. Никого не боятся. В общем, ведут себя так, словно этот лес — их частная собственность.

Машину подбросило на очередном ухабе. Это означало, что мы спустились в низину — а там в лужах иногда прячутся камни. На лесной дороге — которая, кстати, отличается тем, что ее можно «читать как книгу», — виднелись следы от колес крупной машины. Колея глубиной с полметра. Все, дальше не проехать. Выходим из машины и идем вперед — нужно посмотреть, в каком состоянии находится мостки через маленькую речушку. Они в порядке. Перед нами гора, а под горой — кордон Кедровый, где во времена Демидова стояло несколько изб и где возницы, сопровождающие «железные караваны» могли переночевать.

Казалось бы, эта дорога от одного конца до другого не потребует много времени. Но если учесть, что на телеги грузился металл, который имел немалый вес, отчего караван двигался медленно, а также и то, что возницам приходилось идти рядом с лошастью и выбирать дорогу, то становится понятным, для чего в свое время здесь была обустроена «гостиница».

Нам оставалось только взобраться на гору и спуститься с нее. А вдруг там по-прежнему стоят полуразвалившиеся избушки без рам и стекол? Еще 25 км пути — и увидим Верхний Тагил. Но — ув: ни избушек, ни проезжей дороги... Чтобы вернуться в В.Тагил, надо опять добираться до Чусового,

потом — до Шали, сесть там в электричку, после чего сделать еще две пересадки...

Я стояла на дороге и смотрела вдаль. Мне отчего-то не хотелось возвращаться к машине. Безудержно манила к себе гора, за которой в нескольких километрах стоял мой теплый город. Теплый — потому что в 1956 году здесь была построена теплоэлектростанция, которая с тех пор добросовестно обогревает все вокруг и имеет возле себя незамерзающий пруд. В том году город родился заново.

А село Чусовое со времен закрытия завода живет неторопливой жизнью, полной гармонии с природой. В 70-х годах его открыли для себя художники, многие из которых даже поселились здесь. Теперь они рисуют пейзажи и проводят выставки и в Екатеринбурге, и прямо здесь, в Чусовом. Жители очень дорожат нетронутой красотой окрестностей и не хотят, чтобы их идиллия была нарушена.

Все это мне посчастливилось увидеть и узнать благодаря моим нечаянным попутчикам, которые оказались неплохими экскурсоводами, заботливыми хозяевами, отличными специалистами своего дела и просто хорошими парнями.

Утренние грезы

Утром шел дождь. Я ехала в электричке и думала о том, что иногда судьба разводит в разные стороны не только людей, но и целые города, и села. С закрытием железодельных заводов заросла буйем и дорога, их связывающая. И надежды на ее восстановление мало. Во-первых, оба населенных пункта находятся в разных административных районах, и, стало быть, у них разные финансовые карманы. А это порой является главным препятствием в любом ремонте, поскольку для этого требуется обоюдная заинтересованность сторон. Во-вторых: поскольку Шайтанский тракт входит в зону Висимского заповедника, навряд ли его руководство захочет что-то менять. Скажут: «Заповеден лес, заповедна и дорога». А это значит, что она видеоизменяться не будет. И в-третьих. Появится дорога — появятся и «паломники». И не только в поисках исторических мест, но и заповедных — тоже. А зачем Шалинскому лесхозу еще и верхнетагильские браконьеры?

Но воображение не унималось. Оно рисовало мне картину: по старому демидовскому тракту мчится туристический автобус... Одно утешает: я уезжала с дождем, а это — хорошая примета.

Ирина КОПЫТОВА, г. Чердынь

Память о ныробском узнике

Старинное село Ныроб (Чердынский район Пермской области) известно в русской истории как место ссылки дяди первого русского царя из династии Романовых — Михаила Никитича. В 1613 году село стало святым местом. В первой половине XVIII века здесь вместо деревянного ансамбля формируется каменный: пятиглавая Николаевская церковь (1705 г.) и Богоявленская церковь (1736 г.). Выступом у северной стены храмовой части Богоявленской церкви было отмечено место захоронения боярина Романова. Внутри церкви находилась гробница мученика, здесь же хранились цепи-оковы. Более трехсот лет из многих уголков России стекались в Ныроб паломники, чтобы поклониться месту заточения М.Н. Романова и железным оковам — главной святыне этих мест. Во время церковных служб верующие надевали их на себя, чтобы избавиться от недугов, по окончании венчания к цепям прикладывались новобрачные.

Святым местом в Ныробе была и яма-темница, где М.Н. Романов принял мученическую смерть. В 1793 году над ней «тщанием... и коштом здешней волости крестьян... усердием и старанием крестьянина Максима Пономарева» была построена часовня во имя святого Архангела Михаила.

По случаю 300-летия дома Романовых вокруг часовни по проекту А.Н. Зеленина был разбит сад и поставлена железная ограда на каменных столбах с разнообразными художественными украшениями. Рядом с садом и часовней построили здание богадельни. Закладка ограды, сада и богадельни происходила 25 мая 1913 года, а освящение — 3 мая 1915 года.

Из маленькой деревни Ныроб вырос в большое

село — административный и духовный центр, на севере Пермской губернии. Ежегодно 6 сентября (церковь вспоминает чудо св. Архистратига Михаила) в часовне совершалась панихида по боярину Михаилу Никитичу. В день Святой Троицы к часовне совершали крестный ход, около неё служили молебны архангелу Михаилу.

Из Ныроба ежегодно совершались крестные ходы: на Петровское заговенье, на Искорское городище — место явления иконы Параскевы Пятницы. 19-21 февраля 1913 года в Ныробе по-особому торжественно отметили 300-летие Дома Романовых.

После 1917 года началось забвение и разрушение храмов. В 30-ые годы в Ныробе разобрали часовню, с ограды убрали украшения с царской символикой, в 1928 году цепи М.Н. Романова передали в Чердынский музей.

Но память о мученике боярине сохранилась и жива. И уже в наше время имеются примеры почитания М.Н. Романова. 22 июля 1998 года в Ныроб приезжали потомки династии Романовых. 14 августа 2000 года во время крестного хода был освящен крест, поставленный невдалеке от ямы Романова. 28 мая 2001 года от места мученической кончины

Романова начался крестный ход в честь Святых царственных мучеников, который закончился в Екатеринбурге.

В сентябре 2001 года прошла научная конференция, посвященная 400-летию заточения и почитания М. Н. Романова в Чердынском крае.

*Ныроб. Ограда сквера возле ямы М. Н. Романова.
1913-1915 гг.*

Михаил ПЕТРОВ, г. Екатеринбург

Поромшонка — улица плотогонов

В пору детства я жил в окрестностях Михайловского завода и не раз встречался с непонятными мне названиями. Например, дорога на Сергу, за Власкину гору, пролегла по большому зеленому полю, называемому «Гаванью».

Из книжек я знал, что гаванью именуется место стоянки и причала кораблей. В Михайловском же не было ни торгового, ни военного флота, да и приличных речек-то в округе не найти...

Перевалив через Еланскую гору, мы попадали в деревню Уфимку, в просторечии именуемую «Плотбищем». Из поколения в поколение переходило это название; а почему «Плотбище» — никто не ведал.

В зрелые годы, занявшись краеведением, я убедился, что все названия Михайловских окрестностей, казавшиеся мне в детстве случайными, оказались вполне объяснимыми.

«Плотбище» — «место на берегу реки, род пристани, где вяжут плоты или строят барки...» (В. Даль). В моем детстве на этом месте не было пристани, а работала Михайловская писчебумажная фабрика. Но то, что пристань здесь раньше существовала, подтверждает пресса столетней давности.

Вот что писала газета «Екатеринбургская неделя» в 1893 году: «...Караван Уфалейских заводов пришел к Уфимской пристани 15-17 апреля, приняв добавочный груз сортового железа выделки Верхне-Сергинского завода и сдав пристани приплавленную для здешнего завода «сутунку» (из которой прокатываются листы) отплыл далее вниз...»

С названием «Гавань» у Власкиной горы, что возле Михайловского завода, тоже разобрались. Оказывается, раньше здесь строили барки, нагружали их железом и отправляли в путь. В той же «Екатеринбургской неделе» за 1894 год сообщалось: «... в четверг, 21 апреля, у нас «отвалили» оба каравана: заводский — с Михайловской пристани, и купеческий — с Уфимской пристани...»

В Михайловске долгое время бытовали и довольно странные названия улиц: Палкино, Перемшонка, Теляшкина, Еланная, Банная...

«Еланная» произошла вот как: по этой дороге, когда в округе еще шелестел хвоей

сосновый бор, двигались подводы с тесом, доставляя его от Кубинской пилорамы на Уфимскую пристань. Лес вокруг дороги постоянно вырубался, и дорога тянулась уже не в густом сосновом лесу, а по открытой площади — елани. Позднее по обе стороны дороги появились избы, и она стала улицей.

В детстве я жил на улице Рабочей, которая в старое время носила «горячее» имя — «Банная». Улица была односторонняя. Дома стояли в один ряд, а напротив них тянулись огороды домов соседней улицы. В каждом огороде темнели бани. Получалось, что второй ряд домов нашей улицы состоял из бань. Отсюда и ее название.

Улица Теляшкина получила свое название от слова «теляшничать», то есть заниматься промыслом телятника, закупать и продавать телят.

«Перемшонка» (ныне ул. Гагарина) — возможно, искаженное слово, и его следует произносить как «Поромшонка» — от «поромщик», «содержатель, хозяин порома». Второе значение слова «пором» — «плот, рубка бревен для сплава» (В. Даль). Возможно, на этой улице жили дровосеки и сплавщики леса.

Михайловцы горазды на словотворчество. Например, я долго не мог понять название улицы — Мистраушка. Оказалось, что это старое название улицы Мастеровой, а ласкательно — Мастеровушка, превратившееся в разговорной речи в Мистраушку (ныне улица Партизан).

г. Михайловск, вид на улицу Гагарина, 1957 год

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 26
Иван КУЗНЕЦОВ «Мерцающий»	стр. 27
Алексей МЕЛЬНИКОВ Стихи	стр. 36
Евгений ЛОБАНОВ «О, Paris!..»	стр. 38
Анна КИРЬЯНОВА «Неправедный судья»	стр. 48
Петр ПЛЫШЕВСКИЙ Стихи	стр. 51
Заочная литературная школа «Большие надежды»	стр. 54
Юрий ДЕМИН Стихи	стр. 56
Петр РОДИМОВ Стихи	стр. 58

Уважаемые Читатели!

Как мы уже сообщали в февральском номере нашего журнала, в «Аэлите» теперь публикуются произведения всех жанров: проза, фантастика, поэзия. И мы предлагаем Вашему вниманию фантастический рассказ «Мерцающий» (автор - Иван Кузнецов). Екатеринбургский писатель Евгений Лобанов представлен рассказом «О, Paris!..». Это произведение, несомненно, понравится всем любителям психологической прозы. А его героиня будет близка и понятна многим из молодых читателей, пробивающихся в жестком мире большого города не ради себя — а ради своих детей.

А литературная мастерская творческих личностей представлена двумя совершенно разными поэтами - Алексеем Мельниковым и Петром Плышевским. Первый из них представлен подборкой сюжетных стихов о Чечне, в то время как второй автор принадлежит к лирико-философскому направлению современной поэзии.

Мы также представляем на ваш суд сказку «Неправедный судья», написанную Анной Кирьяновой. И хотя сама автор назвала этот цикл «Сказки и истории», я бы назвал его «Сказки о новых русских». Сказка эта написана в андерсеновском стиле, она очень проста по языку и интересна.

Вниманию начинающих поэтов (или тех, кто хочет ими стать) мы предлагаем второе занятие заочной литературной школы. На нем мы рассмотрим некоторые секреты поэтического мастерства, используя для этого работы, присланные на конкурс «Большие надежды-2001».

*Зав. отделом прозы и поэзии
Петр Родимов*

Шестнадцатого февраля в библиотеке «Милосердие» (г. Екатеринбург, ул. 8-е марта, 1) состоялось первое заседание литературной мастерской клуба «Дискас». Задача этой мастерской — обучение молодых авторов и обсуждение проблем современной литературы. Занятия в литмастерской ведет писатель, художественный редактор журнала «Уральский следопыт» Т. А. Суворова. Жанровых ограничений для участников мастерской нет.

Второго марта в редакции журнала «Уральский следопыт» состоялось второе заседание мастерской творческих личностей «Ремесло». В течение двух часов шел разговор о месте «ремесленников» в культурной жизни г. Екатеринбурга. Обсуждались цель и задачи литературного течения «Добряне», звучали стихи Алексея Мельникова, Анны Кирьяновой, Петра Плышевского. Руководитель мастерской — Петр Родимов — отметил, что основными принципами участников мастерской являются служение Добру, отражение жизни народа и совершенствование мастерства поэтов и писателей. «Ремесленники» придерживаются мнения Александра Чуманова, что «Литература должна служить. Служить не государству, не народу даже, а — Добру. В первоначальном смысле этого слова. Что ни в коей мере не отменяет эстетических, стилистических и прочих изысканий, Боже упаси! Лишь бы изыскания не были самоцелью. Литература, если угодно, это графическое изображение совести, она должна царапать душу изнутри».

Тринадцатого февраля в самом центре Екатеринбурга в Окружном военном клиническом госпитале, где поправляют здоровье солдаты и офицеры Приволжско-Уральского военного округа, звучала поэзия и авторская песня. В гости к больным пришли участники Литературной Мастерской им. Бориса Марьева, организованной при Союзе писателей. Одним из организаторов и информационным спонсором этой встречи, посвященной Дню защитника Отечества, явился журнал «Уральский следопыт». Выступившие перед воинами поэты и певцы решили для себя, что назначение поэзии — это создание атмосферы добра и вдохновения, которая помогает человеку в трудную минуту. Они называют себя «Добрянами». Для Надежды Смирновой, Светланы Агеевой, Елены Букей и других поэтов это было первое выступление в рамках Мастерской. Валерий Павлов — опытный пародист, мастер коротких и метких эпиграмм. И, наконец, концерт завершали авторские песни воина-афганца, члена Союза писателей России, поэта Евгения Бунтова. Планируется, что подобные встречи станут доброй традицией.

Иван КУЗНЕЦОВ

Мерцающий

1. Зона локальной нестабильности.

Солнечный лучик, дробясь и отражаясь в многочисленных зеркалах холла, неуверенно замирает рядом с пустующей будкой охранника. Что ж, воспримем это как знак. Выглянув из-за массивной, облицованной мрамором колонны, я пытаюсь оценить степень угрозы, исходящей от мечущихся по улице полицейских. И лишь спустя минуту, почувствовав тщетность подобного занятия, рискую совершить короткую пробежку.

Под ногами мерзко хрустит пластик. Новое убежище, испещренное сеточкой змеящихся трещин, не внушает ни малейшего доверия. Хлипкое, надо сказать, убежище. Правда, увеличился сектор контроля... да и расстояние до выхода сократилось вдвое.

Некоторое время продолжаю наблюдать за небезберигой, царящей в рядах стражей порядка. Хорошие здесь стёкла: из тех, что называют односторонне прозрачными. Противник меня не видит, а я его — вполне. Прекрасной тому иллюстрацией служит группа особого назначения, не успевшая пробежать и трех десятков метров. Не знаю, удивился ли координатор этого балагана, когда я в течение полутора секунд расстрелял первую волну нападавших, но вот сами нападавшие удивиться явно не успели. Они вообще ничего не успели, даже открыть ответный огонь. Зато какая после этого началась беготня! Некоторые копы — то ли с остаточными представлениями об офицерской чести, то ли подстегиваемые приказами начальства — хотели, было, прорваться к телам сослуживцев, да в итоге так никто и не решился. И правильно, между прочим, поступили. Шансов выжить у них было не больше, чем у штурмовиков.

Паника на улице потихоньку сходит на нет. Основные силы группы антитеррора рассредоточиваются перед зданием, прячась за многочисленными, припаркованными в нарушение всех правил автомобилями. Спецназовцы — суровые парни в хвалёных жилетах пятой категории — без особого рвения формируют вторую ударную команду. Не-

ужто хватит ума повторить попытку? Нет, образумились. Наспех укомплектованная шестерка боевиков замирает в ожидании на самом краю контролируемой силами правопорядка зоны. По правде сказать, ничего они не контролируют. Однако разубедить их в этом до истечения контрольной двадцатиминутки я не имею права. Пока мне разрешена лишь пассивная оборона, допускающая отстрел любых субъектов, волею судьбы попавших в зону поражения.

Впрочем, подобными допущениями злоупотреблять не принято. Поэтому кошечки, собачки и женщины с грудными младенцами, странным образом прорвавшиеся сквозь двойное кольцо полицейского оцепления, имеют довольно высокие шансы выжить.

Пол под ногами начинает мелко вибрировать. Сорвавшись, разлетается стеклянными брызгами тонкая зеркальная плита. Я в недоумении выглядываю из импровизированного редута. Неужели подгонят танк? Нет, всего лишь БТР, причем древний, построенный еще в двадцатом веке и доживающий свои последние дни.

Вытянутая голубая туша лихо преодолевает десятидюймовый бордюр и замирает аккурат напротив выхода. Разворачивает в мою сторону жерло пулемета. Закованные в титановую броню рыцари двадцать первого века, явно приободрившись, начинают выдвигаться на исходные позиции для повторного штурма. Недоумение, вызванное появлением железного чудовища, сменяется легким разочарованием. Ну почему, почему именно мне попадают такие тупые оппоненты? Ведь очевидно, что использование этой кучи металлолома сожрет большую часть зарезервированного ресурса. Сожрет при почти нулевом КПД!

Ладно, бывает. Красивый поединок вновь откладывается на неопределенный срок, а сейчас... Сейчас начнется расстрел.

На всякий случай провожу дополнительное сканирование. Перед глазами разворачивается прозрачный лист, усеянный черными оспинками поли-

пейских, дважды перечеркнутый ломаной гирляндой бойцов антитеррористической группы, с пылающим пятном бронетранспортера в центре. Никаких сюрпризов, никакого удовольствия — просто работа.

Выскользнув из-за будки, я рывком преодолеваю полтора десятка метров, отделяющих меня от двери. На мгновение приостанавливаюсь, позволяя невидимой сеточке упасть на тело железного монстра, а затем прыгаю вперед...

Мне всегда было интересно, как это выглядит со стороны? Дымный хвост ракеты, огненный шар, молния, впивающаяся в синий металл брони? Увы, я могу наблюдать лишь финал — вихрь оранжевого пламени, пляшущий на месте тяжелой боевой машины. Между тем, у крутых тренированных парней из Оклахома-Сити возникает проблема: они не успевают поймать в прорезь прицела вынырнувший из искореженных дверей размытый силуэт. Правда, давить на курок при этом не перестают.

Свинцовый смерч, порожденный тремя десятками стволов, неотступно следует за мной, скашивая тоненькие деревца, превращая в лохмотья черный пластик стен. Я стреляю в ответ. Как в старинных фильмах — навскидку. Но копам от этого не легче: и первая, и вторая очереди ложатся точно в цель.

Пару раз меня задевают. Комбинезон пока держится прекрасно: помимо едва уловимых толчков никаких негативных ощущений я не испытываю...

Спустя полминуты пальба начинает стихать, оставшиеся в живых стражи порядка вовсе не горят желанием погибнуть при исполнении служебных обязанностей. Что ж, меня это вполне устраивает. Замедляю бег, последние метры до невидимой финишной ленточки в конце улицы преодолеваю уже шагом. Ведь это так приятно — продлить удовольствие, на несколько секунд почув-

ствовать себя абсолютным победителем...

Резкий удар в спину. Меня разворачивает, бросает на мягкий раскаленный асфальт. Боль... Мне с трудом удается привстать, оглядеться. На другом конце улицы мечутся далекие, словно игрушечные фигурки полицейских. Кажется, кто-то бежит в мою сторону... Удар. Я вновь падаю, пытаюсь проползти оставшиеся метры.

Обидно. Я — Мерцающий первого уровня — не смог справиться с заурядным координатором! Но как, как ему удалось скрыть снайпера? Я же сканировал зону. Неужели после транспортировки броневика у него остался свободный ресурс для создания сумеречного облака?

Нет, конечно, в следующий раз я учту ошибки, учту возможность подобного развития событий... Вот только будет ли следующий раз? Провал «зеленых» заданий, не прощается даже элите... Удар. Еще один... как глупо... Пятого толчка я уже не чувствую...

2. Зона относительной стабильности.

Пять. Шесть. Семь... На седьмом шаге я останавливаюсь и делаю попытку привести разбежавшиеся мысли в относительный порядок. Интересно, отметит ли заминку шеф? Наверняка отметит и наверняка не придаст ей какого-либо значения. Я сейчас просто нервничаю, не находя никаких предпосылок для столь неожиданного вызова наверх.

Обычно начальство (причем не прямое начальство, а непосредственные руководители СГБ) не снисходит до дачи аудиенций мелким сошкам вроде меня. Зачастую оно даже не знает о существовании этих самых сошек... Но, по-видимому, бывают и исключения. Странные исключения.

Собственно, заварились эта каша не сегодня, а накануне, когда я неожиданно был снят с очередной социально-исследовательской программы и брошен на ознакомление и анализ груды материалов, не имеющих к специфике моего отдела ни малейшего отношения. Потратив большую часть ночи и первую половину дня на изучение свалившейся как снег на голову базы данных, я вплотную подошел к давно известному, но и поныне не разрешенному вопросу: что делать? Безусловно, подобная подборка украсит отдел криминалистики любой, даже столь серьезной как наша, организации. Но вот по чьей причудливой прихоти сии материалы попали ко мне, я не представлял решительно. За этими невеселыми размышлениями меня и застал вызов по внутренней служебной линии, после которого мне уже ничего не оставалось, как свернуть текущую деятельность и, прихватив тощую папку с весьма скромными наработками, проследовать в кабинет лично к Юрию Дмитриевичу Петрову — главе одиннадцатого отдела службы государственной безопасности.

Кабинет меня удивил. Не было в нем ни дорогостоящей электроники координационных центров, ни навязчивой роскоши, характерной для кабинетов больших чинов. И подошел бы он, скорее, не главе управления социального контроля, а директору фирмы средней руки или его заму в организации покрупнее. Пластиковый стол, пара кресел, миниатюрные репродукции в янтарных рамках — и никаких новомодных штучек вроде объемных стереообоев или тонального освещения.

Все это я отмечаю краем глаза, взгляд же мой, неподвижный до остекления, направлен на мнимую точку, парящую десятью сантиметрами выше генеральской лысины. Спина у меня при этом прямая, физиономия каменная, голос громче и бодрее обычного.

Есть у нашего шефа что-то от кондового солдата, и никаких вольностей в отношениях начальник-подчиненный он не допускает. Так что приходится вытягиваться во фронт, выкатывать глаза и, чеканя каждое слово, докладывать, что «капитан Егоров по вашему приказанию прибыл».

Но на этот раз меня обрывают на полуслове,

усаживают в кожаное кресло и без перехода предлагают перейти, так сказать, к сути вопроса. Я не возражаю. Во-первых, не в том я ранге, чтобы возражать, во-вторых, мне и самому интересно узнать хотя бы постановку этого вопроса.

Несколько последующих секунд, однако, уходят на изъятие у меня лазерного диска с той самой базой данных и последующее скармливание тоненькой зеркальной пластинки бездонному чреву «Сталкера RX-8». Все время, пока несчастный диск тщательно сминается, скручивается и крошится в утробе черного аппарата, шеф задумчиво и словно бы изучающе разглядывает звездочки на моих погонах. То ли решает о чем стоит говорить, а о чем нет. То ли просто получает удовольствие при виде мучимого сомнениями подчиненного. Не знаю. Во всяком случае, скрежет «Сталкера», выплывшего ошметки диска, я воспринимаю с облегчением.

— Ну что ж, Андрей, — шеф, наконец, счел возможным прекратить психологический этюд, — приступим, пожалуй. С материалами вы, я надеюсь, ознакомились?

Кивок в сторону пластиковой крошки. Осторожно киваю в ответ. Мой неуставной жест генерал оставляет без внимания.

— И как, по-вашему, по какому критерию отбирались данные материалы?

М-да, неприятная формулировка, а отвечать придется...

— К сожалению, я не имел необходимого времени даже на предварительный анализ... Шеф нетерпеливо машет рукой.

— Оставьте. Независимые перекрестные исследования были проведены и у нас, и в Китае, и в Штатах. Создан единый координационный центр. Спецслужбы двух десятков стран работают над данной проблемой... Увы, пока безрезультатно. Материал накапливается, выявлен ряд закономерностей... но это все. Удовлетворительных объяснений происходящему найдено не было. Так что ваше мнение интересно мне именно как мнение эксперта-аналитика, ознакомившегося с проблемой в целом, но еще не увязшего в графиках и цифрах.

А вот это плохо. И все мои выкладки теперь — не более чем профанация по сравнению с оценкой, сделанной до меня. Шеф это понимает. Не может не понимать. Значит, действительно ждет от меня нетривиальных предположений, новых решений поставленной задачи. Беда в том, что сколь-либо нетривиальных идей у меня нет. Собственно, я даже

вышеупомянутого критерия не выявил. За исключением мелких совпадений фактор-параметры лежали в широчайшем спектре допустимых значений и, на мой взгляд, имели мало общего. Терроризм. Кражи. Похищения. Убийства... Стиль проведения некоторых акций говорил об их заказном характере, но большинство выглядели спонтанными, не имеющими какой-либо стратегической цели. Так, локальные эксцессы без каких-либо серьезных последствий и продолжений....

Все это в течение последующих пяти минут я изложил шефу, получив в ответ многозначительное «Хм» и короткую передышку. Шеф молчал; я вновь уставился в пространство и открыл счет летящим мгновениям.

— Локальные, говоришь? — Юрий Дмитриевич счел возможным прервать затянувшуюся паузу. На стол ложится пухлая черная папка. — Ознакомьтесь с материалами, капитан.

К моему удивлению, информационных блоков всего три, большую же часть папки занимают трехсантиметровые стенки, призванные защитить ее содержимое от любых известных и неизвестных науке поражающих факторов. Я углубляюсь в чтение.

Атлантический океан. 2011 год. Попытка захвата атомной субмарины. Двое террористов, служащие ВМФ США, убиты при задержании. Погибли 18 человек.

Китай. 2012 год. Нападение на институт биотехнологий. Цель — отдел разработок генетического оружия. Во время почти двухчасового боя четверо нападавших убиты. Погибли 39 человек.

Россия. Прошлый год. Захват группой военнослужащих ракетной шахты, отключение блокирующих цепей и последовавший затем пуск ракет с ядерными боеголовками. Ракеты удается перехватить. Трое террористов убиты. Погибло 24 человека...

Я откинулся в кресле, с сомнением глядя на сложенные стопкой листы. Накатило какое-то странное ощущение. Хотя разум мой и твердил, что взаимосвязи между ограблением выставки в Стокгольме и попыткой развязать третью мировую войну нет и быть не может, на миг у меня выстроилась цепочка даже не мыслей — ассоциаций. Было в этих случаях что-то знакомое, близкое. Легкость, размах, бессмысленность... Поразмышлять над собственными ощущениями мне, однако, не удастся. Папку с документами сменяет серая раковина ноутбука. Красная лампочка лихорадочно мигает:

система спешно подгружает аналитический модуль.

— Глобус.

На экран выкатывается знакомый до боли голубой шарик. Ого. А говорят, что корректное глобальное управление невозможно реализовать на имеющейся элементной базе.

— Вращение. Развертка.

Шарик послушно начинает набирать обороты. Пространство под ним постепенно заполняется пятнами континентов, россыпью стран и городов. Эффектно, хотя и не совсем понятно, зачем. Шеф морщится. Маловразумительные выходы габэшных программистов ему не по душе. Вероятно, к вечеру кто-то получит нагоняй, а кто-то, может быть, и расчет. Благо недостатка в квалифицированных специалистах у нас никогда не было.

Рисунок, наконец, закончен. Классическая карта мира, разноцветная, с неопределенной розовато-белой Россией в центре и ядовито-коричневой Америкой по краям.

— Третья библиотека, последовательный вывод. Интервал — секунда.

Итак, пространственно-временная раскладка событий. Вообще-то подобные вещи следует проверять в первую очередь; увы, у меня не было времени даже на это.

Глобус тускнеет. Еще можно различить очертания стран и континентов, но в целом земная поверхность приобретает приятную бирюзовую однородность. Спустя мгновение голубой шарик покрывается алой сеткой меридианов и параллелей. Все чуднее и чуднее... Теперь инциденты. И тут меня словно током ударило. Наверное, я ожидал увидеть нечто подобное. Словно по крутящейся с бешеной скоростью планете неведомый стрелок дал длинную, прицельную очередь, потом еще одну и еще.... Первая серия — десять красных бусинок, связанных невидимой нитью. Почти идеальный эллипс, сжавший земной шар между сороковой и шестидесятой параллелью. Вторая серия — восьмидесятипроцентное наложение, разброс превосходит нескольких десятков километров. Третья серия — обруч отклоняется, смещается ниже. Теперь это почти идеальный круг. Четвертая серия. Пятая... На девятой цепь вновь вытягивается, уходит вверх. Снова начинает вращаться. Кольца постепенно стираются, размываясь в широкую багровую полосу.... Последняя очередь перечеркивает Северную Америку, проходит по Европе и вязнет в России.

— Эта цепочка замкнулась неделю назад, — шеф начинает колдовать над клавиатурой.

— А эта змея тянется с прошлой субботы... Минск. Гамбург. Манчестер..., — четвертая точка, поколебавшись, ложится на территорию США. Оклахома-сити.

— Вот так она будет выглядеть через пятнадцать дней, — жгут вытягивается, петлей захлестываясь вокруг Земли.

— Определено около сорока возможных вариантов замыкания. Все еще можно предотвратить, — генерал смотрит на меня.

Понятно...

— И, стало быть, я тот, кто спасет ситуацию.

— Не вы один. Задействованы почти все оперативно-тактические группы, до половины оперативников-резервистов. Вы в их числе, только и всего.

Вот так. И возразить-то нечего. Глупость, конечно, тащить аналитиков в поле. Но приказ есть приказ, и обсуждать его целесообразность у нас не принято. Я встаю, едва не козырнув смотрящему на меня с иронией шефу. Не хватало ещё услышать одну из солдатских шуточек вроде: «К пустой голове руку не прикладывают».

— Товарищ генерал, разрешите идти?

Юрий Дмитриевич усмехается.

— Разрешу... в свое время. Присядьте, Андрей, мы еще не закончили. И мне по-прежнему интересно ваше мнение... Но сначала еще два штриха, — шеф перебирает несколько клавиш.

Ага, а голосовое управление не столь уж и совершенно.

— Последний из зафиксированных случаев произошел восемь часов назад. Собственно, он наглядно иллюстрирует некоторую... специфику происходящего. Ознакомьтесь.

Оклахома-Сити. Вторжение на территорию корпорации «Спех». Сигнал поступает в местное отделение полиции в 17.53. В течение пяти минут — завидная, надо сказать, оперативность — офис компании блокируется. К этому времени уже известно, что преступник ликвидировал внутреннюю охрану, каким-то образом обошел систему электронной идентификации и отсек свой сектор от остальной части здания. Спустя две минуты становится известна и цель вторжения — отдел «технологии будущего». Как выяснится позднее, террорист сумел уничтожить большую часть данных и прототипы устройств, создаваемых в рамках проекта «Пятое поколение»...

К зданию продолжает стягиваться полиция.

Вызван отряд антитеррора. В 18.17 предпринята попытка штурма. Четверо спецназовцев убиты. К зданию подгоняется бронетранспортер. Через минуту, во время попытки преступника скрыться, он будет уничтожен. В завязавшейся перестрелке погибнут двенадцать человек, ещё двое скончаются по пути в больницу. Уже вырвавшегося за кольцо оцепления террориста застрелил Сэмюэл Томпсон — снайпер отряда специального назначения. Как будет указано в рапорте, он сумел правильно сориентироваться в сложной обстановке и занял единственно верную позицию.

Семь пуль, выпущенных из винтовки с расстояния менее ста метров, затрудняют первичное опознание. Однако уже спустя два часа станет известно, что в глобальной регистрационной сети человека с подобным генокодом не значится. Дело, в силу особой государственной важности, — на контроле директора ФБР.

— И что это за проект «Пятое поколение»?

— Что за проект? — шеф захлопнул ноутбук и откинулся в кресле. — Квантовые компьютеры, как обычно, самые-самые быстрые.

— Бред какой-то, это же новинка на полгода. Игра не стоит свеч.

— Дело даже не в этом. И не в том, что разрушенное восстановят в течение нескольких суток. Куда больший интерес представляет сам террорист. Прорваться через три десятка хорошо подготовленных бойцов... что ж, при определенной подготовке и большой доле удачи это возможно. То, что у него обнаружены оружие и средства защиты, не выпешедшие из стадии экспериментальных разработок? Я могу допустить, что кто-то опережает нас в этом на полшага. Неопределенный генокод? Тоже объяснимо: в конце концов, система глобальной идентификации далека от совершенства. И пусть совпадений для одного случая многовато, все же существует вероятность подобного развития событий. Но вот чего существовать не может, так это идеальных людей. А преступник именно из их числа.

Шеф помолчал, позволяя мне переварить услышанное. Потом, словно нехотя, продолжил.

— Этот человек абсолютно здоров. У него оптимальный вес, развитая мускулатура. У него нет кариеса, мозолей или седины. Вообще ни одной известной патологии... Но даже это теоретически возможно... Видишь ли, Андрей, в течение жизни место проживания человека накладывает на него определенный отпечаток. У людей из разных обла-

стей земного шара будет разный состав микрофлоры, различный химический состав крови... Конечно, это менее индивидуальная характеристика, чем сетчатка глаза или папиллярный узор, но иногда хватает и ее. И даже если прожить жизнь под стеклянным куполом или постоянно мотаться с одного континента на другой, определенная комбинация биологических характеристик неизбежно возникнет. И число таких комбинаций отнюдь не бесконечно.

Так вот, этот террорист, да и не он один, родился и вырос не на Земле. И таких «людей» в наших случаях около семидесяти процентов.

— А остальные?

Шеф пожал плечами.

— Остальные — нормальные, со свойственными человеку достоинствами и недостатками... Вот и все, пожалуй. Итак, каково твое мнение?

Ну что я мог сказать. Если за три года сотни аналитиков в двух десятках стран не смогли справиться с этой задачей, то вряд ли ее возможно решить за полтора часа. Если она вообще разрешима. И все-таки я попытался.

— Клонирование, генетическая коррекция, психотронное излу...

— Научно-фантастические бредни журналистов, — шеф прерывает меня на полуслове. — Человека уже десять лет пытаются клонировать, и поверь, ничего жизнеспособного создать не удалось. Что касается психотроники, то я очень сомневаюсь, что сколь-либо действенные методы прямого контроля появятся в ближайшие несколько лет. Дальше инфразвуковых генераторов, пригодных разве лишь для разгона демонстраций, дело так и не пошло...

Шеф взглянул на часы, поморщился.

— Ладно, аналитик, закончишь исследования в самолете. Там же изучишь ориентировку.

— Могу я, по крайней мере, узнать цель путешествия?

— Можешь. Один из последующих ударов придется в центральную часть России. Тебе досталось Поволжье. Самара.

Что ж, не худший вариант, будем работать. Я поднялся из кресла, снова едва не козырнул, и направился к двери. Самара — значит, Самара.

3. Зона допустимых изменений.

Громадная стальная жестянка заходила на посадку. Я и не подозревал, что воздушный лайнер может быть столь неуклюжим. Однако функцию свою он

худобедно выполнил, и объект действительно находился на его борту. Все как по сценарию... Меня толкнули, заставляя прижаться к стене. Мимо прокатилась заваленная кофрами тележка. Какофония стояла потрясающая! Переводчик, включенный в пассивный режим, молчал, пропуская слова, не адресованные мне лично, но большинство фраз полужакогого языка невольно привлекали внимание. У нас подобной экзотики не встретишь.

Воздухолет тем временем остановился. По подкатившему трапу неспешно спускались дородные матроны в пестрых платьях, упакованные в дорожные костюмы надменные джентельмены. Публика помоложе предпочла противоположный люк, выплывший прорезиненную кишку. Кто-то из детей взвизгнул. Господи, какое убожество!

Объект вышел одним из последних. Высокий, подтянутый молодец, совсем как на проекции, разве что без униформы. Все, дальше тянуть нет смысла.

— Активировать модуль коррекции — не люблю ментосвязь, но здесь только она и остается.

— Зона допустимых изменений открыта. Временной интервал двадцать минут. Энергоресурс — десятка. Удачи, Лой.

Ну вот, даже удачи пожелали. Я скрипнул зубами. Стоит провалить «зелень» и на тебя все смот-

рят как на прокаженного. Даже в ранге понизили. И уже никто не вспомнит о трех «красных» реализациях с десятипроцентным профицитом по ресурсу... Ладно, сам виноват. Снайпера проворонил? Теперь расхлебывай. Хотя по большому счету мне повезло. Из лиги не вышвырнули, да еще и задание подкинули, пусть «белое», пусть одиночное с жестким ограничением ресурса, но в моем положении хорошо и это. Как-никак — шанс реабилитироваться.

Объект тем временем покинул пределы аэроплощадки и направился к выходу. Пора. Я вывел прицельную сетку, плавно опустил ее на движущуюся фигуру. Импульс. И тает одна из десяти оранжевых полосок. Объект начинает замедлять шаг, останавливается, словно задумавшись, а затем оборачивается в мою сторону. Все, сломался. Низкий уровень гипноустойчивости. Я шагаю навстречу, протягиваю для приветствия руку.

— Лейтенант Панин, самарское отделение комитета госбезопасности...

Что-то я не то ляпнул. В глазах объекта вновь вспыхивает огонек разума, лицо становится жестким. Импульс, две единицы. Огонек гаснет. Следует приветствие, рукопожатие. Я предлагаю сопроводить сотрудника госслужбы в местный координационный центр, а оперативную обстановку доложить по дороге. Объект не возражает, две единицы — сильный аргумент. Еще один импульс трачу из чистого озоровства, заставляя идущего первым капитана свернуть на стоянку и остановиться у моей машины. Сам сажусь за руль, расслабляюсь, позволив телу управлять этим «чудом» инженерной мысли. Хорошо, что технические навыки намертво вбиваются в подкорку и не требуют нахождения в зоне изменений. Кстати, о зоне... Скашиваю взгляд на часы. Еще три минуты, должно хватить... Я резко выворачиваю руль, с трудом избегая столкновения с выезжающим со стоянки такси. Заставляю себя проигнорировать несущиеся вслед проклятья.

— Эй, осторожнее!

Объект опять начинает приходить в себя. Ладно, это ненадолго. Машина вырывается на основную транспортную ленту, начинает набирать скорость. Минута до выхода из зоны.

Целиться через зеркало всегда неудобно, особенно если при этом ведешь допотопного механического монстра. Но у меня все проходит гладко. Спи спокойно, объект. В конце концов, это для твоего же блага. Импульс, пять единиц. Тело на зад-

нем сидении расслабляется. Я смотрю на часы. Сорок секунд до выхода из зоны. И по ресурсу у меня вновь десятипроцентный профицит...

4. Зона отражения

Сознание вернулось рывком. Еще мгновение назад я парил в зыбкой бесконечной мгле, а затем словно выключателем щелкнули. Подобное иногда испытываешь, когда во время глубокого сна звенит будильник... Я дернулся и обнаружил, что сижу в кресле, опутанный белесыми нитями. Где это я?

Аэропорт, сопровождающий, переезд — все выглядело каким-то бледным, нереальным. И чем меня вырубил? Голова не болит, мышцы слушаются... Я попытался высвободить руку и не смог. Нити ограничили подвижность до минимума.

— Очнулся, солдатик? — псевдогэбэшник вышел из соседней комнаты. — А я уже было собрался тебя будить.

— Очнулся, и что дальше? Будешь выпытывать главную военную тайну?

Лицо похитителя на мгновение затвердело, взгляд устремился в пустоту. Потом он улыбнулся.

— Шутить изволите? Это хорошо, значит, нервы в порядке, голова ясная. Давай так: ты внимательно выслушаешь предысторию и проникнешься стоящей передо мной задачей. Затем я тебя освобождаю, мы вместе решаем нашу общую проблему, и... гуляй на все четыре стороны. Идет?

Киваю в ответ.

— Хорошо. Можешь звать меня Лео. Твое имя, статус и род деятельности мне известны. Ситуационный расклад таков: в течение двух часов тебя попытаются убить. Процедура, поверь, очень болезненная. Я, в свою очередь, сделаю все, чтобы этого не допустить, и если ты не будешь путаться под ногами, то мне это, скорее всего, удастся. Оборону держать будем здесь. Дачка за чертой города, третий этаж, добротная кирпичная кладка. По стене — я пробовал — не подняться. Значит, остается одна лестница и одна дверь. Вопросы есть?

— И кому же понадобилось меня убивать?

— Вообще-то не положено... ну, да ладно, коли мы союзники... Представь: агент службы безопасности прибывает в город с секретным заданием. Враги, прознав про это, нанимают убийцу экстра-класса. Но они не знают, что наемник раскрыт в отделе контрразведки, и героя прикрывает один из лучших телохранителей в мире. Я! К тому же этот

городишко вполне укладывается в схему замыкания...

Бред какой-то!.. Спокойно. Вдох, выдох.

— Лео, я не понимаю, чего ты добиваешься, не знаю, кто ты такой, а твоя история... знаешь, я уже вышел из детского возраста.

Лео пожал плечами.

— А по-моему, неплохой сюжет. Незамысловатый, конечно, но это же не турнирная игра, а так... Межклановые разборки.

Интересно, у парня с головой все в порядке?

— Хорошо, я понял. Разборки — так разборки, межклановые — так межклановые... Искренне поддерживаю твое стремление защитить мою жизнь... телохранитель.

— Ничегошеньки ты не понял... — Лео вздохнул. — Естественно, я не телохранитель. Так же точно как мой визави — не коварный злодей. Но должны же мы соблюсти внешнюю атрибутику.

— Кто мы!?

— Лига. Кланы... Долго рассказывать... У вас есть сенсорики или виртуалки? Ну, вот, а хроноигры это почти то же самое, может быть, немного реалистичней. Алмазный клан уже построил свое кольцо замыкания, 8 реализаций из 10. В общем-то, неплохой результат. У нас пока 7 побед из 8. Этот прыжок девятый. Если мы запишем себе еще две реализации, то выиграем по очкам. А кольцо замыкания введено для удобства. Надо же было как-то ограничить период игры и по времени, и территориально.

Мне вдруг стало не по себе. Не знаю, наверное, я еще не успел осознать, что сказал Лео, скорее почувствовал... Головоломка, кусочки мозаики... Бессмысленные смерти, люди, не похожие на людей, невидимая плеть, оставившая десятки багровых рубцов на незащищенном голубом шарике, игры... Все вдруг обрело новый странный и дикий смысл.

— Откуда ты пришел?..

Лео усмехнулся.

— С Земли, откуда же еще. Правда, родился я несколько позже. Прошел, как и все Мерцающие, через хроноокно. И вот я здесь. Да расслабься ты, это всего лишь игра. Немного адреналина, реализм, живые оппоненты... Все равно по выходу из зоны нестабильности изменения аннулируются.

— Значит, вы играете людьми, — я удивился, что мой голос звучит по-прежнему ровно, — убиваете ради развлечений...

— Фу, как колонист-социальщик заговорил. Ты еще добавь, что Основная теория не верна. Пойми,

мы рискуем собой наравне с участниками сюжета. И потом, прошлое все равно останется неизменным.

— И как же вы тогда перемещаетесь?

— Ох, зануда, его с минуты на минуту попытаются убить, а он лезет в теорию Мерцания. Ладно, если вкратце... Разработчики находят интересный сюжет, он лицензируется и передается нам. Затем открывается зона нестабильности, фактически мы соединяем тоннелем некоторый интервал вашего и объективного времени. Затем прыгаем. По завершению миссии закрытие окна вырежет пространственно-временной кусок, в котором развивался сюжет. Иначе и быть не может: хроновмешательство изменяло бы ход истории. Однако за счет того, что игра длится равное время и в прошлом, и в настоящем, мы имеем возможность сделать запись происходящего. Ну, и, естественно, остаются воспоминания. Понял?

— А если вас убивают?

Лео морщится, пожимает плечами.

— Не знаю, я не головастик и не кибер. Там есть предохранительная система, что-то вроде окна в окне. И если Мерцающий гибнет, то отменяется базовый старт... запись, правда, остается. Так что можно скопировать ее в собственную память... до момента смерти естественно. А сюжеты бывают разные. Групповые, индивидуалки, дуэли, как сейчас. Наиболее популярная форма противостояния — Мерцающий-Координатор, когда один из игроков сражается лично, а другой, управляя вашими местными, пытается ему противодействовать. Естественно, обоим игрокам выделяется ограниченный ресурс воздействий. Можно потратить его на гипноизлучение, а можно долбануть сквозь окно плазмозарядом. Помню, подпалил я БТР...

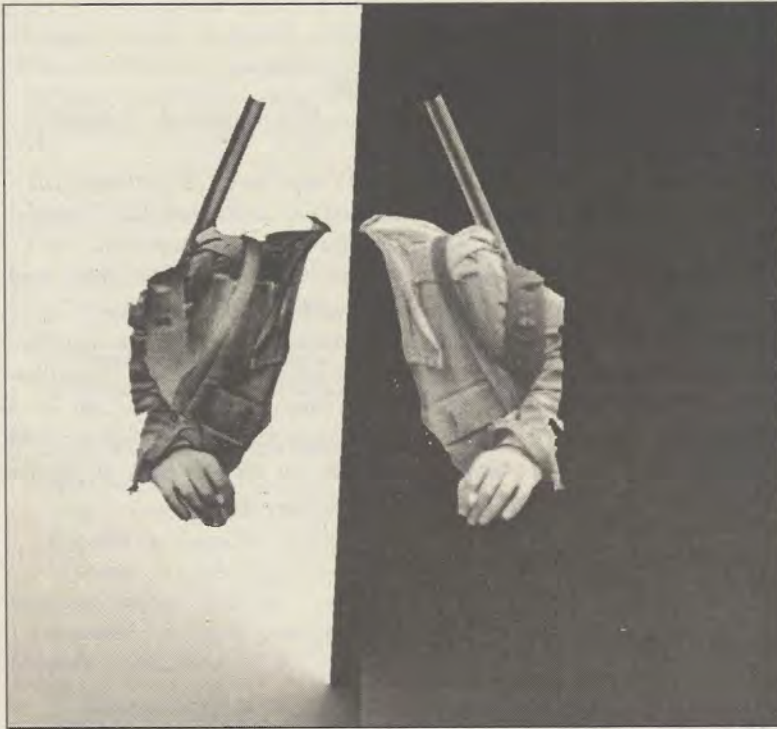
— И сколько игр уже сыграно?

— Тридцать, может, сорок...

Нет, что-то не так, ведь зафиксированных случаев было не менее двух сотен.

— Лео, а что говорят эти твои поселенцы по поводу ошибочности основной теории?

— Да не мои они! Кучка планет-колоний, всё хотят у себя справедливое общество построить. У нас на Земле с этим попроще. А насчет ошибочности... Помимо Основной существует еще теория Киро-Хана. Точно не сформулирую, но что-то вроде идеи ветвящихся вселенных. Дескать, любое историческое изменение приводит к ветвлению миров и созданию новой вселенной, развивающейся самостоятельно с момента вмешательства. Чушь! Элементарное нарушение закона сохранения. Но

пусть это правда, мы же все равно не портим собственный континуум.

— А люди параллельного мира? Их смерти уже необратимы.

Мерцающий усмехнулся.

— А даже если и так. Радовались бы, мы же целому миру новую жизнь дали.

Вот и все. Все объяснено и с технической, и с этической точки зрения. Вот они — люди будущего, будущего, к которому мы так стремимся. Дети нашего мира, так и оставшиеся детьми... Неужели у человечества нет иного пути? Неужели оно не способно развиваться иначе?... Более сотни зафиксированных изменений. Значит, мы уже сотая копия... или тысячная... Отражение отражений. И в каждом зеркале нашлись люди, пожелавшие играть в людей...

Что ж, давай поиграем.

— Я согласен, Лой. Работаем в команде.

На лице Мерцающего легкое недоверие.

— Точно? Дергаться не будешь? Ну, смотри...

Лео отстегнул от пояса плоский баллон, брызнул на ленты прозрачной жидкостью. Через несколько секунд нити бессильно опали.

Я встаю, начинаю разминать затекшие конечности.

— Мерцающий, сколько времени осталось у противника?

Лео смотрит на часы, обыкновенные наручные часы на кожаном ремешке.

— Полчаса. Странно, пора бы ему и появиться... Стреляешь хорошо? — Лой достает массивный пистолет.

— Да.

— Тогда лови, — оружие скользит по полированной поверхности стоящего между нами стола, — и умоляю, не высовывайся. Если меня убьют, постарайся потянуть время. На дуэль отводится меньше трех часов. И вообще, сядь назад в кресло. Хороший сектор атаки, и вошедший тебя не сразу заметит.

Пистолет мне знаком. Последняя отечественная разработка в этом классе.

— А где же лучеметы и бластеры?

— Да ты что, парень, зачем же тогда прыгать. Все наше оснащение — дубликаты местных образцов. Так сказать, для достоверной передачи духа эпохи, — Лео смеется. — И вообще, самое совершенное оружие — человек. А тут мы вам сто очков вперед дадим.

Вот, значит, как! Вы, оказывается, не дети, вы — сверхчеловеки. Супермены... Краешком сознания я понимал, что не имею права рисковать, ведь я единственный, кто обладает подобной информацией; что следует довести игру до конца, ведь это повысит мои шансы на выживание в десятки раз. Наверное... Но удержаться уже не мог. И пусть окончание этой игры, каким бы оно ни было, лишь выбросит нас в очередной мир, я надеюсь, что будущее способно измениться. Что найдутся миры, в которых люди сделают другой выбор. Я надеюсь, ибо иного мне не остается.

Пистолет коротко щелкнул. У этой модели встроенный глушитель и почти нет отдачи. Мерцающего развернуло, отбросило к стене. Второй выстрел смял грудную клетку. Третий превратил в кровавую маску лицо. Тело игрока медленно сползло на пол, оставляя на стене багровую полосу.

Я оглядел небольшую комнатку. Недоступное окно, единственная дверь и лестница. Пожалуй, Лой действительно выбрал оптимальную позицию. Я снова сел в кресло и стал ждать.

Алексей Мельников

Сведения об авторе:

1969 — родился в г. Южноуральске (Челябинская обл.).

1986 — переехал в Свердловск (Екатеринбург).

1997 — опубликовал ряд стихотворений в ежегодном альманахе «Крушение барьера».

В настоящее время продолжает работу над поэмой «Дорога дальняя» (всего задумано — 72 фрагмента, из них написано уже 14). Кроме того, работает над поэмой «Наши в Чечне» (всего задумано — 64 фрагмента, уже написано — 6 штук), а также — начал работу над поэмой «За бутылочкой винца» (всего задумано — 60 фрагментов, уже написано — 2 штуки).

Шестеро в зеленке

*Семерых изрубил, девятерых копьем
исколос, истоптал конем вдоволь...*

Н. Гоголь «Тарас Бульба»

1.1.

«Третий, Третий, Третий! Я — «Москва», ответь мне!
Третий, слышишь, Третий? Я — «Москва», ответь...»
«Можно я скажу, да?» «Это ты, Хаттабыч?»
«Это я, Сергеич!» «Дика ду! Живей...»

1.2.

«Э, твои мальчишки — что они сумеют?»
«Поругать желаешь?» «Поругать, ага...»
Вах, клянусь Аллахом, каждый мой способен
Двух твоих прикончить... Слышишь, доттага?»

1.3.

«Слышу, слышу, дальше!» «Твой же не сумеет
Из ака шарахнуть — свидетель Аллах!
И ножом ударить, и прикладом двинуть
Тоже ведь не сможет - дрянь твои дела...»

1.4.

«Доттага, ты слышишь?» «Слышу, слух в порядке!
Стоит ли мужчинам — порожняк тереть?
Третий, Третий, Третий! Я — «Москва», ответь мне!
Третий, слышишь, Третий? Я — «Москва», ответь...»

2.1.

«Мелкий, слушай, Мелкий! Доложи: шесть ножей
Лезут по зеленке, к вам заходят в тыл...»

«Старый, слушай, Старый! Пропорол осколок
Радио навьлет, ей теперь — кранты...»

2.2.

«Как с «Москвой» связаться?» «Только пешим ходом,
Может, и прорвемся — если нам пропрет...»
«Мелкий, нас с тобою — на 10-м метре
Выцепит подствольник, в ключья разнесет!»

2.3.

«Вдруг промажет. Старый?» «Значит, на 20-м
Сварка не промажет — срежет на бегу!»
«Старый, вдруг не срежет?» «На 30-м, стал-быть,
Огнем изжарит, будто двух лягух!»

2.4.

«Знаешь, Мелкий, знаешь! Нет назад дороги,
Есть вперед дорога — и всего одна...»
«Понял, Старый, понял! Вариант остался:
Мертвой шмыгнуть зоной, ножей чтоб догнать...»

3.1.

«Третий, Третий, Третий! Я — «Москва», ответь мне!
Третий, слышишь, Третий? Я — «Москва», ответь...»
«Можно я скажу, да?» «Ты опять, Хаттабыч?»
«Я опять, Сергеич!» «Дика ду! Живей...»

3.2.

«Э, твои мальчишки — все они сумели!»
«Похвалить собрался?» «Похвалить, ага...»
Было два твоих там, было шесть моих там,
Там — это в зеленке... Слышишь, доттага?»

3.3.
«Слышу, слышу, дальше!» «Двух моих на месте
Из ака накрыло — кровью истекли...
Третьему с размаха — нож вошел в глазницу,
Вах, клянусь Аллахом, вынуть не смогли...

3.4.
Доттага, ты слышишь?» «Слышу, что с четвертым?
«У него прикладом — разнесло висок...
Как шестой и пятый уцелеть сумели?
Коротко отвечу: лишь Аллах помог!»

*Словарик специфических слов,
встречающихся в стихотворении:*

Дика ду! — Хорошо! (чеченск. искаж.)

Доттага — Приятель (чеченск. искаж.)

Ака — автомат Калашникова.

Порожняк тереть — вести пустые споры.

Мелкий — здесь: рядовой срочной службы, отслуживший менее 6 месяцев.

Старый — здесь: рядовой срочной службы, отслуживший более 18 месяцев.

Нохча — чечен.

Зеленка — любой зеленый массив: лес, роща, кустарник.

Подствольник — гранатомет, размещаемый под стволом автомата Калашникова.

Сварка — здесь: любой станковый пулемет.

К берегу Аргуна

*Но за такой совет достался ему тут же
удар обухом по голове...*

Н. Гоголь «Тарас Бульба»

1
Нохчи навалились с фланга, наши отошли к руинам;
Отдыхались — разглядели, что позиция — не мёд.
«Как бы нам прорваться, парни, пустырем — мимо зеленки?
Выйдем к берегу Аргуна — там броня нас подберет...»

2
«Что, рванем по одиночке?» Версико подкинул взводный,
Ротный вынул сигарету: «Кончай херь-то городить!
До реки — полсотни метров, на 10-м метре — снайпер
Наглухо тебя завалит, и к гадалке не ходи...»

3
«Может быть, тогда — по двое?» Вылез прапор с предложеньем,
Поперхнулся ротный дьмом: «Мозги-то включай свои!
На 10-м метре — снайпер срежет первого, второго —
Щелкнет на 20-м метре, сто пудов гарантии...»

4
«Эх, едрена ты матрена!» Ротный выплюнул окурок,
Каблуком его расплюснул: «По любому, хоть убей —
Лишь одно нам остается: сразу же рвануть всей массой!
А кого зацепит пулей, тех дотащим на себе...»

5
На 10-м метре взводный уронил калаш под ноги,
На коленки звезданулся — бросились к нему: «Атас!..»
Цинками в пылицу въехал прапор на 20-м метре,
Локти выпятил неловко — на себя взвалили — хрясь!..

6
На 30-м метре ротный шваркнул гранатометом об камни,
Резко вздернул подбородок — побежали с ним: «Ломи!..»
Двадцать метров в оконцовке — вдох и выдох, вдох и выдох...
За спиной — пустырь остался, возле ног — Аргун шумит!

7
Врезали хэбэ на взводном, кровь на ляжке разглядели...
«Что, реально зацепило?» «Не, царапина!» «Лады...»
Спрапора стащили броник, на груди нашли входное...
«Откачают — если мухой мы в санчасть его сдадим!»

8
Влезли ротному под каску, сами тут же каски сняли:
Из височного раненья — кровь по-тихому течет...
Так вот и прорвались парни пустырем — мимо зеленки!
Вышли к берегу Аргуна, где броня их подберет...

*Словарик специфических слов,
встречающихся в стихотворении:*

Нохчи — чечены.

Зеленка — любой зеленый массив: лес/ роща, кустарник.

Броня — бронетранспортер.

Калаш — автомат Калашникова.

Цинки — цинковые контейнеры для транспортировки боеприпасов в походных условиях.

Гранин — гранатомет.

Хэбэ — обмундирование из хлопчатобумажной ткани.

Броник — бронезилет.

Входное — т.е. входное отверстие, образованное пулей.

Из дневника полковника

*Бородавка повешен, с Колопёра содрали кожу, Пидсьшикова голова посолена в бочке...
Н. Гоголь «Тарас Бульба»*

1

День, месяц? К чёрту... Пришла девчонка, горланить стала про смерть и кровь.
Нюхал ей пальцы, смотрел на плечи — ни запаха нет, ни синяков...
Сказали парни, что это — Хеда из рода Кунга. Большой был род,
Всех перебили, одна осталась, вот и свихнулась... Что ж, пусть орет!

2

Ночь на шестое... Убит Антонов. Парням на въезде — понес обед.
В груди — входное, в спине — другое. Откуда били? Кто ж даст ответ...
Не спится, парни! Сентябрь в Кадаре — перед глазами сейчас встаёт.
Антонов, Коля (из москвичей он) урвал минуту, сухпай жуёт...

3

Шестое, утром... Явилась Хеда и раскричалась: «Святой джихад!
Вперед, муслимы! Долой гяуров! Хвала Аллаху...» Простой расклад.
Минут пятнадцать — сжимал я зубы, потом не сдюжил — и вынул ствол...
Вмешались парни, в три рта вскричали — и ствол убрал я, в свой кунг ушел.

4

Ночь на седьмое... Убит Борисов. С двумя парнями — шел к роднику.
В висок — попала, с другого — вышла. Откуда били? Не просеку...
Опять не спится! Поток Аргуна передо мною, уступы скал.
Борисов, Слава (что с Ленинграда) губами жадно к ручью припал...

5

Седьмое, утром... Опять тут Хеда, трезвонит снова: «Джихад — святой!
Хана — гяурам! Ура — муслимам! Акбар — Аллаху...» Расклад простой.
Минут семь-восемь виски я тискал, затем девчонку на мушку взял.
Три парня сразу ко мне рванули, добром прося и судом грозя...

6

Ночь на восьмое... Убит Воронин. Парням в санчасти — фрукты искал.
В спине — входное, в груди — другое. Откуда били? Если б кто знал...
Не спится, парни! Март в Комсомольском — перед глазами теперь стоит.
Воронин, Дима (из свердловчан он) минуту выбрал, айвой хрустит...

7

Восьмое, утром... Приперлась Хеда и растрещалась: «Святой джихад!
Вперед, муслимы! Долой гяуров! Хвала Аллаху...» Простой расклад.
Минут пять все же — кусал я ногти, потом — к девчонке шагнул, дрожа...
Вмешались парни, в шесть рук схватились — но ствол достал я, на спуск нажал.

8

День, месяц? К чёрту... Что будет дальше? Простой вопрос-то! Ответ готов...
Ее — зароят, меня — посадят, а парни — службу потащат вновь.

Словарик специфических слов, встречающихся в стихотворении:

Ни запаха нет, ни синяков... — пальцы с пороховым запахом и плечо с характерным синяком — признаки участия в боевых действиях.

Парни на въезде — воинский патруль на въезде в населенный пункт.

В груди -входное... — т.е. входное отверстие, образованное пулей.

Сентябрь в Кадаре — войсковая операция по штурму с. Кадар (Дагестан) в сентябре 1999 года.

Джихад — священная война правоверных против неверных (арабск).

Муслимы — правоверные, т.е. мусульмане (арабск).

Гяуры (кафиры) — неверные, т.е. не-мусульмане (арабск. искаж.)

Кунг (кузов унифицированный грузовой) — обычное жилище в походных условиях.

Поток Аргуна, уступы скал... — войсковая операция по блокированию Аргунского ущелья (Чечня) в декабре 1999 года.

Акбар Аллаху! — Хвала Всевышнему! (арабск. искаж.)

Март в Комсомольском — войсковая операция по зачистке с. Комсомольское (Чечня) в марте 2000 года.

Коротко об авторе:

Родился 23 января 1966 года в Свердловске. По профессии — геолог. После окончания Свердловского горного института более пяти лет работал по специальности. Исколесил весь Урал — от Южного до Полярного. Закончил аспирантуру, два года работал учителем географии и естествознания в Школе отечественной культуры и Семейной школе «Родники». В 1987-90-х годах был внештатным корреспондентом газеты «На смену!».

Автор четырёх сборников прозы. Рассказы публиковались в сборниках серии «Библиотечка «Горного родника», в газетах «Уральский рабочий», «Уральский меридиан», «Вечерний Екатеринбург», электронном журнале «Уральская галактика», сборниках «Сказки нового Екатеринбурга» и «Складчина».

Кроме прозы пишет стихи.

Евгений ЛОБАНОВ

О, Paris!..

Городок провожал Ладку дымом одиннадцати заводских труб. Она знала их наперечет. Екатеринбург не манил, но лишь он мог быть ступенькой к карьере. К ее, и к карьере единственного сына, кровинки, Лешеньки. Ладка все давно спланировала: Екатеринбург; через два, максимум два с половиной, года — Питер, а там, почти в заоблачной дали — Франция.

Ладка зацепится. Пальцами — до крови, зубами — до хруста. Все — ради сына. Чувства — бред. Эмоции — в урзу. Любовь — выдумка. Даже родного человека мы себе придумываем — всю жизнь. Торопиться нельзя. Суетнешься, и все, что построила — враздробь, в руины. Екатеринбург — Питер — Франция. Лешеньке — частная школа (не пожалее Ладка денег!) и Сорбонна. Сын — весь в нее. Львеныш. Царь. Благородный. Честный. «Князь Владимир забил стрелки с половцами, а его бикса Ольга...» — не для него. Не здесь ему место, не в яме с отбросами. Умничка он... Ладка все сможет — деревенская, живучая. Шести лет не было — хирурги искромсали под корень, мамка еле травками выпоила, на ножки подняла. Слава Богу, хоть зубы еще остались...

В школе — пятерки. По литературе, биологии, французскому... А после десятого дорога одна — на стройку.

Через лето Семеньч, прораб, присмотревшись к Ладке, сказал:

— Ты, твою мать, дуй-ка в институт. Экономистов у нас, твою мать, не хватает... — Та, уже не краснея, как бывало:

— На ... он мне сдался, твой Свердловск?.. У меня мамка здесь... — Семеньч, проведя рукой по Ладкиной спине, умиротворяюще произнес:

— Я ж тебя как облупленную знаю. Послезавтра, твою мать, сама придешь: Семеньч, дескать, согласная я...

Свердловск тогда встретил Ладку предосенней хмарью. Пока добралась до места, продрогла до спинных мозгов. Обшарпанная общага, в комнате — такие же, как она, зеленые, еще не нюхавшие города.

Не успели вжиться в комнату — стук. На пороге — парень с гитарой, казалось — старик.

Я жил за сто веков от Вас,

Но к Вам вела тропа...

Это ей, преклонив колено. Растаяла. Расписались. Вот они, на фотографии — счастливые, Ладка — словно солнышко... Вскоре зачастили к Андриюхе однополчане — по Афгану. Говорил, сперва смущаясь:

— Ладушка, езжай к сестре (а та — на излете города). Мы вспоминать будем. Не для твоих это ушек.

(Ушки у Ладки — маленькие, красивые...) И — все чаще и чаще... А однажды (уже Лешеньку носила) бросил:

— Дуй к сестре. Сиди у нее, пока не позову. Мне диплом нужно делать...

Сидела. Как мамка учила? «Подчиняйся, Ладушка, мужу!» Это уже в крови — за десятки поколений. Домострой. Муж — хозяин. Всегда прав. А почему — всегда? В один из вечеров Ладка не выдержала — сорвалась в общагу. Сквозь город на трамвае — с Лешенькой под сердцем. Дернулась в дверь. Замерла. Посреди комнаты, их с Андрюхой комнаты — девица в халате. В ее, Ладкином. Посмотрела Ладка той в глаза, дверью хлопнула. И — домой, к «лисыим хвостам».

Из роддома их с Лешенькой забирала мама. А через неделю муж припарковался, в кухне с папиком водку хлещет. Думают-гадают, как Ладкиного сына назвать. Та — едва с улицы, в магазине была. Услышав, встала в проеме:

— Андрюха, твою мать, это мой сын! Как его назвать, решаю я. А ты — вообще ни при чем. Чтoб духу твоего!..

И — пальцем на дверь. Посмотрел на Ладку и, ни слова не говоря, еле набросив на плечи куртку, вышел. Весь. С той поры и училась Ладка стискивать зубы. Лешку растила одна. Вся — за мужика. Андрюха однажды пришел, голову свою принес — за порог не пустила. Не злопамятна — просто память хорошая...

Стройку — по боку. Не для того на свет рождена. Дальше. Выше. Жаль, институт не закончила. Зато в кроватке — Лешенька, сын, умничка. Нужно вытянуть его из этого чертового (и все-таки любимого!) городка, где царят наркота и рэкет. Царят не абстрактно, не в газетных статьях и миллионных сводках. Так ли давно Ладка с Юлькой, мотаясь по городку, выщепляли со дна одноклассника Илюшку, скрученного наркотой? Нашли. Распушились, колючки спрятали. В гости зовут: «посидеть, повспоминать...» Едва тот на порог — веревками к кровати. На пару суток. Отломался, отскрипел зубами.

— Спасибо, девчонки...

И — скорей из городка. На контрактную, в Чечню. От одной смерти — к другой.

Лешенька рос. Благородный, умный, золотце... Не коснется его вся эта грязь. Ладке врачи сказали:

«Один он у тебя будет. Других не жди...» Один!

Комок, готова к рывку, тронь — зубами в горло. Все будет. У нее все будет! Нет екатеринбургской прописки — сделает, хоть временную, не зря подруга в паспортном столе; квартиры нет — снимет, ползарплаты отдаст, халтурить будет. Главное — вцепиться городу в глотку. Ногтями, зубами,

ми, в кровь, в хруст! Питер — Франция — Сорбонна... Все — для него, Львеныша, защитника. Жизнь, точно колеса, круто дребезжит на стыках. Екатеринбург — Питер — Франция. Города — конкретны. Страна — абстрактна.

Сквозь смог и весенний туман незримо проступает первая точка на Ладкиной карте. Зеленый, с разводами весенней тоски, поезд тормозит, как перед последним рывком. Переминаясь с рельсы на рельсу, нерешительно останавливается. Пассажиры, обвешанные сумками, тянутся к выходу.

Ладка вступает в серый ил Екатеринбурга. Сквозь хмурую весну неясно проступают силуэты зданий. Сыплющаяся с неба морось раскрашивает лица серой краской. Сквозь мышинный свет дня солнечным лучиком: Лешенька, Львеныш.

Сегодня — к сестре. Завтра — на новую работу. Неделя, чтобы осмотреться, потом и о комнате подумаем. Пока снимем, а там... Не торопись, Ладушка, только не... Шажком — на ступеньку. Тихонько. Чтобы не оступиться. За тобой — сын.

Ладка весенней мышкой сидит за компьютером (кто бы сказал, что зубами вырывает у жизни все, что нужно?!). А что нужно? Присмотреться. Прислониться. Пригреться. Устала все — сама. Хочется — хоть на миг — побыть женщиной. Чтобы дарили цветы (как редко бывает...), носили на руках (бывает ли?..). Чтобы решали за нее. Кулаком по столу — сделаешь так, как я сказал! А после на руках отнести туда, где должна это сделать.

Весенняя сыпь вытягивает силы. Город морозит. Перебрав всех в офисе, Ладка останавливается на Ваньке. Никогда не слышала, чтобы кричал или повышал голос. Должно быть, нежный и ласковый. Устала от серости. Хочется праздника. Любви. Уже как-то забывается, что нет ее. Хочется.

В офисе блистает Надька — Ладкин идеал Женщины. С ней ли тягаться? Но, стиснув зубы, шажком к шажку, подбирается к Ивану Ладка.

...К осени закружило, как опавшую листву. У Ладки из груди — крик:

— Да, люблю! Неужели не видишь? Тебе все нужно знать? Теперь знаешь. Легче стало? Не легче.

Недоступна ночь. Но вечерний город — их. Улицы. Парки. Кафе. Снова улицы. Дворы. Скамейки. Кафе.

Потеряла Ладка контроль. Ситуацию не держит (стисни зубки, Ладушка, он женат; вспомни лучше — Питер...). Не торопись. Только не торопись. Сначала удержи Ваньку. Франция — потом.

С ним. А пока — проверяй «на вшивость», рассказывай о себе сказочки — одну страшнее другой. (Поверит — не поверит?) Не верит. Верит. А Ладка взглянет вдруг в глаза, скажет:

— Не слушай ты меня. Это все слова. Никогда не верь словам. В душу смотри. Я люблю тебя. Ты — самый замечательный.

— Хоть этому-то можно верить?

— Нужно.

Долго не открывала Ивану душу.

— ...Не пускаю, говоришь? А что ты будешь делать с ней через месяц? Через полгода? Наконец, решилась — приоткрыла дверцу. Загляни, если хочешь. Только не видно почти ничего — слишком мала щелочка. Посмотрим, что делать будешь. Сам залезешь в душу или подождешь, пока еще чуток приоткрою?.. Ждешь? Ну, подожди. Может, высидишь у моря погоду.

Уходят вечерами — когда вместе, когда — по одному, встречаясь в парке, что через дорогу. Идут по давно заведенному маршруту — о любви, счастье.

— Когда станем жить вместе, я пожелаю только о том, что не будет больше таких прогулок.

— Будут, Ладка. Будем гулять, заходить в кафе. Все, как сейчас.

— Не так. По-другому.

Ладка помнит первый Ванькин поцелуй в предвечернем офисе. Запретный (при живой жене), опасный (вот-вот кто-нибудь зайдет) и оттого самый сладкий. Отдалась вся этому поцелую, а после — пальчиком погрозила.

Дальше — цунами. Нахлынула ласка, сопротивляется Ладка — только не в офисе, ты с ума сошел, мы на виду! Дождись вечера и весь город — наш. А сама к ночи кутается. Морозит город. Прижмется Ладка к Ивану. Замурчит. Согреется. А в кафе сядет напротив. В душу заглянет. Смогут ли жить вместе? Ошибаться нельзя. За спиной — Львеныш.

Мягкий свет. Музыка. Кофе. Дым.

— Ванюшка, я чувствую: сейчас ты снова посмотришь на часы... Ненавижу твоё вечное «пора». Мне больно. Ты это знаешь. Но все равно каждый вечер исчезаешь куда-то. На всю ночь. Без меня.

На прощание обнимет Ванька Ладку. Поцелует. А та вырвется — долгие проводы...

Не торопись, Ладка, все у тебя будет. Только рассчитай. Ванька — почти твой. Осталось одно: отженить его от Лизки. Не вдруг (так даже котят не рождаются) — понемногу запуская в душу (только бы пальцем не ковырял...). Нет, он не станет. Это другие ковыряют, колот Ванькой.

Исподтишка да с улыбочкой. Что, завидно. Надежда, что не твой он? Ты ж такая красавица, не один хотел бы упасть к твоим стройным ножкам. Да что-то не падают. Сама виновата. Не подпускаешь близко.

...Отдай себе отчет, Ладка. Ванька — твой. Но не весь. Не навсегда. Не решается уйти — даже не от Лизки и сына — от уюта. Так пообещай ему другой, помани лаской, какой еще не знал, не ведал! Но чувствует Ладка: последняя ступенька на ее пути к Ваньке — квартира. Их квартира. Но нет у них таких денег. И не будет.

Лиза молчала долго. Все поверить не могла. Не хотела. Но вдруг — как плотину прорвало, в одну минуту — поняла. Ухнуло сердце — все! Вспомнила предчувствие (никогда не обманывало!) через неделю после свадьбы — недолго жить с Ванькой вместе. Прожили почти десять лет.

Сначала на руках носил. Родился Игорек — взревновал Иван. А начал сын чуть соображать — все свободное время ему отдавать стал. Играл. Учил. Гулял. Любовь?.. Была ли? Или это лишь выдумка поэтов? Да нет, похоже, есть. Ведь что-то их закружило?..

Посиди. Подумай. С Ладкой ясно: прислониться захотелось. Хоть к кому-нибудь. Ей нужна ласка. Сыну — отец. Не осуждает Лиза Ладку. Иван? А что — Иван... Просто они разные. Слишком поздно поняла это Лиза. Слишком. Поздно.

Может, все же попытаться склеить жизнь-судьбу? Да что-то не хочется. А на дне души пляшет чертик: а ну, попробуй!

...Попробуй, Ладка, забрать Ваньку насовсем. Только не напоминает ли это детскую игру с нехитрым названием: «А ну-ка, отними!» Скачет чертик от Лизки к Ладке. От Ладки к Лизке. Черный рогатый мячик. А попутно (случайно ли?) — рогами Ваньке под дых. Знай, с кем связался!

— ...Мне кажется, ты хочешь меня.

Пару секунд подумала Ладка.

— Скажем так: я была бы не против провести с тобой некоторое время, занимаясь черт-те чем... Ну, как? — посмотрела победно.

Уже почти дошли до Ладкиной квартиры, уже нащупала в кошельке ключи... Но отчетливо поняла: зайдут в квартиру сейчас — выйдут утром. Не готова к этому Ладка. Губы сами произнесли:

— Я, кажется... ключи потеряла...

Поверил. Опять поверил. А ложь все нижется... И кто сказал, что во спасение? Снова — вечер. Время драки уснуло — до утра. Расслабься, набрось на плечи мамкину шаль. Ты мерзнешь от го-

рода. Прокручивай дневные и вечерние с Иваном разговоры.

— Я поняла: ты — единственный, кто может меня терпеть. Ты мне нужен.

— Зачем?

— Чтобы жить.

Опасный он человек — учит мечтать. А ей нельзя. Нужно возводить жизнь, как когда-то — по кирпичику — свой город. Три недели уже не ездила к Лешке. В офисе — трель междугородки.

— ...Здравствуй, сынок. Как дела? ... Умничка. ... Нет, Лешенька, пока не могу. Работы много. ... Скоро.

Иван тут же, рядом. Смотрит внимательно.

— Как... сын?

Ладке чудится пропущенное — «наш». Хочется уюта. Семьи. Знает — не помогут, не спасут Ванькины руки. Просто станет спокойнее. Хочется, чтобы спокойнее. Но расслабляться нельзя. Истина стара. Пятница. Вечер. Потянувшись, Ладка почти кричит от радости:

— Ванька! Выходные! Домой!

А ему — одно:

— До вокзала провожу?

Прячет Ладка коготки-колючки — вечер с любимым, два дня — без него. Успокой, пробеги мягкой лапкой по душе. Побереги. Тебе с ним жить.

— Ну все, Иванушка. Иди. В-се. И-ди!

— Я люблю тебя.

— И я тебя... люблю, — непросто даются Ладке эти слова. — ...Но мне от этого не легче.

— ...Чем она тебя взяла? Хотя, можешь не отвечать. Сама знаю.

— Ладка принимает меня таким, какой я есть. И не пытается поменять.

— Бред. Меняет. Правда, только то, против чего сам возражать не будешь. Важное для тебя не трогает. Пока. Может, совсем не тронет. А я ошиблась: пыталась изменить то, что менять было нельзя. ...Не держу. Уходи. Так будет лучше. Для всех нас. Если сможешь жить с ней — уходи. Но хотела бы я посмотреть на вас через полгода...

— Сейчас мне уходить некуда.

— Я и не гоню. Но решайте поскорее. Вы оба боитесь решиться. Скажи ей, что я тебя не держу. Но в офисе вас не поймут. Многого наслушаетесь. Разные взгляды ловить будете. Уходить вам отсюда надо. Обоим. ...И все-таки я люблю тебя. Если не уйдешь к ней — прощу. Только решайте скорее.

Дело опять к весне. Снова слякоть. Город давит плачущим небом. Ладка решает. Отныне у них с Ванькой разные дороги.

— Мы слишком заигрались. Пора заканчивать.

— Нет, Ладушка! Это не игра.

— Да, Ваня. Да. Больше ничего не будет. Ничего.

Вечер, офис опустел. Ладка задумчиво выводит на листке бумаги:

«Надо жить дальше...»

дальше...

еще дальше...

совсем далеко...»

Достав таблетку нитроглицерина, кладет ее под язык. Завтра (нет, сегодня!) она возвращается к Львенышу и дыму знакомых до боли труб. Откинувшись на спинку кресла, смотрит Ладка в мерцающее последними зимними звездами окно. Ночь. Кругом ночь. И, похоже, надолго. Закрывает глаза. Спать не хочется, но только так можно ограждать свою душу от пальцев соседа. Он уже косит в ее сторону, пытаюсь заговорить. Ладка молчит. Не хочет никого видеть, слышать, знать. Мыслями о сыне пытается выжечь из души, сердца, тела воспоминания о Ваньке. Не сходи с ума: все — не зря! Было хорошо, но так, как решила ты — лучше. Для него. И, в первую очередь, для тебя самой. Ты поставила на него, Ладка. То и получила.

Из глубины ночи поднимается злость. Влюбились, как последняя кошка. Расслабилась. Коготки — в подушечки. А город — тут как тут. Он еще помнит, как ты запускала в его глотку не знавшие ножиц когти. Город не прощает, ты знаешь...

Ночь проникает в душу. Холодно. Все еще зима, хотя по календарю — последний день февраля. Завтра для Ладки начинается весна. Хватит мерзнуть. Вспомни: Екатеринбург-Питер-Франция. Сорбонна. Ладка пытается вспомнить сына (как он там, без нее?), но подсознание возвращает на два часа назад. Опять перед глазами ее рисунок — табуретка, над ней — петля, а ниже — надпись:

«Надо жить дальше...»

дальше...

еще дальше...

совсем далеко...»

А напротив — Ванькины глаза. Близкие. Родные. Не думала-не верила год назад, что так западут в душу. Ведь любви нет — это Ладка знает уже семь лет. Откуда ж прилетела эта белая голубка? Где зимовала? Забывала Ладка про себя, выверяла слова — не дай Бог чем Ваньку обидеть. И уже как бы не совсем для себя жила.

Еще один дорогой человек вошел в ее жизнь. Первый — Лешенька. Львеныш. Уже месяц не видела его. В прошлый набег:

— Лешенька, ты со мной поедешь или с бабуш-

кой? — Глянул искоса.

— С бабушкой...

Почему?! Рассказала Ваньке. Глянул на Ладку:

— Забывает он тебя.

— Нет! Просто...

Но — через пару секунд — хватило сил:

— Да. Наверное, ты прав.

Проиграла ты, Ладка! Дважды. Трижды. Теперь — на дно. Зализывай раны. Копи силы. Время драки не спит.

Ночь, уходя, топчет грязь весеннего города, ежась от предутреннего холода. Опять мерзнешь, Ладушка. Набрось капюшон. Забудь. Может, потеплеет. Но снова — из осенней памяти — его руки... губы... Ласково. Мягко. Тепло. Лишь в сердце — острой болью — иголки. Снова таблетку — под язык. Успокойся! Не оглядывайся — пути не будет.

На площади перед вокзалом — красная «восьмерка» двоюродного братца. Через приоткрытую форточку в салон врывается воздух родно-

го городка. Возвращаются силы. Хлебнула свердловского воздуха — закружилась головушка. Теперь — под выхлопную трубу. Отойдет. Отболит.

Звонок застал Анну Никифоровну на кухне. На ходу вытирая о передник проступающие сквозь дряблость лет вены, заспешила в коридор.

— Лешенька, ты?..

Взмок от последнего снега тающей зимы, из-под связанной когда-то Ладушкой шапки — мокрые сосульки мамкиных волос.

— Ой, ба-аб, там такой снег — обалдеть!

— Раздевайся, Лешенька, сейчас пельмешки сварю. Будешь?

— Не-ет.

— А рыбу?

— Не-ет.

— А сосиску?

— Не-ет.

— Значит, есть не будешь?

— Буду.

— Что?!

— Пельмени...

Бабушка, в сердцах плюнув, уходит на кухню. Закипевшая вода что-то тихо выговаривает кастрюле. Брошенные в крутой кипяток пельмени глухо жалуются на судьбу.

Внук, скинув ранец, шлепает босыми ногами в ванную. Смыв уличные капризы, заходит на кухню. На любимой тарелке белой горкой возвышаются пельмени, отливающие золотом стаявшего масла.

— Как в школе?

— Нормально, бабушка. Пятерку получил. По русскому.

— Молодец! Дневник-то подписать надо? В сторону:

— Д-да не-ет...

— Ой, Лешка, по-моему, врешь чего-то, — говорит бабушка и идет в комнату. Достает из ранца дневник. В нем — красной пастой — запись: «Подрался с соседом по парте».

— Ле-ешенька, что это?

Внук, размеренно допив чай, объясняет:

— Бабушка, Юрка дернул Ленку за косу. Не мог же я... «И в самом деле — не мог», — думает бабушка.

...Дверь, закрываясь, вжала Ладку в полутемный коридор. Дома. Под крыльшском.

— Ты как? На время или навсегда? — спросила Анна Никифоровна и слезящимися от ночи глазами глянула на дочь.

— Навсегда, мама! ...Наверное.

А в зрачках — Ванька. Не гаснет. Живет. Далеко. Еще дальше. Глубоко. Еще глубже. На дне.

Только глаза прикрыла — откинулось одеяло. Чьи-то руки обняли Ладку. Вскинулась спросонья: Ванька!

— ...Ты приехала! Ты надолго. Mam, тебе, наверное, опять холодно?

— Мне тепло, Лешенька.

— Mam, вставай! Смотри, утро уже. Мы с тобой сегодня в лес пойдем. Да? На лыжах.

— Пойдем. Как ты у меня учишься?

— Хорошо, мам. Вчера пятерку по русскому получил!

— Умничка.

— Ма-ам, ну вставай!..

Солнце первого весеннего дня с каждой минутой светило все ярче, будто кто-то невидимый неумолимо передвигал ручку реостата.

Лешку уже еле видно. А она все пурхается — никогда не умела ходить на лыжах. Вспоминается Ладке, как когда-то мечтали с Ванькой — втроем, с сыном, по лыжне.

— Научишь?

— Обязательно!

— Хотя, нет. Зимой в лес ходить не будем. Холодно. Лучше летом.

— За грибами, ягодами. Втроем. Эхом:

— Втроем... — И улыбка — ясным солнышком.

Где это все?..

Разрушила. Сама. Все — в прошлом. А сейчас вперед — за сыном. Злость подгоняет. Из-за Ваньки своими руками (он так любил их целовать...) похоронила мечту.

В разлете лыж чудится: Екатеринбург-Питер-Франция. Успокойся, Ладушка! Три дня себе даешь. На отдых. На сына. Потом — обратно. Слишком долго вводила Ладка в свои вены город. Ломает, как когда-то Илюху. И нет сил бросить...

Ванька метался по квартире побитой собакой. Швырнул в угол попавшего под горячую руку кота. Ладка. Ладушка... Один. Жена с сыном уехала к подруге. До утра. Один. Ладушка, хотя бы единственную ночь!.. Но помнится давний разговор:

— Моим любовником ты не будешь.

— По-честному хочешь?

— Да.

Хотя, какое уж тут — «по-честному»...

Дни ползут откормленной улиткой. Завтра с утра — Ладушка. Течет в Лету песок. С каждой каплей песка успокаивается Иван. Как говорила любимая:

— Все у нас будет.

Все... Разлука, боль... Это ведь тоже — «все».

Понедельник медленно и неумолимо перетек во вторник... среду... Ладка не появилась. А к вечеру позвонила директору:

— Я не вернусь. Увольняйте.

Заметался Ванька. Взял отгул — и в Ладкин город.

...Сидели на кухне. Анна Никифоровна хлопочет — кто знает, может, зять будущий... Лешка — тут же прижался к Ваньке:

— Почему мама меня в город не берет? В школе все говорят: забыла тебя мамка, развлекается там...

— Не верь никому, Лешка. Мама деньги зарабатывает. Ты же умница, должен понимать, что хорошую квартиру снять — денег стоит.

А сам думает: не хватает Львенышу любви. И не только отцовской, которой лишен с пеленок, но и материнской. Приезжает Ладка раз в три месяца, наиграется с Лешенькой, и — обратно, вводить в вину наркотик города.

— Не любит меня мама, — мелькнуло внезапной догадкой.

— Любит.

Как игрушку, которую можно достать с запяленных антресолей и, наигравшись, задвинуть обратно. Да только не хочет игрушка пылиться:

— Если не может заработать деньги на квартиру, пусть возвращается! Скажите маме, что я ее жду. Пусть возвращается, — повторил для надежности. — И вы — тоже. — Вспоминает Ванька — прощупывала Ладка почву:

— А хочешь — ко мне поедешь? У меня там — квартира, двухкомнатная. Места хватит. А хочешь — на дом поменяем? Корову заведем...

Бросить город, знакомства, карьеру? Ради чего — огорода, коровы?.. Хочешь любить меня — люби таким, какой есть. И там, где я есть. Ты — дочь городка. Я — сын города. И в этом — наша разница.

Эмиграция хороша, когда она — по восходящей. От городка — к Парижу.

Домой. В Екатеринбург. Ночной поезд вытрясает со dna души воспоминания. Сотнями золотых иголок вонзаются в сердце и поднимаются выше. Гнать бесполезно. Сладкая боль не уходит.

На следующий день в офисе снова пусто и темно. Наденька, блистающая изысканной розой (на стебле — колючки), язва Надька, взглянув на Ваньку, спрятала шипы.

— Ладка в городе. У сестры вчера ночевала. Придет она — за документами. Деваться ей некуда.

Загуляла Ванькина душа. На жену и сына — ноль внимания. Весь переполнен любимой. Как неприкаянный, бродит по вечернему городу. По их с Ладужкой улицам, дворам, кафе. Наверное, и она сейчас где-то меряет любовью город. Вдруг их неприкаянности соприкоснутся?

Лиза почти не разговаривает с мужем. Всю любовь — сыну. Ванька — как постоялец, только деньги приносит. Зачем нужен такой муж? Уж лучше самой...

— Все! У меня больше нет сил. Может, с Ладкой вы и расстались, но ты ее не забудешь, я знаю. Уходи к ней. Вы будете хорошей парой. Денег твоих мне не надо. Игорю — тоже.

— Ты за него не решай, — вскинулся Иван. Подчеркнула:

— Нам твоих денег не надо.

Ушел. Снял квартиру, перевез нехитрые пожитки. Вечерами скребли душу Ладкины коготки. Значит, здесь она, в городе. И тоже не спит. О нем думает. Бродит Иван по вечерним улицам, заглядывает в глаза фонарей — не видели? Мелькнул в бреду автобусной давки знакомый берет. ...Нет, не она.

...Умеет Ладка в прятки играть — еще с детства. Не найдет ее Ванька. Она сама (если захочет!) вернется к нему. Адрес помнит, пару раз в гости захаживала.

Засиделась однажды на работе. Зима. Фонари уснули. Стиснула зубки (тяжело видеть домашнего Ваньку), но все ж нажала кнопку звонка. Открыла Ванькина жена. На лице — ни одной эмоции. Все в глуби. А Ладка⁹ смотрит в его глаза. В них — боль. Страх. Счастье. Лизка хлопочет:

— Проходи. Молодец, что зашла. Нечего ночью на другой конец города мотаться...

Ситуация — бредовее некуда: сидят на диване, мило щебеча, две соперницы. В Ваньку с двух сторон летят стрелы. Только уворачивайся!..

На ночь выделили госте свободную комнату. И халат. Никогда не показывалась Ладужка любимому в домашнем. Казалось это сейчас обещанием их будущей жизни. Сложится ли?

Во второй раз уже сама Лизка притащила Ладку. Взгляни — все нормально, не лезь в нашу жизнь. Своей дорогой иди. Не перебегай мою...

Стиснув зубы, схрустнув пальцы, пытается Ладка выбросить воспоминания из головы. Но остаются они в душе. Остаются кафе. Улицы. Дворы. Следы губ на губах. Слова.

Надо жить дальше...

дальше...

Снова по всему городу — в поисках работы. Подняла старые связи. Выпустила коготки. Цепляется за город. В глотку норовит. Еще сопротивляется тот. Дергается. Помоги зубкам лапкой, Ладка! Придержи. И потихоньку стискивай горло города. Дожди. Еще немного, и он — твой.

Последний шанс (нет, Ладка, предпоследний; не выгорит — стиснешь зубки, найдешь еще один, и тоже — пред...) — звонок бывшему любовнику:

— Сергей! Это Лада. Только ты можешь мне помочь...

Этому нужно всего лишь «поплакаться». Расстает. Сделает все, что возможно. Но не больше.

— Приезжай.

Из полутемного офиса — в ресторан. С утра — на новую работу. С ним. К нему. А ночью со дня души — памятью — Ванька. И хочется выть — подстреленной навзлет волчицей — на полночное солнце. Но — зубки стиснуты. Пальцы — в хруст. Все будет, Ладужка, все будет!

По капле вытекает боль любви. Спокойно, Ладужка, все по плану. Следующий пункт — собственная квартира (не мотаться же с Лешенькой по чужим углам!). Подластимся к Сереге, коготки спрячем. Поможет.

На майские — домой (почитай — два месяца не была). Шестьдесят дней — без Лешки... Ваньки... Кто сейчас нужнее?

— Твой на мартовские приезжал.

Зубки стиснуты, в глазах (куда подевалась весенняя зелень?) — сталь.

— Андрюха, что ли?

— Откуда? Почитай, семь лет не показывался.

— А кто тогда?

— Иван твой.

— Ка-акой Иван?.. — Мягчает взгляд.

Лешка, до конца не проснувшийся, заглядывает в комнату:

— Ма-ам, ну дядя Ваня же!..

— Лешенька, погоди. Мам... Неужели... искал?

— Искал, искал. Любит, видать. Что же ты?..

Ладкин взгляд снова твердеет:

— Это мое дело.

— Не ври себе, Ладочка. Любишь ведь...

Заходится криком:

— Да, люблю! Но не могу через жену и сына его переступить.

Любовь — в уголках глаз. Капает. Так и не напоила ею Ваньку. Сколько еще осталось?

— ...Любовник, что ль?

— Не любовник, мама. Любимый.

— Уж и не знаю, Ладочка, что посоветовать...

— Не надо, мама!.. Как-нибудь сама.
 — Ну, решай. Лешеньку только не отдам, пока не притретсясь.
 — Ма-ма!..

Хлопает дверью. Уходит на кухню. Опять все и всё пытаются решать за нее. Сидит Ладушка на табуретке и тербит малахитовые бусы — его подарок. А в Екатеринбурге, в ее квартире, лежат купленные Ладкой для Ваньки часы, халат и тапочки...

Ехала домой, надеялась — хоть здесь ничего не напомнит о нем... Не сбежать, видно, от себя. Как ни старайся. Но нет — это все остальные не смогут. Ладка сможет. За ее спиной — сын. Львеныш. Ради него она будет жить. Один он у нее остался.

Ванькины дни, прежде казавшиеся наполненными душой, без Ладушки поседели и опали. Мало в своей жизни терял Иван. Не привык. Но хватит киснуть! Надо жить

дальше...

дальше...

еще дальше...

По старой памяти зовут в частную школу — биологом. Может, поменять работу, вернуться к первой профессии, оставив офису лишь воспоминания о вспыхнувшей осенним костром любви?

Дальше...

Живет Ладка (или существует?). Работает. Откладывает деньги. Может, будут они когда-нибудь жить в собственной квартире? Чудится: сидит Ладушка на диване, набросив на ноги плед, вяжет теплые носки. Лешке? Ивану? Какая разница? Все равно — любимому. Ванька — тут же, с книжкой. Тихо. Спокойно. Не брешет дурным псом телевизор, не надрывается по радио заезженная певичка. На ковре Львеныш собирает «Лего». Из кухни доносится призывный свист чайника. Тепло. Уютно. Но нет сил дойти до телефона, набрать Ванькин номер и сказать:

— Иванушка, сегодня в шесть. Там же.

Куда-то ушли силы. Видать, зима выморозила. Ничего не осталось. И зубки уже не стиснуты. По течению. Вниз.

Ладка возвращалась домой, забиралась с ногами на диван и укутывалась мамкиной шалью. Холодно. Город снова ломает.

Платит за квартиру Серега. Приходит времени... Стиснув зубки, Ладка молчит. В конце концов, какая разница? Может, все же купит ей квартиру... Не сюда же Лешеньку везти!

Со дна души — Ванькины глаза... На обшар-

панной стене — его портрет. Выпросила рисунок — еще когда была полна любимым до краев. Так и не смогла переступить через Лизку и Игоря. Может, стоило сделать Ваньку любовником? Хуже бы не было. Зато рядом...

Ванька, понимая, что поступает глупо, все же откладывал по триста рублей с зарплаты — на их с Ладкой квартиру... Не выветрилась из души романтика биологической юности. Возвращался в пустую квартиру и пытался готовиться к завтрашним урокам. Иногда удавалось.

Опять никто не носит Ладку на руках (Ванька носил, но говорила ему: «Поставь на место, я умею ходить...») Не слушался. Слава Богу!), не целует руки (Ванька целовал, не возражала).

Кольнуло однажды: бросила случайный взгляд из трамвая. По тротуару, шурша подмерзшими листьями, шел Ванька. Опавший. И (показалось ли Ладке?) не сверкало на его безымянном пальце кольцо. Снова подкатила под горло любовь. Ладка не смогла перешагнуть через его жену и сына, неужели это сделал он сам?.. Чуть добралась до работы — к телефону. Услышала полузабытый голос язвы Надьки:

— Алло!

— Ивана можно к телефону?

— Вы знаете, он здесь давно не работает.

— А где, не подскажете?

— В какой-то частной школе, кажется. А вы...

Бросила трубку. К нему домой она не пойдет. Не сможет. Значит, все-таки есть что-то на белом свете, чего Ладка сделать не в силах.

Скрутило к ночи Ладку. Боль расплзлась по телу, съедая все живое.

— Ма... ма!

Ночной городок освещает синий фонарь «Скорой», отражаясь в лисьей пыли снега. Белая палата, опаленная рыжим солнцем.

— Ладочка, скажи хоть адрес, я ему телеграмму дам.

— Не-ет! Не смей!!!

— Хорошо, не буду. Не буду. Только не волнуйся. Нельзя тебе волноваться. — Летит со ступенек. Не больно? Побереги головушку, Ладка. Может, пригодится.

— Мама, тебе плохо? Мама, я с тобой...

— Хорошо, Лешенька. Все у нас будет хорошо.

— Я знаю, мама. Мама!

Снег заметает стены палаты. Белым-бело. Кажется, даже солнце раскалилось добела. Летняя

зелень глаз медленно возвращается в серую весеннюю морось.

Еле бредет Ладка по белому половику, устилающему черную землю. Быстрее (и сердце быстрее), еще... еще... Почти бежит. Уже летит.

— Ну вот, почти поправились. Скоро выпишем. Потерпите еще немного.

Зима перешла в осень. Через мерзлую мерзкую весну и безнадежно-дождливое лето. Вытравливает, выжигает Ладка из себя память о Ваньке. И все чувства к нему переносит на почти забытого в суматохе осенне-зимней любви Львеныша. Решается: все, перевозу Лешку в Екатеринбург.

Едет домой, втайне надеясь: снова приезжал Ванька, играл с сыном, рассказывал сказки, читал книги...

— М-мам, из знакомых никто не заходил?

— Ну как, заходили. Нинка была. Славка был. Димка. Илюха приезжал...

Решилась:

— А Ванька?

— Нет, не было. А чего ему здесь делать, коли ты в городе?.. Сбежал, что ли? Или ты от него?

— Я...

— Дура ты, прости Господи! Ушел бы он к тебе, по глазам видела.

— А дальше — что?

— Жили бы. Если уж Лешка его признал... Не дури, девка! Знаешь, где искать его?

— Знаю.

— Вот и найди! Неужто не сможешь вернуть? Разве сил не хватит?

— Хватит. Но не хочу.

— Тьфу! Ну, твое дело. Лешка вон...

— Лешку я забираю.

— Опять по чужим углам? — Отчеканила:

— Лешку. Я. Забираю.

Поджала губы Анна Никифоровна:

— Что ж. Сын твой. Смотри сама. Не пожалей.

В кухню сунулся Лешка:

— А меня спросили?

— Хочешь остаться с бабушкой?

— Нет, с тобой поеду.

— Что ж ты тогда?..

— А у меня тоже спрашивать надо. Я не маленький! И добавил тихо:

— Там — дядя Ваня...

Заплакали окна осенним дождем, и почувство-

вала Ладка, как подбирается тот к ее глазам. В минуты горчайшей обиды бросалась она в ванную. Крючок — в петлю. Сама — на пол, лицом — в холодный белый чугунок. И — волю слезам. Ведь решила уже все. Раз. Навсегда. Зачем же?.. Неужели так и не смогла от себя сбежать?

А Лешенька — уже у дверей ванной, скребется ласковым котенком:

— Ма-ам, ну не плачь! Ну, ма-ам...

Отревела. Успокоилась. Собрала Львеныша. И — в школу. За документами.

Потеряла надежду. Любовь, ласка — бред. Весь мир — сплошная белая постель. У кого-то слишком холодна, у кого-то — горяча. Вот и все. Ты просто в депрессии, Ладка. Пройдет. Главное — Львеныш рядом.

Ладка спит, откинув светлую головку на жесткий подголовник. Лешка уткнулся в окно. Поезд рывками приближает двоих к городу.

— Иван Николаевич... — директор поймал его в коридоре. — У вас в пятом — новичок. В журнал еще не успели вписать. Так что вы уж сами...

Урок в пятом был последним. Иван Николаевич усталым взглядом оглядел класс.

— Тема сегодняшш...

Споткнулся на полуслове, поймав взгляд новичка. Память перенесла на полтора года назад.

После звонка Лешка подошел к учителю.

— Здравствуйте, дядя Ваня...

— Привет, Львеныш. Как живешь? Давненько тебя не видел...

— Так мы только вчера приехали. Пойдемте к нам. Мы здесь живем, рядом.

От последних солнечных лучей Лешкина голова казалась еще светлее.

— Квартиру снимаете?

— Нет. К-купили. ...Маме. Нам не скопить...

Шевельнулась запоздалая ревность:

— ...Вдвоем живете?

— Вдвоем.

Через пару шагов — болью:

— Что же вы не приезжали? Я ждал...

— Ты ждал. А мама?

— Тоже, — уверенно ответил Лешка. И добавил. — Раз я ждал, значит, и она ждала.

6 марта 1998 г. — 1 июня 2000 г.

Коротко об авторе:

Анна Валентиновна Кирьянова родилась в 1969 году. Окончила философский факультет Уральского госуниверситета им. А.М. Горького. Психоаналитик, директор Духовного центра психологической помощи. Автор книг «Оживление мертвых» (1998) и «Наша порода» (2000). Публиковалась в журналах «Урал», «Литературный Екатеринбург», в альманахе «Крушение барьера». Живет в Екатеринбурге.

Анна Кирьянова

Неправедный судья

Из цикла «Сказки и Истории»

Жил-был на свете один судья. Он очень любил судить людей. До того он любил судить людей, что даже на работу приходил на час раньше и в выходные дни. В праздники судов не бывало, и судья просто воображал себе процесс: сядет в свое судейское кресло, разложит бумаги, удалится на совещание и потом выносит приговор:

— Двадцать лет строгого режима!

Судья считал себя очень честным и справедливым — он ведь не выдумывал наказание из головы, а брал его из Уголовного Кодекса. Он не брал взятки и даже засудил всех, кто ему предлагал деньги или услуги. Судья иногда прямо радовался, что он такой неподкупный и кристальный: бывало, смотрит на себя в зеркало и улыбается от удовольствия.

Если бы судье сказали, что его никто не любит, он бы немного удивился. Он ведь приносил очень большую пользу обществу и сажал в тюрьму всяких убийц, насильников и других преступников. Если бы судья оставлял их на свободе, эти преступники продолжали бы обижать людей и даже убивать их.

Даже собственный секретарь боялся судьи. Вообще-то, это была секретарша, но судья так не любил это двусмысленное слово, что называл девушку мужским названием «секретарь». Секретарши были у криминальных авторитетов и банкиров.

Секретарь приносила судье чай и оформляла бумаги.

Дома судья сам заваривал чай — он жил один, потому что близкие люди ему мешали. Кроме того, судья опасался, что родственники могут за его спиной совершать всякие противоправные действия и порочить его репутацию. А судья очень дорожил репутацией.

Судья до того дорожил своей репутацией, что даже иногда не спал по ночам, размышляя о своей репутации. Если бы у кого-нибудь была бы такая же кристальная репутация, судья бы, наверное, заболел от переживаний.

Судья был очень аккуратным и пунктуальным. Он гладил свои белоснежные рубашки и чистил ботинки по несколько часов в день, а галстук завязывал по сорок минут. Если какая-нибудь вещь была не на своем месте, судья страшно сердился. Но он никогда не кричал, не орал, не стучал кулаком, а говорил тихо всякие обидные слова про хаотичность и неопрятность, а секретарша тогда плакала.

Судье казалось, что из всех неаккуратных людей обязательно вырастут преступники. Ведь преступники — это люди, которые не выполняют правила. Сначала не выполняют правила, а потом — нарушают закон.

В юности судья читал книжки, но потом перестал. Он вдруг заметил, что в книжках герои действуют нелогично и за преступлением не всегда следует наказание. Кроме того, авторы забывали выводить мораль из написанного и иногда как бы

жалели плохих персонажей, оправдывали их нехорошие поступки.

Судья страшно не любил, когда кого-нибудь оправдывали. Он не любил адвокатов и общественных защитников, а также родственников подсудимых, которые стонали и ныли про то, каким хорошим мальчиком был бандит в третьем классе. Он выслушивал защитников очень внимательно, но внутренне усмехался.

Судья чувствовал себя очень счастливым — он занимался самым любимым своим делом — судил людей.

Однажды судья заболел. Он страшно удивился — ведь болезни, по его мнению, возникали тогда, когда человек нарушал правила. Например, курил. Или пил холодную воду и ел всякие нехорошие гамбургеры и хот-доги прямо на улице. Судья ничего такого никогда не делал, и все равно заболел.

Он заболел очень сильно; у него нашли рак. Врач был каким-то неаккуратным молодым человеком с бородой и в свитере под халатом. От него пахло перегаром. Когда врач, наклонившись к судье, показывал ему снимки и результаты анализов, судья морщился и отворачивался. Врач думал, что судья вот-вот заплачет и тоже чуть не плакал: ему было ужасно жалко судью. Это был добрый врач-алкоголик, который лечил раковых больных и почти ничем не мог им помочь. Врач переживал и поэтому пил; его мама тоже умерла от рака.

— Медицина бессильна... — сказал врач.

— Глупости, — ответил судья. — Если есть болезнь, значит, ее можно вылечить. Просто вы не умеете.

— Может, какое-нибудь чудо и есть... — схватился за соломинку врач, а судья ответил:

— Глупости. Чудес не бывает, молодой человек.

Врач восхитился смелостью и мужеством судьи. Он не понял, что судья вовсе не смирился с болезнью. Судья просто считал болезнь каким-то преступником, который со взломом проник в его правильный организм. Должны быть какие-то специальные медицинские средства против этого преступника, просто врач — плохой и не знает свой медицинский кодекс.

— Надо вас судить, молодой человек, — сказал судья и вышел из кабинета. У дверей сидела очередь из людей, которые вели себя неправильно. Судья тут же решил, что все эти люди курили и питались исключительно холестерином в чистом виде. Он неодобрительно посмотрел на больных и

пошел к себе в суд, судить карманного вора.

Карманный вор был очень молоденьким и бледным. Он был наркоман и крал кошелек в автобусе у зазевавшихся граждан. Деньги были нужны ему на героин.

На суде вор плакал и умолял; он уже полгода ждал суда в СИЗО, где в одной камере жило шестьдесят человек и люди спали по очереди. В камере вору досталось самое плохое место у параши, кроме того, он заразился туберкулезом.

Адвокат у вора был бесплатный, поэтому больших сложностей не было. Адвокат очень торопился на другой процесс, где ему пообещали большой гонорар. Он защищал налогового инспектора, который брал взятки у киоскеров.

Судья все хотел почувствовать привычное удовольствие от любимой работы. Ему хотелось, чтобы желудок перестал болеть и чтобы прошла изжога, которая его очень мучила. Но почему-то он никак не мог настроиться на нужный лад. У него появлялись какие-то странные мысли о своей юности, когда он приехал в чужой город с фанерным чемоданом, чтобы поступить в юридический институт. Судья снимал комнату у глухой старухи, а вечерами разгружал вагоны на вокзале. Жить в общежитии он не хотел, потому что уже с юности не любил неаккуратность и шум, а в общежитии все время было грязно и шумно. Судья мечтал стать судьей и восстанавливать справедливость, чтобы все жили по правилам. Его отец умер давно, а у матери были дети от другого отца. Очень шумные и грязные дети.

Однажды у судьи кончились деньги; он мог бы не платить вперед за комнату, но это было не в его правилах. Поэтому все деньги до копейки он отдал старухе, а работы, как назло, не было. Два дня судья ничего не ел.

Судья как-то ошалело поглядел на рыдающего в железной клетке вора, машинально погладил область желудка и вспомнил.

... Он совершил ужасный поступок: ночью, когда глухая старуха спала, страшно храпя, молодой судья прокрался в кухню и отрезал себе кусок колбасы и хлеба из старухиных запасов. Он отрезал себе очень тонкие аккуратные куски и тут же съел их, чувствуя дикие муки совести. У него потом несколько дней болел желудок; видимо, так мучила его совесть. А старухе он так и не признался в своей краже — именно так оценивал свое поведение семнадцатилетний судья.

Если бы у него были друзья, они бы одолжили ему немного денег, хотя судья и ненавидел брать в

долг. Но это было бы законно. Если бы он попросил у старухи, она бы наверняка дала судье поест, но была поздняя ночь, а старуха была глуха, как пень. Судья вдруг смутно подумал о каких-то обстоятельствах, которые его оправдывали. Это была хлипкая и мутная мысль, но в ней было что-то спасительное.

— Простите меня, я больше не буду! — всхлипывая, кричал вор, цепляясь за прутья худыми обезьянными лапками. — Отпустите меня, дайте мне условно, миленький судья!

Судья, которого почти никогда в жизни не называли «миленьким», продолжал странно глядеть перед собой. Мысль в его голове разрасталась и заполняла сознание. Он вспоминал свою одинокую юность и жалкую кроватку, на которой он спал. Он вспоминал, как у него была всего одна рубашка, которую он стирал каждый день хозяйственным мылом. Однажды старуха сильно заболела, и судья выносил из-под нее судно. И ему было жаль старуху и нисколько не противно, потому что своим сухим и одиноким сердцем он привязался к этой глухой старой бабе. И старуха называла его «миленьким».

Он посылал потом определенный процент денег матери и старухе. Он делал это как-то машинально, аккуратно складывая квитанции в коробку из-под чая. Квитанции приносили ему чувство душевного облегчения — это было проявление чувств.

Мать умерла, и старуха умерла. Посылать деньги стало некому, и судья складывал их на книжку, под хорошей, но разумный процент. Он покупал себе рубашки и чай, всякие продукты и нужные вещи: портфели и папки... А теперь он, судья, тоже может умереть.

Юный вор рыдал, по-детски кривя рот и всхлипывая. Он так сильно вопил, что у него начала дергаться голова, а из носа полезли сопли. Судья погрозил вору пальцем, но не сердито, а задумчиво, чтобы ему не мешали вспоминать.

Желудок болел очень сильно, это раковая опухоль разрушала нервные окончания, разрастаясь. Судья вдруг ощутил, что по его лицу катятся крупные и мелкие слезы. Этим слез, к счастью, никто не мог увидеть — слишком много глубоких морщин было на лице сурового судьи. Но он чувствовал, как теплая влага щекочет кожу.

— Где ваши родители? — вдруг спросил судья

у подсудимого.

Вор перестал рыдать и жалостно рассказал, что отца нет, а мать сильно пьет.

— А мои родители умерли, — сказал судья. — А у меня — рак.

Юный преступник уставился на судью и ответил:

— У меня у бабушки тоже был рак. Она меня воспитывала. Она умерла.

Все зашипели на вора, и он замолчал, но судья почувствовал облегчение.

— А сколько она прожила с этой болезнью? — заинтересовался судья.

— Год почти, — рассказал юнец, сморкаясь в рукав спортивной заношенной кофты. В обычное время сморкание в рукав вывело бы судью из себя, но сейчас он не обратил на это внимания.

Судья посчитал в уме и немного приободрился. Он быстренько удалился на совещание и долго молчал, глядя сквозь толстого адвоката, который все смотрел на часы. Потом судья вернулся в зал заседаний и огласил приговор.

Это был очень-очень странный приговор. Он дал вору год условно и взял его на поруки. И сказал, что вор временно поживет у него.

— Надо научить его соблюдать правила, — строго сказал судья секретарю и адвокату. Конвойный милиционер-татарин понимающе закивал головой, словно так и должны были заканчиваться подобные процессы.

Бывший вор выполз из железной клетки и встал перед судьей. Он был исключительно неаккуратный низкорослый субъект с какими-то клочковатыми волосами и синей татуировкой на пальце. Передних зубов у него не было — их выбили граждане, когда поймали его за кражей кошелька.

Судья надел пальто, которое за последние недели стало ему велико и смотрелось как-то неаккуратно. Воротничок рубашки тоже стал широк. Судья очень строго посмотрел на вора и велел ему идти за собой. Вор нисколько не возражал, и уже на улице совершенно нахально начал клянчить у судьи мороженку, называя судью «дяденькой» и «миленьким». Судья купил мороженку, попросил завернуть ее в пакетик и есть на улице запретил.

— Должны же быть какие-то правила! — сурово сказал судья. — Вот придем домой, и съешь ее с горячим чаем.

Пётр ПЛЫШЕВСКИЙ

По образованию — химик (технология неорганических веществ). Текущая работа: поиск в Интернете и перевод патентов, т. п.

Нынешнее хобби: ролевые игры и все, с ними связанное. Это занятие очень специфическое, появившееся в нашей стране менее десяти лет назад. И заключается оно в том, что группа людей распределяет между собой персонажей (роли), берет самостоятельно сделанные деревянные мечи, кольчуги из проволоки — и на неделю-другую выезжает в леса, становясь персонажами своеобразной пьесы по мотивам какого-либо романа или исторического события. Такие вот многодневные игры без антрактов...

Стихи Петр пишет с 1989 года. Живет в Екатеринбурге.

***

А.Д.

Из многих быстрых, грустных встреч
слагается судьба,
их лиц не сладится сберечь,
их странна ворожба.

А я никто, я память, блик,
скользящий на листе,
и время — прах, и вечность — миг,
стоящий на хвосте.

И нету разницы, куда
расправятся пути,
ведь все что было, ерунда,
и то, что будет, ерунда —
за прочее — прости.

Небывшее — вот жизни плоть,
небывшее — главней,
и если память прополоть,
получишь мир теней.

Всё — потому что потому,
мир влажен и движим,
и мы поручены ему,
ему принадлежим.

И жизнь слагается опять
из странных грустных встреч,
и их так сладостно не знать,
не знать, не остеречь.

1991

***

Есть мокрый пар, влекущийся ложбиной
от Крон-горы и до горы Змеиной;
его мы называем «облака».
Ещё есть лес; дома — до ста строений,
мост с фонарем, а кроме — только тени
и дождь; и с тем дождём река

Навеки хочет слиться. И — ни знака,
собачья хмарь, и не ворчит собака,
и есть ли время, право, не узнать:
часы все врут, пытаюсь мерным стуком
вниманье обмануть, и этим трюком
своё существованье оправдать.

И где же не сиди в такую погоду,
что в руки не бери, не суй под локоть —
всё лишнее тебе, и значит ты
не нужен этой серостной картине:
дождю за окнами, кустам пустым, рябине,
но видеть обречён её черты.

1992

***

Читали газеты и жили помалу,
пороша лежала на крышах вокзала,

и где-то гремели чужие колеса,
и в окна стучались холодные осы,

проникнуть желая в железные дома,
где чьё-то лицо (а лицо незнакомо),

но смотрит 15 минут на перроны,
на плоские крыши, короткие кроны

дерев привокзальных, витрины киосков,
на зданий далеких слепые проростки,

и пахнет огней перегретое масло,
и капает, льется, хоть бледно, но красно,

вот поезд пошёл, задыхаясь, толчками,
и руки стоящих идут ветряками

тяжёлыми; странно, но, право же, нужно
скорей отвернуться, покашлять натужно,

нащупать в кармане своём сигареты
и вынырнуть в тамбур, где времени нету.

1993

***

А в люльке лимонной сражаются льдинки.
Кто вышел живым в ледяном поединке?

На полке железной пугаются звери,
в пространстве лиловом вращаются двери,

На плечи спускается вечер порожний.
Ты не уходи, но гляди осторожно,

Но не уходи. Вероятно, вернуться
труднее, чем пальцем к нему прикоснуться.

...Очёркнуты тени, оценены траты.
Устроено дело из льда и из ваты.

И можно стоять, находиться безмерно,
раз сделалось все беззаконно, безверно.

1994

***

...Страшной замков холодное железо,
и одиночество, проверенное:

— стуком

в их двери, сердца;

— кровью из разреза

зари небесной;

— лампы пресным кругом.

и двери-оборотни понимают место,
и сквозняком, и косяком умнеют,
а в комнатах живёт, коснея, детство,
теряет память, верует сильнее.

И пишет и живет ненужным мелом,
его надежды вымерли немного,
рука его немного онемела,
а страх его в затылке, у порога.

1995

***

Я вспоминаю зимние созвездья,
их чистый, как бесчестье, порошок,
и горизонта вялый ремешок
удушливый, и это вместе.

В семействе дней сухих рябой мороз
играет на прилипчивой трещотке
и сумерки дефектами решётки
приходят в дом надолго и всерьез.

О, Сигизмунд на примыслы горазд;
и завидно, но более — печально,
здесь выучиться б ритуалам чайным,
и что-нибудь, и чтоб огонь не гас.

1996

***

Рисует на стекле дома,
в столе находит запах снега,
и воровато, без ума
внимает плаванью ковчега.

И дышит ветер. Ночь хранит
равнины яшменной стяженье,
где частыми лежат костями
Ллдей уснувших поселенья.

И плаванье твоё берёт
попарно мыслей сложных ветхость,
многоэтажный стонет плот,
и — отплывает в безнадежность.

1997

***

Я вижу улицу и шар дневной,
и долгий дым несется надо мной.
Поежившись, скажу себе: спокойно!
п погляжу на треснувший асфальт,
на горизонта бедственного сталь,
и в ней оттиснутую колокольню.

И на мгновение во всем увижу рты,
как письма на брюшке бересты,
и над землей кладбищенскую сырость,
и с глупым ужасом я оценю сполна,
то обстоятельство, что нам с тобой дана
Вселенная, пошита на вырост.

1998

***

В стечении водицы дождевой
горит октябрь, как шар неугасимый,
как медный бык — над черной мостовой —
и городом из бегства и резины.

И осыпаются, как листья, голоса.
их воздух желт, он в жилах червоточин,
его движение можно описать
лишь голосом антенн и многоточьем.

И поздно жить, и время отвечать
тому, кто лжет из воздуха расщелин,
скажу еще: в руке его печать,
в лице — смоковница и за спиной звери.

В кругу зверей — куда же без него? —
я наблюдаю ревностно обычай
жить, точно в гроб упряган с головой,
и оживать, услышав говор птичий.

1999

Остров

1.
Когда надежд оставлена земля
и жизни жизнь не требует отваги,
находишь в снегопаде забвения
стихов и писем жалкие бумаги.

В паденье памяти немой в колодец дней
(а кролик щелкает и щелкает часами)

руками двигай, мыслью дервенея,
нетопыря доверься осязанью.

И не возврат, и не касанье стен,
но видеть сквозь предельное усилие:
нет, след его, да, след его колен
на пустоте прекрасной, изобильной.

Не жизни след — один из десяти,
не оправданье, или, скажем, память —
но — слово невзначай произнести:
«Се.Остров мой с людьми и городами».

2.

«Се Остров мой с людьми и городами», —
однажды говоришь. Зигзаг тоски,
прощаний, встреч глухое проседанье,
их голоса, как зрак змеи, узки.

Се остров мой — в нем правда и неправда,
я каждый камень выдумал его,
я знаю этот воздух виноградный,
вторичного творенья вещество.

Се жизнь моя, рекою-Океаном объемлема.
Се сладостный мой Ад.
И там светло. Свечою первозданной
там рукописи бранные горят.

2000

Август

Лиловых звезд разомкнутые цепи.
Холодный берег посещают волны
так равнодушно, шумно и бесцельно,
что в их разумность верится неволью.

Четыре корабля плывут над миром,
шесть океанов плещутся над сушей,
и в саркофагах часа ждут кумиры:
что их разбудит к жизни рог пастуший.

На землю возвращаясь неохотно
под черным небом, что чернее моря,
И говорю, что жизнь не есть дремота,
но сам себе проигрываю в споре.

2001

Заочная Литературная Школа «Большие надежды»

при журнале
«Уральский следопыт»

Занятие второе

Начинаем второе занятие.

На этот раз стихотворения для анализа взяты из работ, присланных на конкурс «Большие надежды-2001» руководителем клуба «Пока горит свеча» Багуцкой Галиной Михайловной из средней школы № 2 поселка Тарко-Сале Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

Итак, друзья, поговорим теперь о том, как конкретно устраивается этот порядок (т.е. ритм).

Ведь общий порядок в каждом деле, в каждом процессе устанавливается по каким-то определенным правилам. Правила эти в стихах не придумываются — они вытекают из самой сути стихотворной речи. Научиться понимать стихи как стихи может только тот, кто понял эти закономерности и умеет их применять на практике.

Пушкин писал о Евгении Онегине (герое одноименного романа в стихах): «Не мог он ямба от хорея, // Как мы ни бились, отличить»: Как раз тому, что такое ямб и хорей и как они отличаются друг от друга, будет посвящено это занятие.

Прочитайте вслух отрывок из стихотворения Клавдии Оботиной (9 «б» класс, школа №2) «Ямал»:

*Моя судьба в его снегах
Укрыта от невзгод.
Он бережёт меня как дочь,
Как северный народ.*

Вы, конечно, слышали, что слоги, на которые падает ударение, в каждом стихе располагаются в каком-то порядке: первый безударный, второй — ударный, потом опять безударный и так далее до конца строки.

А вот ещё один отрывок из стихотворения Владислава Змановского (5 «б» класс, школа №2)

«Пою тебе, седой Ямал»:

*Пою тебе, седой Ямал,
Ты так прекрасен, мил.
С тобою я счастливым стал
И горечь позабыл.*

Нарисуйте в клетках схему стиха и расставьте на ней ударения. Ударение принято отмечать на схеме знаком «V» над тем слогом, на который оно падает.

Ударения падают на второй, четвертый, шестой и восьмой слоги, если считать от начала стиха, то есть на четные. Это совсем не случайно: стихотворение специально написано так, чтобы ударения попадали на чётные слоги.

Минимальное повторяющееся сочетание сильных и слабых мест в стихе называется **стопой**.

Соединение стоп одного вида называется **метром**.

Слово «метр» произошло от греческого слова *metron* — мера.

Стихотворения Клавдии Оботиной и Владислава Змановского написаны двухсложным метром, который называется ямбом.

Далее мы поговорим еще об одном двухсложном метре — хорее.

Размером называется число стоп в стихе — стихотворной строке, — и определяется он простым подсчетом.

В приведенном нами отрывке из стихотворения Клавдии Оботиной четыре ямбических стопы в каждой строчке, то есть он написан четырехстопным ямбом. На каждое сильное место здесь падает ударение.

Помимо этого случая, когда на все сильные места падают ударения, возможны и такие, когда

ударения не падают на сильные места. Но место не перестает быть сильным от пропуска ударения. Мы всегда помним о сильных и слабых местах в стихе. Это позволяет нам воспринимать тот или иной метр (и размер), несмотря на «нарушения» его схемы.

У двухсложных метров есть одна особенность, которая наиболее значима для них. В том месте, где по схеме должен быть ударный слог, часто оказывается безударный. Пусть это вас не смущает и не кажется странным: ведь в русском языке чаще всего одно ударение падает на три слога. Но о трехсложниках речь впереди. А в стихотворениях, написанных двухсложными метрами — ямбом и хореем, чтобы избежать пропуска ударений, пришлось бы подбирать слова из одного или двух слогов. Это очень ограничило бы словарь поэзии, а сами стихи стали бы монотонными и однообразными. Давным-давно поэт П. Вяземский написал об этом замечательные стихи:

*Глагол наш великан плечистый и с брюшком,
Неповоротливый, тяжелый на подъем,
И руки что шесты, и ноги что ходули,
В телодвижениях неловкий. На ходу ли
Пядь полновесную как в землю вдавит он —
Подумаешь, что тут прохаживался слон.
А если пропустить слона иль бегемота,
То настезь растворяй широкие ворота,
В калитку не пройдет: не позволяет чин.
Иному слову рост без малого в аршин;
Тут как ни гни его рукою расторопной,
Но всё же не вогнешь в ваш стих четверостопный.
А в нашем словаре не много ль слов таких,
Которых не сvezет и шестистопный стих?*

Рассмотрим проблему пропусков ударений более подробно и конкретно. В начале поэмы Пушкина «Медный всадник» автор обращается к Петербургу:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...*

На схеме этого четверостишия расставьте ударения. Как вы думаете, почему в этих строках есть пропуски ударения?

То есть получается, что у нас есть схема метра,

где ударение падает на все четные слоги, — это как бы идеальные стихи, а реальное стихотворение со своими особенностями в большинстве случаев не совпадает с этой схемой: в нем вовсе не все четные слоги являются ударными. В первой и второй строке этого четверостишия все четыре четных слога — ударные. В третьей — только три, а в четвертой — только два. Но все же ударные слоги — четные, и поэтому — это ямб.

Вы уже узнали, что ямбом называется такое чередование сильного и слабого мест в стихе, когда строка начинается с безударного слога, потом следует ударный и так далее.

А теперь прочитайте стихотворение Оли Циваш (9 класс школы №2) «Библиотека — наше детство»:

*Много книжек самых разных
Без труда тебе найдут
Приходи, и ты увидишь,
Здесь волшебницы живут!*

Перед нами совсем другой метр — хорей. Хорей — тоже двухсложный метр, начинающийся с сильного места, потом слабое, потом опять сильное.

ЯМБ: V — V — V — V —
ХОРЕЙ: — V — V — V — V

А теперь посмотрим, как вы умеете применять усвоенные знания, можете ли вы отличить один метр от другого, посмотрим, превосходили ли вы пушкинского героя, который не мог справиться с этим.

Нарисуйте схемы предлагаемых стихотворений. Расставьте в схемах ударения.

*Ему поют из года в год:
«Ты — балдовень судьбы!
Хоть и закован в лед,
Но все ж прекрасен ты!»*

Клавдия Оботнина, 9 «б» класс школы №2.

*Город. Ночь. Идет война.
Взрывы слышно где-то.
Люди гибнут без следа.
А зачем? Ответьте!..*

Екатерина Сидолренко, 11 класс, школа №2.

Юрий ДЁМИН

Коротко об авторе:

Родился в г. Кустанай Казахской ССР в 1972 году. Закончил факультет журналистики Уральского государственного университета, с 1996 года — член Союза журналистов России. Главный специалист Министерства культуры Свердловской области, секретарь Комиссии по премиям Губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства.

Сейчас редактирует литературный альманах «Крушение барьера». Автор книги «Записки о боли» (вышла в 1997 г.).

***

А. К.

Я говорил — «так плохо мне»,
А ты сидела и молчала.
Я понимал, что на Земле
В тебе одной — моё начало.
И не поймёт никто другой
В пылу моих воспоминаний,
Как важно быть самим собой
Мне в дни безудержных терзаний.
И хоть с тобою далеки
Порой бываем бесконечно —
У берегов одной реки
Когда-нибудь заглянем в вечность.
В твоей строке моя строка
Ещё останется потомкам,
Вот так же, как твоя рука
В моей лежала тенью тонкой...

2001

***

Кого мне в эту ночь позвать?
Кому открыть тоску?
Чьи руки нежно целовать?
И говорить «люблю»?

У бессловестности ночной
Я спрашиваю зря —

В ответ лишь бьётся ветер злой
Из стужи января...

2002

***

Бог Вас накажет за обман,
Ничтожество своё поймёте,
И станет мерзок Вам дурман
Услад ничтожной Вашей плоти.

Я много в жизни заплатил
За тех, кто смог меня обидеть,
Но, может, хватит ещё сил
Мне не суметь Вас ненавидеть...

2001

***

Несостоявшейся любви -
Несостоявшееся бремя.
Души сгорающей огни
Не согревают — только тлеют.

Кому-то время умирать,
Кому-то — жить, кому-то — верить.
Наград своих не нужно ждать,
Когда часы придется сверить.

Былых заслуг открытый счет
Перечеркнёшь одним поступком.
Уже никто не разберёт
Теней в твоём подьезде жутком.

Что ж для сердечных алых ран
Никто бальзамов не придумал?
Ты, даже если сильно пьян,
Не знаешь, что Господь задумал.

Не потерять — того, что нет,
И нереальность не исправить,
И оставлять свой яркий след
Никак нельзя себя заставить.

2002

***

Тысячи огней ночного города...
Средь безумных дней и жизни холода
Ищем мы друзей и тех, кто дорог нам.
Верим мы словам охотней, чем делам.

Где-то промелькнет за занавескою
Чей-то нежный стан, и станет дерзкою
Давняя мечта о понимании,
Что сотрет года и расстояния.

Чья-то жизнь опять пройдет за окнами,
Вечер вновь придёт, печалью сотканный.

Лишь бездомный пёс грустит на холоде,
Всё кого-то ждёт и вечно голоден.

Он бредёт один в надежде на тепло,
Всё, что будет с ним, давно предрешено.
Тысячи огней, увы, не для него,
Сотни тщетных дней не дали ничего...

***

В моих мечтах полузабытых
Твой образ всё ещё живёт,
Кафе любви давно закрыто —
Ко мне никто не подойдет.

Цветёт полынь в душе уныло —
Я не заглядываю в даль.
Неужто боль в душе остыла?
Того, что было, мне не жаль.

Но если я в толпе прохожих
Увижу чей-то нежный взгляд,
Безумно так на твой похожий,
Мечты опять заговорят.

В моих мечтах полузабытых
Твой образ всё ещё живёт,
Слова любви давно забыты —
Но сердце всё чего-то ждёт...

Всех понять и пожалеть

*Петр Родимов добывает поэзию и в себе, и во внешнем мире. Это одинаково трудно, это вдвое трудней, чем, скажем, только воспе-
вать природу, или только расшифровывать свои «серые клеточки»,
выдавать свои смутные раздумья.*

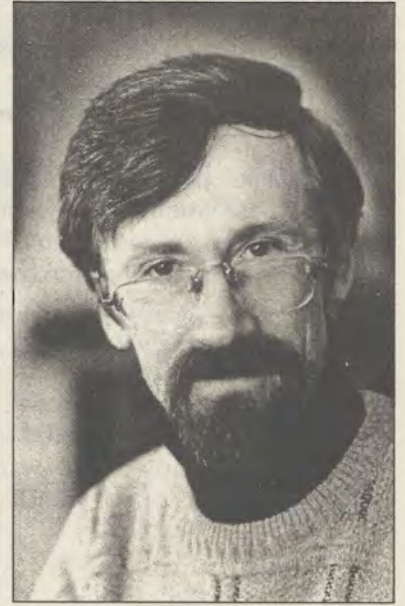
*Мне кажется, что в поэзии сейчас не в моде «тихая родина»,
как-то в тень уходит линия Есенина, Твардовского, Рубцова.*

*Пишущих больше привлекают к себе Осип и Иосиф - Мандельш-
там и Бродский. Такое было бы и похвально. Но многие стихотво-
ры, увы, пытаются имитировать интеллект, пользуясь пехитрой
отмычкой эрудиции, подражать гениальным предшественникам. «С
ушами» таких имитаторов выдает их надменная холодность, без-
душье, отсутствие сострадания.*

*У Петра Родимова, сдается мне, душа есть. Она стынет, она
горит, она мечется, она на своем месте, она готова отдать себя по
кускам ближнему.*

«Всех понять и пожалеть» — мечта и цель поэта.

Значит, его стихи достойны читательского внимания.

Пётр Родимов

Фото Сергея Новикова

Алексей Решетов,

член Союза писателей России.

После листопада

По холоду идёшь леса листать,
Чтобы набраться мира и покоя.
Я знаю, лист читать, — не прочесть,
Но он на песню — слышите? — настроен.

Ногами перелистывает взгляд:
Черны поля... Сквозны лесные дали...
Ноябрь такие радости светлят,
Которые душе прозрачность дарят.

И принимаешь тишину и грусть,
И начинаешь совестью смотреть,
Не землю, видишь, а Стихию-Русь,
Где можешь всех понять и пожалеть.

Октябрьская оттепель

До среды обещают тепло,
Снег опять расплывётся по лужам;
Перед долгою зимнею стужей
Цепенеет усталая плоть.

Жил я раньше и горя не знал,
А теперь замедляю движенье.

Где дыханья второе рожденье? —
Я его ожидать перестал;

Я утратил способность расти,
Я уже до морозов простужен.
Перед долгою зимнею стужей
Догадайся меня навестить.

Ноябрь

1.
Сказать, а слов опять не чувствует язык.
Мне вместо слов — потеющие стекла
И вянущая холодом земля.
Как этих слов смогу я уловить
Извечный смысл. Ноябрь, ноябрь, ноя...

2.
От зелени тяжёлых лап сосновых,
От тёмной глади медленной реки
Уже тревогой зимней потянуло,
И жарких дров огонь
От тягости душевной не спасает.

3.
Начало и конец, соединяясь,
Во мне рождают холод и смятенье.

Новый год

Праздник. Узор в окне
Новью мороз тревожит,
Гулко скрипящий снег
Коркой оконной множит.

Сказочные растут
К «завтрему» утру ели,
В раме картинной ждут
Первой своей «смотрели».

Ждал — наряжай, укрась!
Свечи, шары, развесить!..
Что ж ты оборвалась,
Детства святая песня?

Так я опять хотел,
Слушая, ободриться,
Только узнать успел —
Время уже проститься.

Звёздный узор молчит,
Светит, не шелохнется:
Что там грядёт в ночи?
Как Новый год начнётся?

Зимнее

Уж ночь мутнеет облаками,
Метель стучится в окна птицей,
Всю душу выплюешь кусками,
Пока мечта осуществится.

И вот, когда достигнешь цели,
Потерю хочешь наверстать:
Скребёшься сам с тоской метели
В окно, где можно прежним стать.

Июнь

Июньский полдень. В небо новые
Растут подсвечники сосновые.

Густой смолистый аромат,
Как мёд, тягучестью богат.

Миг этот тёплый, близкий раю,
В себя с надеждою вдбираю:

Зимой холодной и тоскливой
Меня поддержит он счастливо -

Тогда, быть может, поутру
Я рассмеюсь, а не умру.

Из цикла «Детство»**Развешиваем постиранное бельё**

Ноябрь, ноябрь. Мороз в окно —
Горячий кофе повкуснел.
Вновь черно-белый мир основ
Среди привычных наших дел.

— Смотри, Серёжа, как река
Меж берегов затихла строго.
Она теперь средь ивняка
Чернеет и блестит дорогой.

Бельё в тазу парит слегка,
И снега сладкий скрип пронзает...
И мамы мокрая рука
От первой стужи замерзает...

***

Февральской тёплой непогоде
Нашла зима счастливый день.
И он по крышам деревень,
Облеплен хлопьями, проходит:
Метёт, пуржит, глаза слепит,
Мальчишкой мнётся за порогом,
Зовёт гулять, щенков потрогать,
Но дочка, наигравшись, спит...

Поклоны Лао-Цзы

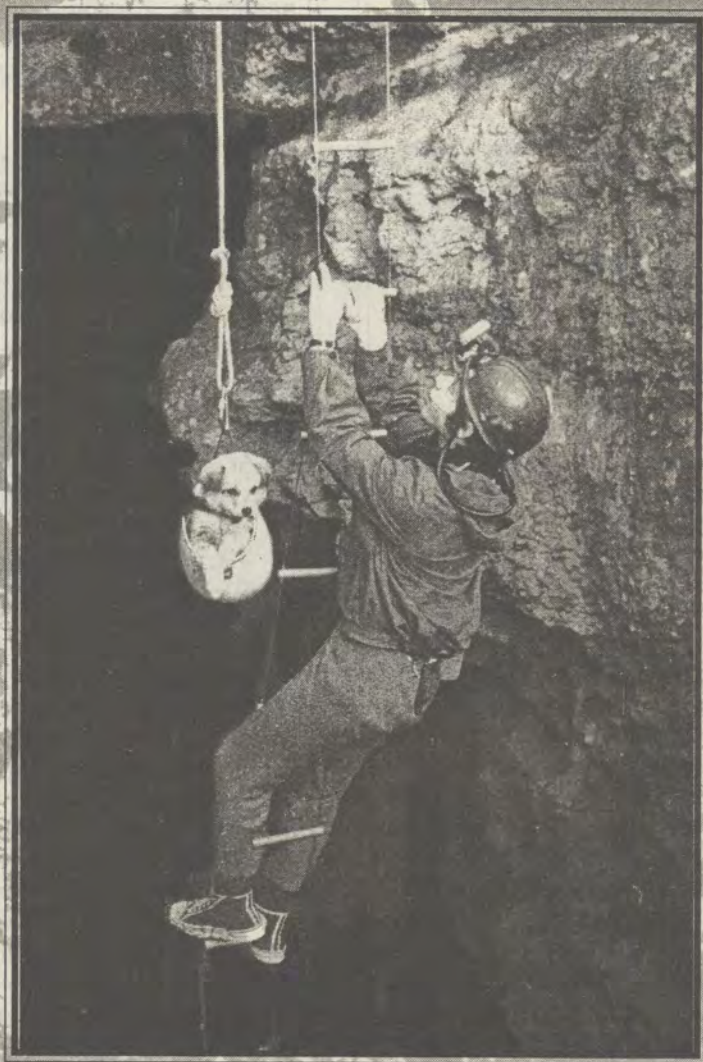
1.
Снег. Впереди не встретиться следам.
Что можно потерять — я отдал сам.
Что смогут отобрать, так только медь:
Делите то, что я хотел иметь.

У снега научился всем прощать;
Лишь Ветра дочь за полами плаща.
О, Вьюга! Зная, что его здесь ждёт,
Другой такой же, как и я, придёт.

2.
Земля и Небо. Между ними — я —
Собака из соломы и тряпья,
Которую за несколько минут
Людские языки сотрут, сомнут.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	61
Владимир РЫКШИН «Дорога на «Плато Болванов»	63
Евгений САВЕНКО «Чусовая — драгоценное кольцо Урала»	66
Михаил КНЯЗЕВ «Цветы и снег»	70
Николай РУНДКВИСТ «Экспедиция «Сотый меридиан»	72
Павел СМОЛИН «Памирский дневник»	75

Март — это конец и начало. Зима добирается до своего финиша и передает эстафетную палочку весне. Так что сейчас наступает самое время оглянуться на те приключения, которые прошли под аккомпанемент хруста снега и подвываний вьюги.

Именно поэтому в третьем номере мы говорим о снегоходах. Ведь только эти машины дают возможность по-настоящему быстро передвигаться по зимним уральским лесам, увалам, рекам. Без снегоходов зимой нельзя забраться ни на знаменитое «Плато Болванов», ни промчатся по сверкающей глади просек и рек. Поэтому давайте вспомним эти дни, возможные только северной зимой.

А после этого можно перенестись в совсем другую, непривычную для уральцев зиму — на юг. Именно в тех краях сейчас путешествует уникальная экспедиция «Сотый меридиан». Так что добро пожаловать в Малайзию!

А еще в этом номере мы заканчиваем публикацию «Памирского дневника» Павла Смолина. Вы сможете прочитать об окончании его уникального горного похода на собаках — и прочитать именно в то время, когда хаски (а именно на этой породе собак лучше всего ездить каюрам-погонщикам) готовятся к летнему отдыху. Ведь сейчас Смолин содержит их питомник под Екатеринбургом.

Но «Встречный ветер» — это не чисто спортивная рубрика. Помните? Мы еще в самом начале ее существования говорили о том, что она посвящается сегодняшнему дню Урала. В ней мы рассказываем обо всем необычном, ярком и волнующем, что уже сейчас существует на нашей древней земле. И это волнующее — не только захватывающие дух гонки по тайге, и не только увлекательные путешествия вдали от родного дома. Разве не заманчиво преодолеть стереотипы? Быть в числе тех, кто первым делает что-то новое, необычное — такое, о чем раньше никто и подумать не мог? Так что в этом номере мы рассказываем о совершенно неожиданной идее — выращивать для своих любимых подснежники... на балконе самой обычной многоэтажки. Дарить женщинам на 8-е марта не покупные цветы, а те, что испокон века считаются дикими, лесными, и только недавно начавшими перекочевывать к человеку. И вытащить эти цветы почти что из-под последнего весеннего снега — сразу после того, как ты вернулся из тайги, из похода....

С 1-го по 3-е марта 2002 года прошло грандиозное спортивно-оздоровительное мероприятие, называвшееся «Зимний экстрим-2002». Его организатор — ассоциация «Экстрим», получившая поддержку со стороны спонсоров.

Участники за три дня должны были преодолеть на снегоходах три этапа. Протяженность каждого — 70-100 километров. Маршрут пролегал по тайге, тянувшейся между знаменитой Ежовой горой и турбазой Чусовая (поблизости от села Слобода). Надо отметить и то, что он находился рядом с границей знаменитого Висимского заповедника.

Эту дистанцию нужно было пройти на время, и при этом не заблудиться в лесу. Чтобы отдельные несознательные участники не попытались облегчить свою задачу, проехав по торным тропам или по просекам под высоковольтными линиями электропередач, на трассе были созданы контрольные пункты. Все участники перед стартом получили специальные талоны, которые нужно было компостировать в тайге, при помощи прибитого к дереву компостера. Если это примитивное, спрятанное в лесу устройство было не найдено одним из экипажей — вся команда получила штрафные очки.

На трассу «Зимнего экстрима» вышло 29 человек. Они разбились на команды по три снегохода в каждой. Названия команд выбирались самими участниками и были очень разнообразны — от «Снежных псов» и «Арктик КЭТ» до «Старый да малый».

На турбазе «Чусовая» участникам экстрима были продемонстрированы аэросани с деревянным пропеллером. В середине прошлого, XX века, они претендовали на роль чуда техники. Но реально хорошо они только ревели, а вся сила их двигателя уходила на сотрясение воздуха и вращение пропеллера.

В четвертом номере «Уральского следопыта» будет опубликован подробный рассказ об этом интересном событии.

Владимир РЫКШИН

Дорога на «Плато Болванов»

Смогли!

Ассоциация «Экстрим» и «Таганский ряд» решили организовать экспедицию на Манпунёр через печально известный перевал Дятлова. В нее пошли шесть человек на пяти снегоходах. Маршрут был выбран серьезный, и участников экспедиции отбирали тщательно. Остановились на самых подготовленных. Это были Владимир Рыкшин, Олег Майоров (ассоциация «Экстим»), Алексей Филечкин и братья Макаровы, Вадим с Алексеем («Таганский ряд»), и Алексей Дудоров.

Нас и наши снегоходы погрузили на КАМАЗы, и экспедиция началась. Пассажирами мы доехали до поселка Северный. Выгрузились. И дальше начали двигаться уже самостоятельно.

Проехали Вижай, нормально двигались к Ушме. И тут появились первые предвестники трудностей с погодой. Подъезжая к Ушме, мы встретились с группой разочарованных екатеринбургских туристов: они возвращались со своей третьей безуспешной попытки забраться на Манпунёр. Эти ребята только что две недели ходили вокруг гор и облизывались на их вершины. Но взобраться не смогли — погода не дала.

Видимость все время была нулевой, двигаться по склонам — самоубийство. Так что туристы отчаялись и дружно махнули руками на свою затею. Эти ребята решили, что четвертой попытки они делать не будут.

И в чем-то мы хорошо их понимали: как-никак, эта наша попытка тоже была не первой, а второй. До этого мы застряли почти в самом начале маршрута, километрах в пяти от перевала Дятлова. Морозы тогда стояли серьезные — минус сорок семь градусов. Но река Ауспия до конца промерзнуть все-таки не сумела. Поедешь по ней — обязательно искупаешься. А вылезать мокрым из воды под горный ветер с метелью... Не хочется, ребята! По лесу же тоже не проехать: там лежит рыхлый, трехметровый пласт снега.

В тот раз мы решили временно отступить от своей цели, вернувшись в эти места позднее, когда природа чуть-чуть помягчает. И, как мы считали в Екатеринбурге, дождался этого момента.

Расстались с туристами, поехали дальше. Прибыли в Ушму (заброшенный поселок «Северлага» на реке Ауспии) и заночевали в небольшой, покосившейся избушке. Назавтра выяснилось, что в Ушме зачем-то поселился монах-отшельник. Встретились с ним из любопытства. Получили от него благословение на дальнейшую экспедицию и услышали ворчливый наказ: не особо заигрывать с языческими идолами. А в общем, времени в Ушме мы провели мало, но неплохо.

Мы выехали из нее в хорошем настроении. Погода стала великолепная, солнце светило. За день мы чуть ли не играючи проехали почти 50 км, то есть добрались до перевала Дятлова. Ну, конечно, без мелочей не обошлось: по дороге дважды искупались в воде, перевернувшись на снегоходах. Это нормальные происшествия в таких экспедициях. Мы просто брались за ручные лебедки и быстро вытаскивали неудачливые снегоходы.

Вечером встали под перевалом Дятлова, оставили

тут излишки горячего и продуктов. Дальше река слишком сильно сужалась и вся пестрила промоинами, как шкура рыси пятнами. Ехать по руслу на снегоходах невозможно, и мы перебрались на берег. Начали искать там любое подобие тропы — нам ведь нужно было подняться на хребет.

Леша Дударов поехал на разведку — у него, единственного из нас, была машина марки «Супервайтрак милитери». Мощный снегоход, с широкой гусеницей. Леша нормально заехал вперед, пробил нам дорогу. Я тут же прошелся по ней пешком. Одновременно и фотографировал, и разобрался с тем, как будем ехать дальше.

На следующее утро мы снова двинулись к своей цели. Когда мы поднялись на перевал Дятлова, и вышли на Главный Уральский хребет, погода стала совсем другой. Небо выглядело непонятно: темно-синее с какими-то всполохами. Оно явно что-то предвещало, и горы ждали этого обещанного. Нам же предстояло проехать еще 90 км!

Первое время все же двигались нормально. Случилось несколько переворотов, вот и все. Подъем на Огор-тэн был трудным, крутым, но мы его преодолели. Поехали по главному уральскому хребту. С него планировали спускаться к Печоре, пересечь ее по льду и сделать восхождение сначала на Койп, а потом — на плато Манпунёр.

И тут началось. Едва мы стали подъезжать к Печоре, как погода показала нрав. Буквально на глазах чер-

ная туча заполнила все горное небо, и на нас обрушилась пурга.

Выхода не было, и поэтому мы в этой каше из снега и воздуха спустились к Печоре. Поставили палатку, начали копать в снегу яму, чтобы на ее дне разжечь костер. Копаем, копаем — а под лопатами все бело и бело. Слово вся гора состоит из одного снега. Наконец через три метра показался камень. Представляете, как выглядел человек на дне такой ямищи?

Ветер всю ночь издевался над нашей палаткой. Трясе ее, пытался комкать, хотел уволочь куда-то себе в логово. Но палатка выдержала.

Проснулись утром — и сюрприз: видимости ни малейшей. Я для очистки совести все-таки послал Леху на разведку, все на том же его «Супервайтраке». Попросил посмотреть, как нам ехать через лес, который тянулся до самого плато. Я был уверен, что вперед мы не поедem: дождемся Лехино го возвращения и будем вынуждены двинуться назад. Редкий лес впереди тянулся всего на километр, и Леха быстро вернулся. И тут погода решила одуматься: посветлело настолько, что даже солнышко начало выглядывать.

И мы, разумеется, поехали вперед. Все шло хорошо. Но только-только забрались на плато — и видимость исчезла. Ничего не разглядеть. Впереди тебя движется силуэт снегохода, а больше ничего не видать. Пурга просто сумасшедшая, внезапная. Мы практически сразу же остановились, развернули снегоходы против ветра. Начали спешно копать яму-укрытие,

забрались в нее и сидели там минут 40. Двигаться ни в какую сторону невозможно, мороз такой, что варежки лучше и на секунду не снимать.

Потом появилась минимальная видимость — где-то метров 150-200. И мы выбрались из ямы, медленно поехали вперед. Нам оставалось преодолеть приблизительно километра три — так что стоило рискнуть и понадеяться хоть на минимальную милость древних, мансийских духов-хозяев этих гор.

Снег уравнил камни с деревьями...

Едем. Едем. И вдруг из снежного тумана перед носом машины появляется первый каменный болван, а за ним выплывают из мути и остальные шесть. Потрясающее зрелище: бешеный ветер, а эти идолы все в снегу, он с них слетает шлейфами, кружится.

Мы объехали эти камни по обычному в таких случаях кругу почета. Потом спешно спрятались за один из них — задувало так, что на открытом месте стоять на ногах невозможно. Пофотографировались, окрестности поснимали. И поехали назад.

И опять — движение в сплошной, прячущей и горы, и машины пурге. И вышли к тому самому лесу только по спутниковому навигатору GPS.

Но мы были довольны: сумели добиться своего! Заночевали под голоса бурана и шквалов. Палатку опять страшно трепало. Встали в 6 утра — и (уже традиционно) видимость ноль. В 7 часов — ноль. В 8 — стали появляться просветы. Дождались, когда погода улучшится, и в 11 часов поехали. По-другому поступать не стоило: бензина оставалось мало, и на небольшой скорости — километров 10 в час — нам бы его хватило на две трети пути, не больше. А при приличной видимости — до 200 метров — снегоходы уже могли без риска развивать скорость до 30 км в час.

На обратной дороге мы тоже не скучали: три раза делали попытку забраться на Отортэн. В итоге все же смогли это сделать. Хотя из-за крутых склонов три снегохода заехать вверх не смогли, и на вершине побывали всего две машины. Ладно, главное, что мы все-таки нашли путь через саму гору!

Конечно, в снегу мы накупались: только я сам переворачивался два раза, и снегоход через меня прокатился, как бы компенсируя то, что я до этого на нем катался. При падении машин бились стекла и фары, но ожидать отсутствия таких сюрпризов при серьезных экспедициях нелепо. В довершение всего, у «Супервайтрака» кончился бензин, и мы «подкормили» его горючим с других машин. Доехали до Ауспии, где у

Мы в гостях у «идолов»

нас были и еда, и топливо. То есть основная часть нашей экспедиции закончилась.

И следующий день стояла идеальная погода: тишина и яркое солнце!

Возвращались по Ауспии в его свете — и, наверно, проехали всю реку за час. А ведь всего несколько дней назад мы потратили на путь по ней около 8 часов...

Что еще рассказать? Машины, на которых мы ехали, были хорошие, новые. Только я один прокатился на старом снегоходе, у которого рулевая тяга полетела сразу же, в начале экспедиции. Получилось забавно: когда поворачиваешь руль, одна лыжа машины работает нормально, а вторая болтается. Кончилось тем, что я связал обе лыжи палкой — и этот первобытный способ ремонта отлично мне помог. Основная марка использовавшихся в экспедиции снегоходов — «Бомбардь». Это надежные машины — увы, в отличие российских: наши «Рыси» и «Бураны» прочие не выносят реальных экстремальных условий. В них доходит до финиша лишь один из шести отечественных снегоходов...

Приятно вспоминать о том, что на перевале Дятлова теперь лежит наша записка. И хотя на Манпупунёр мы так и не нашли место для своего послания, мы не особо из-за этого расстроились. Ведь главного, нашей цели, мы достигли. А она была у нас, как и у альпинистов, очень простой — достичь вершины.

Евгений САВЕНКО, г. Екатеринбург

Чусовая — драгоценное колье Урала

Чусовая — дорога в историю

Особое значение рек в истории развития человечества связано с несколькими их особенностями. Прежде всего, река — это вода, без которой не может жить человек, а также пища, которую он добывал себе в воде и по берегам рек. И, наконец, река — это дорога, которой можно пользоваться летом и зимой. Трудно представить себе, как в древние времена проникал бы человек в эти горно-таежные дебри, где совсем не было дорог, если бы не реки.

Судя по археологическим находкам, Чусовая с древних времен обживалась людьми. В XVI веке, когда появились первые русские поселения на реке, знаменитый Ермак использовал Чусовую и ее приток, реку Серебряную, для похода в Сибирь. Позже, в XVIII веке, когда на Урале начала развиваться металлургия, Чусовая стала главной дорогой для вывоза металла и других товаров в Европейскую Россию. Об этом и о всех трудностях и опасностях сплава красочно написано в очерке Д. Н. Мамина — Сибирика «Бойцы». «Бойцы» — это камни, о которые разбивались барки с металлом и другим товаром.

В последние десятилетия, особенно в 50-80-е годы, прошлого теперь уже, века, был развит сплав по реке организованных туристов. От Коуровско-Слободской турбазы за год сплавлялось до 25 тысяч человек. Проводились также пешие маршруты в бассейне Чусовой и летом, и зимой.

Общетуристические советы: на суше и на воде

Для того чтобы путешествие оказалось удачным, необходимо выполнить несколько условий.

Первое — позаботиться, чтобы всем было интересно. Для этого нужно заранее познакомиться с маршрутом, наиболее интересными объектами, почитать литературу, посмотреть справочники-определители растений и животных. К примеру, вы не отличаете пихту от ели, марьян корень от венерина башмачка, а ворону от ворона. После похода вы сможете их различать и узнавать, и эти знания останутся с вами на всю жизнь, особенно если

удастся запечатлеть их на фото или видео.

Второе — в походе должны быть минимально необходимые удобства, такие как: непромокаемая палатка и одежда или накидки для них; подходящая обувь для перемещения судна на мелях и хождения в лес за дровами после дождя или по утренней росе; запас сухого горючего и спичек для быстрого разжигания костра в ненастную погоду; продуманный комплект личных принадлежностей и даже запас чего-нибудь вкусенького, чем вы сможете порадовать не только себя любимого ночью в спальнике, но и своих друзей.

Лично я собираю свои вещи по заранее составленному списку, который проверяю перед походом и постоянно пополняю и изменяю.

И, наконец, третье — это безопасность. Соблюдение ее важно в любом походе, но на сплаве особенно.

Лучше познакомиться со специальной туристической литературой. Походы редко организуются стихийно, внезапно, чаще они планируются заранее, и время для этого можно найти.

Главное на воде — быть всегда готовым к тому, что судно может быть повреждено, а люди и вещи окажутся в воде. В этом случае даже умеющим плавать не помешает какое-нибудь подручное или «подмышечное» плавсредство, так как надо не только доплыть до берега, но и помочь другим, да и вещи, и судно тоже доставить к берегу. А еще следует учесть эффект паники и скорость течения — это ведь не озеро со стоячей водой, хотя... Я был свидетелем, как на Большом Чусовском озере у рыбака в двухстах метрах от берега буквально «взорвалась» лодка, очевидно, от перекачки или от ветхости, и он по горло в воде, держась одной рукой за целую половинку лодки, с трудом доплыл до берега. А все вещи остались на дне озера.

Значит, все вещи должны быть обязательно привязаны к судну, так как даже в нормальных условиях они могут просто упасть за борт, а в критических — и подавно.

В качестве спасательных и вспомогательных плавсредств могут быть использованы автомобиль-

ные камеры, лодочные подушки для сидения с веревочными петлями (если положить их на доску, уложенную поперек лодки на борта, — грести удобно, и спина не устает). Могут выручить и детские надувные круги, лодочки. Я даже брал с собой пластиковую одно-двухместную лодку весом 3 кг.

Кстати, судно, на котором я обычно плаваю с товарищами, названное нами «Юджина» — это сооружение из двух резиновых лодок, стоящих в метре одна за другой, скрепленных друг с другом двумя жердями, уложенными сверху на борта и привязанными веревками. Пространство между лодками выкладывается жердочками, на получившуюся площадку-палубу складываются рюкзаки и все прочие вещи. И о веревках. Их должно быть много. Очень удобны для сборки судна и самодельные веревки — ленты шириной до одного сантиметра, нарезанные из автомобильных камер. Судно получается очень ходким, хорошо идет против ветра. Группа находится вместе, легко решать все организационные вопросы, вплоть до перекусов на борту, обмениваться впечатлениями. И, главное, если одна из лодок будет повреждена, другая поможет всем добраться до берега. Судно особенно удобно, когда в группе мало взрослых. В этом случае удобен и катамаран.

Байдарки — быстроходное и весьма специфичное средство передвижения. Как правило, ведут их опытные туристы, они разъяснят вам основные меры безопасности при сплаве на байдарках.

Некоторые туристы используют самодельные плоты на автомобильных камерах, на которые умудряются даже ставить палатки и площадки для костра.

Особо ценные вещи, аппаратуру, документы, аптечку следует укладывать в сплавные герметичные мешки. Даже в простые хозяйственные мешки и рюкзаки не помешает положить куски пенопласта, мячи, камеры — все, что способствует плавучести. Во время сплава сумку с фотокиноаппаратурой, подготовленной к съемке — удобно разместить в гамаке, сделанном из куса ткани или веревок и двух жердочек, уложенных поперек лодки, так, чтобы гамак не доставал до дна лодки. Это уберезет ее от воды, которая всегда скапливается на дне.

Не умеющим плавать следует иметь спасательный жилет, в крайнем случае личное средство, типа автомобильной камеры. И не нужно стесняться, предусмотрительность — это не есть трусость.

Если лодки идут раздельно, то лучше не отрывать друг от друга, держаться в пределах види-

Вид реки Чусовой

мости. Если лодок несколько, то впереди и сзади должны идти опытные сплавщики.

А теперь о стоянке. С точки зрения безопасности лагерь лучше ставить на уже обустроенных площадках, которых на Чусовой довольно много, где есть костровища и иногда даже столы. Желательно не ставить палатки близ высоких, особенно наклоненных деревьев. Под скалами-камнями также располагаться опасно. В конце зимы хорошо видно, сколько мелких и крупных камней осыпалось на снег. Да и в любое время года на скалах заметны свежие сколы.

К безопасности, безусловно, относится и здоровье членов группы. Конечно, должна быть аптечка с типовым набором, который можно составить, прочитав литературу или проконсультировавшись с врачом или опытным путешественником. В ве-

сенне-летний период, когда попадают и даже «нападают» клещи — разносчики энцефалита, нужно тщательно соблюдать меры предосторожности. Желательно, чтобы участники похода имели прививки. Если нет, то нужно в группе иметь специалиста, умеющего в случае укуса поставить укол гамма-глобулина; либо в течение трех дней доставить пострадавшего в медпункт. В любом случае нужно аккуратно удалить клеща, стараясь не раздавить его, и вынуть клещи иголкой. Больное место продезинфицировать. Заметить клеща можно, если периодически, несколько раз в день специально осматривать себя и одежду, помогая друг другу. Одежду и белье лучше надевать светлые или хотя бы однотонные, без ярких рисунков, в этом случае даже в складках ткани будут хорошо видны эти противные букашки. Для хождения по лесу удобна куртка — анорака или энцефалитка с капюшоном и рукавами на резинках. Рубашки и куртки следует заправлять в брюки.

Репеллент, мазь от клещей, неплохо иметь двух видов: для кожи тела и для одежды. И еще, личная «мазилка» удобнее общественной.

Я так подробно все описываю потому, что на Чусовой не так много населенных пунктов, где могут оказать квалифицированную медицинскую помощь.

И, конечно, все, включая детей, должны уметь оказывать первую помощь утопающим. Известен случай, когда взрослые не могли откачать утонувшего и, как говорится, опустили руки, а 12-летний мальчик продолжал делать искусственное дыхание и спас своего друга. Наверное, он лучше других знал, что искусственное дыхание нужно делать долго (по рекомендациям врачей — до двух часов).

Теперь о змеях. На Чусовой я встречал гадюку обыкновенную — серую, с темной зигзагообразной полосой на спине и «страшно ядовитую медянку», которая на самом деле является безобидной и

Чусовая

симпатичной веретенницей — безногой ящерицей золотисто-бронзового цвета. Я даже давал когда-то поддержать ее своей годовалой дочери. Может встретиться и абсолютно черная гадюка, которая отличается от ужа отсутствием желтых пятен на голове, более коротким хвостом и вертикальным щелевидным зрачком, хотя вряд ли кто захочет заглянуть ей в глаза.

Нужно помнить, что змея кусает защищаясь. Она не бежит за человеком, не прыгает ему на грудь и не катится за ним колесом, как это можно услышать в разных байках от агентства «ОБС» (одна бабка сказала). Главная опасность — нечаянно задеть ее, наступить на нее, напугать, когда она отдыхает. Представьте себе: лежит эта красавица на своем любимом пяточке, греется на солнышке, переваривая вкусную ящерицу или не менее вкусную лягушку, дремлет в блаженной неге, а в это время кто-то наступает на нее — в такой ситуации, согласитесь, любая гадюка начнет кусаться. Если же вы только приблизились к ней и она почувствовала вас, тут она проявляет настоящее благородство: свернувшись калачиком, она шипит, предупреждая вас об опасности. И если вы ответите

ей взаимностью (шипеть необязательно) и отойдете в сторонку, она обязательно уползет. В страхе и панике, (а человека бояться все животные), она может поползти и в вашу сторону, тут уж вы проявите свою воспитанность, уступите ей дорогу. Так что, если вы хотите присесть или прилечь где-нибудь в траве, на пригорке, постучите по земле, потопайте ногами. Может быть, кому-то и приятно посидеть рядом с симпатичной гадючкой, но это небезопасно, так как рядом может оказаться еще одна, и еще одна, и еще... Близ урочища Кашка на небольшом склоне я увидел сразу четырех гадюк.

Если, все же, случилась беда и кого-нибудь укусила эта змеюка, нужно срочно перевязать место выше укуса жгутом. Кому-то смелому и отзывчивому, у кого нет ранок во рту, надо сразу начать отсасывать яд из ранки, повторяя это много раз в течение 10-15 минут, сплевывая слюну и прополаскивая рот водой. Мне приходилось проделывать это без всяких последствий даже без воды. Отсасывать нужно посильнее, так как длина зубов, от которых остаются две ранки, — до одного сантиметра. Перевязку следует периодически ослаблять, чтобы не было застоя крови, а потом, может быть, и совсем убрать.

Безусловно, пострадавшего нужно срочно доставить в больницу, скорее всего в город; тут уж придется плыть непрерывно, может быть, круглые сутки.

Нужно сказать, хотя зубы у гадюки и острые, но резиновый сапог или турботинок ей не прокусить — это реальная защита. И не трогайте змей руками, броски их молниеносны; даже разрубленные пополам, они продолжают кусаться.

А вообще, ничего не бойтесь, волков бояться — в лес не ходить. Отдыхайте спокойно и весело, только не забывайте о мерах предосторожности.

Есть пословица: «Держи ноги в

тепле, голову в холоде, желудок в голоде». Но вот наш известный спелеолог Юрий Лобанов, детально изучивший медицинские аспекты влияния экстремальных условий на человека, говорит, что хотя голова хорошо переносит холод, но при переохлаждении всего организма «даже небольшое снижение температуры мозга приводит к стойкому нарушению его функций». Это нужно учитывать в зимних походах, о которых мы поговорим ниже.

Очень важно для сохранения здоровья умение не падать духом, находить решения в любой ситуации. Возможности человека безграничны. Можно лечь спать зимой и без костра, и без горячего ужина. Надевайте на себя все, что есть, используйте для этого каждую вещь, вплоть до носового платка, залезайте в спальник, надевайте сверху на ноги рюкзак. И внушайте себе, что все будет хорошо, выполняйте упражнения аутотренинга, старайтесь, как пишет наш знаменитый путешественник Николай Рундквист, «усилием воли согреть себе руки, ноги и другие части тела».

А вот с последним постулатом пословицы, будучи в походе, я категорически не согласен. Поэтому я придумал «перекусы» — пакетики, в которые закладываю 2 столовые ложки орехов, 1 — 2 столовые ложки изюма или кураги и одну шоколадную или «Школьную» конфету (без фантика). Пакетики запаиваю паяльником либо зашиваю на швейной машинке, используя пакеты из-под молока.

И еще о питьевой воде. Лучше брать воду в ручьях и родниках — часть из них указана на карте сплава. Заранее запаситесь пластиковыми бутылками из-под напитков, они очень удобны для транспортировки на любом судне.

*Окончание
следует*

Плывем по Чусовой

Фото автора

Михаил КНЯЗЕВ, ст. научный сотрудник

Цветы и снег

Анемона

Подснежники... О них говорить немного сложно. Дело в том, что в каждой местности ими называют разные цветки. У нас, под Екатеринбургом, подснежником издавна и упорно считают прострел желтеющий. А вот, например, в Шалинском районе (на западе Свердловской области) так говорят о ветренице алтайской. Где-нибудь в Нижегородской области, где мало весенних цветов, за подснежники вообще нередко держат фиалки или, скажем, медуницу. В Подмоскovie же действительно весной появляются цветы, которые очень похожи на наши классические, открыточные представления о подснежниках — это, например, ветреница дубровная, очень симпатичное растение. Там, где ее не топчут, она покрывает буквально белыми коврами участки под пологом дубов. Или, например, как мне кажется: Маршак, когда писал свои «12 месяцев», имел ввиду печеночницу. Это такое тоже очень симпатичное растение, весьма низенькое и действительно появляется буквально сразу после схода снега с земли. А так как весной снег иногда ненадолго падает уже после полной потайки, то тогда только что распустившаяся печеночница прямо под снегом и оказывается. Она голубенькая такая, маленькая, и прямо у ней на лепестках снег лежит... А в Сибири подснежниками считаются пролеска и кандыки.

Печеночницы у нас на Урале нет — но у нас есть люди, недавно переселившиеся из других регионов и по-прежнему считающие подснежниками

те растения, которые привыкли так называть с детства. Но давайте вернемся к чисто уральским вариантам подснежников — прострелу и ветренице. Что касается прострела, то его включили в Красную книгу Среднего Урала. Основание? Ну, он не особо часто встречается горожанам, и в окрестностях населенных пунктов действительно исчезает. Жизнь прострела желтеющего или, по-другому, сон-травы, примерно двадцать лет. И если эти двадцать лет регулярно срывать цветки, то семян, понятно дело, не будет. Так что там, где его не трогают — то есть вдали от больших поселений — прострела, конечно, побольше. Но ведь на самом деле, когда люди говорят об охране природы, они беспокоятся, в основном, о себе, о своем комфорте, а не о благополучии природы. Когда мы отдыхаем в условиях худших, чем отдыхали наши предки, то, сами понимаете, это ухудшение качества человеческой жизни. А это самое ухудшение налицо: мы выходим на природу и видим там только зеленую травку. Это, конечно, неплохо — но наши предки видели еще и много цветов на травке. Весенние цветы очень украшают места отдыха, как вы понимаете... Цветов нет — есть ухудшение качества отдыха человека — цветы в Красной книге... Поэтому прострел и включили в нее — хотя, может быть, и поспешили с этим. Но все-таки какой-то резон в этом поступке есть.

А вот ветреница алтайская еще не в Красной книге. Ее основные места обитания — далеко от основных крупных городов, и поэтому сборщики выбирают ее не такой большой процент от ее популяции. Если же говорить в общероссийском масштабе, то в процентном отношении больше всего страдают галантусы, которые продаются и в Екатеринбурге. Галантусы в огромном количестве собираются на Северном Кавказе — например, в окрестностях Новороссийска. Ими торгуют в Москве, Санкт-Петербурге, у нас. На Урале эти цветочки обычно при продаже еще драпируют листьями плюща и просят за них очень скромно — 20 рублей за букет, а иногда даже и 10 рублей. Представляете масштабы их сбора на Кавказе? Там состригаются целые луга этого самого галантуса, и именно на эти чудовищные количества и обратили

внимание ботаники, потребовавшие охраны цветка. Хотя местные жители могут возразить: «Вот придумали! Что там охранять, у нас их целые луга!» Но те коммерсанты, которые так собирают и продают галантусы, просто не знают, что их бабушки видели еще более пышные луга. Эти самые пышные и большие заросли сокращаются и сокращаются, за цветами галантуса приходится забираться все дальше. Конечно, ботаник-философ может сказать: а, все здесь отрегулируется естественным образом. Когда запасы растения уменьшатся и останутся лишь маленькие, коммерчески незначимые популяции, то вид перестанет представлять ценность для бизнеса, и торговцы переключатся на что-то другое. А после этого, глядишь, потихоньку популяция галантуса и восстановится...

Но так можно сказать о чем угодно — и всегда найдутся бабушки, которые будут торговать этими растениями. Например, прострел желтеющий редок и коммерчески незначим. Он не может активно использоваться в продаже — но его рвут, например, случайные отдыхающие. И даже этого хватает на то, чтобы в окрестностях Екатеринбурга прострел исчез на расстоянии примерно 20 км от города. Немного сдерживает истребление этого цветка то, что люди боятся клещей, которые очень

активны весной, и не особенно ходят в лес в это время года.

Но тот, кто хочет приобщиться к красотах весенней природы, может обойтись и без опасностей весеннего леса, вырастив первоцветы (они же подснежники) на своем дачном участке. Прострел приживается похуже, а вот крокусы, кандадыки и пролески выращиваются превосходно. Я это знаю по своему и по соседским участкам — у нас в коллективном саду растут перечисленные растения.

А на Западе, где все естественные популяции первоцветов давно коммерчески исчерпаны, и их остатки охраняются достаточно жесткими законами, подкрепленными реальными действиями полиции, — то там первоцветы люди давно выращивают у себя на участочках. Вообще на Западе под окнами принято выращивать все, что захочет их хозяин. К нам же в Россию этот обычай переходит медленно. И, увы, у нас нет своих земельных участков под своими окнами — тем более, что большинство из нас живет в огромных многоэтажках. А на их балконах выращивать весенние цветы не принято. Хотя возможно — так способны расти, например, те же кандадыки, сциллы. Хотя, конечно, некоторые другие виды будут вымерзать. Но тут уж надо говорить конкретно о каждом цветке.

Прострел

Николай РУНДКВИСТ

Экспедиция «Сотый меридиан».

Часть первая: Малайзия

От редакции: «Сотый Меридиан» — трансконтинентальная экспедиция, маршрут которой проходит через всю Евразию от экватора до Северного Ледовитого океана в самом широком месте материка — в районе сотого меридиана.

Старт экспедиции состоялся 27 января на мысе Пиай — самой южной точке материка. Сейчас за спиной ее участников больше трех тысяч километров. Малайзия и Таиланд. О первой части маршрута рассказывает организатор экспедиции Николай Рундквист.

На мысе Пиай стоит стела высотой 10 метров, цивильные строения с туалетом, штабом, молельной комнатой и небольшим музеем. В сторону зоны приливного затопления ведет деревянная дорожка на сваях. В трехстах метрах от нее — смотровая площадка в виде беседки. Справа и слева от дорожки располагаются мангровые заросли-лес, затопляемый приливом. В нем обитают обезьяны, змеи и многочисленные морские животные, занесенные сюда приливом.

В глубь азиатского континента от мыса ведет грунтовая дорога, напоминающая российский проселок. Отличие только в одном — малайзийскую дорогу окружают пальмовые заросли. Вскоре дорога становится асфальтовой и с обеих сторон оказывается окруженной жилыми постройками.

Основные необычности связаны с жарой (до 34 градусов в тени днем) и левосторонним движением. Если дней за десять мы привыкли к езде на велосипеде по левой стороне и даже научились делать правые повороты на оживленных перекрестках, то при пешеходном движении я кручу головой во все стороны, поскольку не могу сразу сообразить, с какой стороны ожидать опасность.

Очень необычен короткий световой день. 12 часов солнца и 12 часов полной темноты (если нет луны). Солнце встает на востоке быстро и решительно. Сумерки — не экваториальное явление. Затем светило устремляется к зениту, проходит через него и столь же стремительно падает вниз, чтобы исчезнуть за горизонтом на западе. Прямо в зените можно наблюдать и луну. Причем стареющий

месяц расположен рожками кверху, а зарождающийся напоминает горбатый мостик.

Постройки вдоль дорог представляют собой по большей части ухоженные фазенды: знакомые россиянам по бразильским и мексиканским сериалам. Заборов, канав и иных разделительных преград почти нет. Высокими заборами окружены лишь некоторых наиболее богатые сооружения. Шоссе, приводящее в город, вырождается в довольно узкую и шумную улицу, вдоль которой тянутся лавки и магазины. По ширине главной улицы легко определить возраст поселения: чем уже улица, тем старше город. Самые узкие улицы в древней Малакке.

Встречаются иногда и беднейшие ряды лачуг. Это — кособокие развалины, покрытые навесами из тростника. Впрочем, над каждой третьей из них совершенно дико выглядит спутниковая тарелка, а иногда и новенький джип. В конце ряда этих развалин (улицей назвать это я не берусь) стоит телефонная будка, из которой легко позвонить в любую точку земного шара. Хотя, трубка оборвана...

Население Малайзии состоит из трех основных групп: малайцы, китайцы, выходцы из Индии. Все жители Малайзии весьма гостеприимны. Особенно это бросалось в глаза в первые дни: приветственные крики шоферов, восторженные дети, бегущие за нами по дороге. Наконец, просто угощения, выносимые нам местными жителями напитки, кокосовые орехи, сладкие жареные бананы в кляре.

Женщины Малайзии. Малайки как представительницы ислама, весьма скромно, ходят в длинных платьях и носят платки на головах. При виде

мужчин в шортах (а тем боле раздетых по пояс) демонстративно ускоряют шаг и закрывают лицо обеими руками.

Впрочем, только нижнюю его часть, а глазами смотрят совсем не под ноги. Цвет кожи у них намного светлее, чем можно было бы ожидать под столь палящими лучами солнца. Индуски имеют очень темную кожу. Темнее, чем у негров. Даже с каким-то фиолетовым отливом. У них обязательный «третий глаз» на лбу. Ходят они тоже в длинных одеждах, но с непокрытыми головами и многочисленными украшениями. Все остальные женщины, не попадающие под вышеуказанную классификацию, наверняка китайки. Тут может быть все что угодно: от джинсов и жакетов до миниюбок и топиков.

Мужчин по национальному признаку разделить сложнее. Однозначно выглядят только выходцы из Индии. Их отличает чудовищно темный цвет кожи. При этом, что интересно, тип лица у них вполне европеоидный.

Когда муадзины заканчивают свое вечернее пение, на темные улицы городов спускается порок. Алкоголики, наркоманы, воры и проститутки вылезают из нор. Добропорядочным гражданам в такую пору пристало спать, как к тому призывает аллах. Жертвой порока стал наш Гера Пахомов, более известный как ГеРоллер. Он решил прокатиться на велосипеде по ночному Куала-Лумпур. Результат вояжа грустен и закономерен: Гера остался без велосипеда, украденного ночными злоумышленниками. В 5.30 снова затягивают песню муадзины, и добро прогоняет зло с мусульманских улиц.

Где же мы коротаем длинные темные ночи? В городах останавливаемся в недорогих китайских гостиницах, которые рекомендуются путеводителями для искателей приключений. Остальные проводим в полевых (точнее, лесных) условиях. Наиболее пригодны для ночевки в Малайзии молодые пальмовые плантации, почти лишенные травянистой растительности, в которой обитают всякие на-

Наши в Малайзии!

секомые и недобрые змеи. Ужин и завтрак готовим на примусах.

Обедаем в придорожных закусных. Принцип еды в Малайзии таков: вам выдают тарелку с довольно большой порцией совершенно пресного и несоленого риса. Далее в дело вступает нечто, напоминающее шведский стол. Можно выбрать мясо, курицу, рыбу, морепродукты, овощи и много чего другого менее понятного. Все это сдобрено местными специями и кладется поверх рисовой кучки. Хлеб, как и все спиртные напитки, в Малайзии не в чести. Из напитков популярнее всего чай с молоком, сахаром и льдом. В обычный горячий чай перед подачей вываливается граммов 150 льда и предлагается соломка. Напиток на любой вкус: у дна он долго сохраняет высокую температуру, тогда как в верхних слоях, соседствующих с ледяными глыбами, быстро охлаждается до нуля градусов. Весьма оригинален расчет с хозяином. Он совершенно не смотрит за тем, что вы накладываете себе в тарелку, но по завершении обеда долго анализирует объедки в виде костей, выплюнутых специй, остатков разноцветных соусов и тому подобного. Вердикт хозяина почти всегда стопроцентно правильный. Впрочем, если глотать рыбьи кости, то, вероятно, это позволит вам сэкономить немного ринггитов.

Ринггиты — это малайзийские рубли или, если угодно, доллары. 1 ринггит соответствует примерно восьми российским рублям. Цены на товары и услуги весьма напоминают российские, но есть, конечно, некоторые отличия. Вот выборка необычностей. Начнем с велосипедов. Мы купили наших «коней» примерно по 200 ринггитов за штуку. Аналоги, продаваемые в российских магазинах, стоят никак не 1600, а все 7500-8500 рублей. Далее, сразу переведа цены в российскую валюту, упомяну панаму за 500 рублей, палатку с тентом за 1000, кроссовки — 200, рубашка с длинным рукавом — 800, 1 кг куриного мяса — 35, картофеля — 20, арбузов — 15, бананов — 5 и т.д. Цены на алкоголь за пределами: бутылка пива — 80 рублей, виски — 600. Наконец, средняя зарплата малайзийца составляет около 1000 ринггитов, то есть 8000 российских рублей.

В заключение несколько слов о Куала-Лумпуре, самом красивом и самом бестолковом городе из всех, которые я видел. Высочайшие в мире небоскребы-двойняшки Петронас и ультрасовременный автодром «Формулы-1» соседствуют с грязными кварталами китайского города. Монорель-

совая дорога, аналог метрополитена, то скрывается в подземных тоннелях, то вырывается наружу и пронесется высоко над перекрестками. Улицы столь извилисты и бессистемны, что, кажется, пересекаются сами с собой. В такие моменты приходит в голову, что небоскребы Петронас построены исключительно для облегчения ориентирования в этом чудовищном конгломерате построек.

В следующем номере — Таиланд. Страна цветов и улыбок.

«...Переход границы был совершен легко и непринужденно. Все необходимые формальности были выполнены в течение двух минут на малайзийской границе и в течение 15 на тайландской. Граница разделяет не только два государства, но и два образа жизни, две религии. Таиланд — буддистская страна, что привносит больше свободы в поведение и нравы людей. Они более раскованы, безгранично приветливы и до навязчивости услужливы. Таиланд, действительно, страна улыбок».

Приятный перерыв в путешествии

Павел СМОЛИН

ПАМИРСКИЙ ДНЕВНИК

(окончание)

17 августа

Погода, кажется, настроилась. Надо выдвигаться наверх всем вместе. До 4200 сделали четыре вертолетных рейса. Начали подъем на 5300. Снегу по колено. Солнечно. Самочувствие великолепное. Собаки, все это время просидевшие на цепях под наблюдением Миши Слободчикова, «коменданта Памира», радовались беготне и кувырканию в снегу. Только Боба вели на цепи во избежание очередной драки.

Когда подходили к «сковороде», показался вертолет. Он сделал круг, и мы увидели, что из иллюминатора нам машут рукой. Помахали и мы, после чего «стрекошущая стрекоза» ушла в сторону пика Коммунизма. Кстати, о стрекозах — обыкновенных. Мы их встречали на снегу во время подъема. Удивительно, что их сюда притягивает, ведь на этих высотах нет никакого корма, лишь снег да камни...

Но вот и «сковорода». Сегодня мы поднимались не по той тропе, по которой ходили обычно. Приблизились к ледопаду. Безопаснее в смысле лавин, но могут быть трещины. В дали идут Саша Курбатов и Витя Шадрин. Они вышли раньше остальных и сохранили разрыв.

Собаки унеслись вперед. Я все боюсь, как бы они не поранили лапы о «кошки»: всем лезут под ноги. До лагеря осталось метров сто, когда Володя Рыкшин остановился и, обернувшись, спросил:

— У тебя все собаки на месте? Лай откуда-то слышу...

Пересчитываю собак и замечаю: один след обрывается у черной дыры. Так и есть, провалился Север... В трещину на веревке опустили Сашу Шваба. На глубине около восьми метров он встал на карниз, однако сколько ни звал, из уходящего еще ниже провала не донеслось ни звука... Бедолага Север! Как же он не почувствовал трещины? Хотя, конечно, она была закрыта пробкой свежего снега... Что же я пацанам в Свердловске скажу?...

Настроения никакого. Разболелась голова. Слабость. Немного перекусил, кое-как помог поставить палатку и завалился в нее, проглотив таблетку пентальгина.

Чуть пришел в себя. Сел писать дневник. Мужики, прекрасно понимая мое состояние, принесли кружку чая. Разговаривать ни с кем не хочется. Погода опять испортилась. Все окутал туман, пошел снег. Даже удивительно, что на завтра был хороший прогноз.

А собаки ведут себя беспокойно. Лают в ту сторону, где пропал Север. Неужели чувствуют, что он еще жив?

Послал Мишу с Виктором покормить собак. Через некоторое время Виктор поднялся к палаткам: слышал голос Севера из трещины. Срочно подняли всех. На этот раз спустили в трещину Витю Шадрина. Я лег на край трещины, чтобы видеть, что творится внизу. В свете фонарика, закрепленного у Виктора на голове, удалось все рассмотреть. Трещина сверху шириной около метра и до трех метров внизу у карниза. С боков громадные сосульки. От карниза дальше идет щель шириной с полметра.

Виктор в пуховике с трудом протиснулся в нее, попросил выдать веревки и исчез в темноте. В глубине мелькал луч его фонарика. Было видно, что глубже щель значительно расширяется, и метра через четыре Виктор встал на дно. И тут же закричал:

— Север! Целый и невредимый! Давайте рюкзак с веревкой!

Пока привязывали рюкзак и спускали вниз, Виктор хотел прогуляться по ледяному туннелю, но мы ему категорически запретили. Мало ли что может случиться... В рюкзак, между тем, Севера посадить не удалось. Виктор обвязал его веревкой и дал команду на подъем. Вскоре оба были на поверхности.

У Севера радостный, но диковатый взгляд. Просидел в темноте и холоде около пяти часов. При тщательном осмотре ничего не обнаружили. А ведь он пролетел около восьми метров до карниза и еще около четырех до дна. Когда мы спустили Сашу Шваба, Север, вероятнее всего, куда-то убежал по трещине, поэтому и не отзывался, но потом вернулся и лаял, чем беспокоил остальных собак.

Итак, у Севера 17 августа в 22 часа по памирскому времени второй день рождения...

Начало в №№ 11, 12 за 2001 г. и № 2 за 2002 г.

18 августа

Удивительно резко меняется самочувствие на больших высотах. Вчера вечером все было великолепно, а утром полное отсутствие аппетита, монотонный стук в висках.

Забрался к ребятам в палатку, они напоили чаем. Через силу поел бульон и печень трески. Здесь же Саша Курбатов. Говорит, что чувствует себя нормально. Молодчина, успевает фотографировать наш незатейливый альпинистский быт. Как ни тяжело, а надо запрягать собак. Слава богу, с Севером все закончилось благополучно...

Увязали вещи. Саша Курбатов готов отснять наш выход. Но только фотоаппаратом. Кинокамера окончательно вышла из строя. В редакции Сашу потом спросят, что же ты, мол, не забежал вперед упряжки да не сделал побольше снимков? Забежать! Здесь, в горах, проблема сделать любой шаг, иногда на него просто не остается сил...

Первый этап — крутой подъем от лагеря на козырек — преодолели успешно. Выбрались на пологий склон, ведущий к небольшой вершине. Остановились на перекур. Пожевал сухариков и выпил несколько глотков холодного чая. Еще через час поднялись на саму вершинку. Она около 5700 метров, примерно высота Эльбруса. Прокатились по ней до крутого подъема на вершину Раздельную. Идти стало тяжело. Нарты и собаки проваливались в глубокий снег. Подул встречный ветер. Промаявшись часа два, решили оставить собак на ночевку, а сами с рюкзаками подняться на 6100.

Разделили груз на троих. Я остался покормить собак, а Рыкшин со Швабом пошли вверх. Через некоторое время, с трудом взвалив на себя потяжелевший рюкзак, двинулся по следу. Вес рюкзака оценить трудно. Из вещей там спальник, теплое белье, запасные рукавицы, два фотоаппарата, рация, пуховка. Вместо ледоруба взял в руки лопату.

Через каждые десять шагов отдых. Время и состояние стали философскими понятиями. Шаг, еще шаг, качнешься на склоне под порывами ветра, воткнешь лопату, постоишь и снова шаг, и так до бесконечности. Все надеялся, что кто-нибудь выйдет навстречу и поможет дотащить этот осточертевший рюкзак...

Наконец, склон стал выполаживаться и превратился в ровный участок. По полузаметенным следам перевалил вершину Раздельную, стал спускаться к перемычке на 6100, где должен стоять наш лагерь. Уже на подходе увидел приближающегося Женю Затирку.

Ввалился в палатку, где Таня Николаенкова, Леня Плотников, Володя Рыкшин. Всего трясло. Даже горячий чай не помог согреться. Тем временем ребята поделились невеселыми новостями: не могут найти

заброску, которую сделали несколько дней назад. Рядом с ней воткнули лопату, а ее кто-то унес. Без этой заброски идти на вершину нельзя, надо спускаться за снаряжением.

Примерно через полчаса выбрался из палатки, чтобы перейти в свою. Все, что съел, вырвало. Где же брать силы для завтрашнего дня?

Достал из рюкзака спальник, забрался в него, чтобы согреться. Витя Байдаков дал мне две таблетки — димедрол и что-то от головы. Запил холодной водой, так как в примусе кончился бензин.

19 августа.

Ночью я даже спал, но под утро стал часто просыпаться из-за тесноты, болевшей головы и трепещущей под порывами ветра палатки. За ночь намело горы снега.

Пошли с Рыкшиным за собаками. Чувствую себя отвратительно. Ноги и руки трясутся, слабость. На вершине Раздельной сильный ветер. И на спуске дует. Наста нет. В такую пургу по ровному-то месту не пойдешь, а предстоит взбираться вверх против ветра. Нет, это невозможно!

Освободили собак, занесенных снегом, и вместе с ними спустились в лагерь на 5300. Здесь не дует. Лагерь закрыт со всех сторон горами. Но посмотришь вверх на снежные шлейфы с вершин: там, наверху, продолжает мести.

Ребята, оставшиеся на 6100, должны были, не дожидаясь нас, подняться на 6400 и там, установив палатки, отсиживаться до хорошей погоды. Но к вечеру и они спустились на 5300. Их попытка подняться закончилась неудачей из-за ветра, который валил с ног. Сидеть же на 6100 без бензина и продуктов не имело смысла.

Снизу пришли двое москвичей. Отдохнули пару часов и засобирались. Мы рассказали, что там творится, но это их не остановило. Упорные ребята.

Просидел у стола почти до темна. Вскрыл четыре банки тушенки и по половине роздал собакам. Потом забрался в вещевую палатку и лег спать.

20 августа

Утром завтрак из дежурной таблетки пентальгина и чая с сушками. Аппетита нет. На небе ни облачка, исчезли снежные шлейфы с вершин.

Отцепив собак, пошли с Рыкшиным наверх. На длинном пологом подъеме до 5700 Пушкарик со Старым залегли у тропы. Я прошел мимо, они и не подумали вставать. Позвал их, даже ухом не повели, как будто не слышали. Поднялись на 5700, все собаки крутятся рядом, а «старички» так и лежат внизу у тропы. Подумал, что, может, это и к лучшему, дошел до нарт, занесенных под облучек снегом. Начали запрягать со-

бак, выдернули нарты из-под снега. Я зашагал впереди, Володя с упряжкой следом.

Поднялись на Раздельную. Сзади никого не видно. Вероятно, группа Затирки «застряла» на 5300. Они вчера поговаривали об отдыхе. Я тоже был бы не прочь отдохнуть, но настоял, чтобы подниматься пока есть погода.

Мы на Раздельной на высоте 6200. Сюда же, говорят, дошли французы с упряжкой собак. Мы сделали несколько снимков, прокатились по вершине и съехали на перемышку 6100, чуть не врезавшись в зеленые палатки болгарских альпинистов.

Часа полтора отдохнули. Попили компот из яблок, чай. Хорошо, что позавчера подняли сюда газовые баллончики. Аппетит у меня так и не появился. С трудом съел кусочек колбасы и прилег. Пульс спокойный: 120 ударов в минуту. У Володи меньше, как и должно быть: мастер спорта.

Предлагаю еще отдохнуть, однако Володя настаивает на немедленном выходе. Поднимаем собак, уходим сначала вниз до конца перемышки, а потом поднимаемся по снежно-каменистому склону. Крутизна достигает 45-50 градусов. С обеих сторон уходят вниз крутые склоны, а мы все карабкаемся и карабкаемся. Шаг за шагом приближаемся к цели. Вот справа завиднелся пик Коммунизма. Что-то изумительное. Останавливаемся, делаем снимки, потом опять десять шагов и снова отдых. По сути, разница высот всего триста метров. Это столько же, как с седловины Эльбруса до вершины. Там мы дошли за полтора часа, но здесь на целый километр выше. С левой стороны открылся прекрасный вид на Алайскую вершину. Хорошо просматривается язык ледника, по которому мы шли в лагерь на 4200. Склоны над нами сходятся так, что вот-вот, кажется будет вершина. Все меньше снега, все больше каменных осипей. Наконец тропа выполаживается, и мы выходим на горизонтальную площадку. Все! Пришли! Высота 6400!

Впереди, кажется, рукой подать до вершины пика Ленина. Каких-то семьсот метров по вертикали, но это не меньше девяти часов тяжелой работы.. Сейчас 17 часов, вечер, надо успеть спуститься на 6100. Вот если бы здесь у нас стоял промежуточный лагерь, как и намечалось раньше...

И все же мы первые из наших, кто поднялся до этой высоты. Забегая вперед, скажу: даже нашей спортивной группе не удалось подняться выше. Суточный отдых на 5300 стоил им вершины. Через день — ровно через день! — погода испортилась, и ребята, поднявшись и заночевав на 6400, вынуждены были уходить в базовый лагерь.

Снимаю на слайд и черно-белую пленку. Холодно. Руки отогреваю в меховых рукавицах. Оставили на высоте нарты в память о том, что мы здесь были. Не

знаю, сколько они простоят. Возможно, их сдует ветром. Уже позже сообразил, что надо было прижать полозья камнями.

Голова кружится. Любое движение делаешь через силу, а ведь надо еще спускаться. Впрочем, бодрила мысль о рекорде. Никто с собаками, запряженными в нарты, еще не поднимался на такую высоту!..

А Володя торопит вниз. Неважно себя чувствует. Накричался с собаками, побаливает горло. В горах любая простуда может дать осложнение: организм ослаблен, недостаток кислорода.

Еще раз осматриваю панораму, отстегиваю от нарт собак, начинаем спуск. По пути делаю несколько снимков. Иду не спеша. Володя решает спуститься на 5300, а я — по самочувствию — предполагаю заночевать на 6100, очень сильно устал.

Когда вышел к палатке на перемышке, Володя уже попил чаю и готов был уходить ниже. У него разболелось горло, а здесь даже аптечки нет. Провожая Володю и начинаю размещать собак вокруг палатки. После нескольких движений отдыхаю, нет сил лишний раз поднять руку. Усилим воли заставляю себя шевелиться. Пока вожусь с Тишкой, Север заскакивает в палатку. Вот приучили ребята в походах! Ругаясь, вытаскиваю его из палатки, опрокинув чай и еду в серебряной упаковке. Потом долго лежу, приходя в себя. Отдышавшись, заканчиваю размещение собак. Почему-то нет Таймыра. Видно, после драки с Бобом осторожничает, боится подходить к своре; на спуске шел рядом со мной. А между тем собакам не до драк. Их самочувствие не лучше моего.

Залезаю в палатку. Нет желания двигаться. Заставляю себя набрать в миску снега, зажечь газовую горелку. Очень удобная вещь. С примусом возни намного больше. А здесь чиркнул спичкой и готово. Поднимаю серебристый пакет. Это что-то из космического пайка: на этикетке изображен космический корабль. Съедаю несколько ложек, сильный вкус кофе, овсяные зерна, орехи, изюм. Пью кипяток с апельсиновым джемом. Снова набираю снега и ставлю на газ. На этих высотах сильное обезвоживание, да, откровенно говоря, остальная еда и не лезет в горло. У меня бывали подобные состояния во время длительных тренировок на лыжах.

С перекурами открываю восемь банок тушенки для собак. Она замерзла, и выбить ее из банки сложно. Пытаюсь разрезать банку вдоль, но это не выход. Долго отдыхаю и настраиваюсь на то, что надо идти к собакам. С трудом выползаю из палатки. Лайки миглом проглатывают свою порцию и вопрошающе смотрят на меня. Но осталась одна банка для Таймыра. Походил по окрестностям, высматривая «старика». На спуске с 6400 замечаю альпинистов. Это те самые ребята-москвичи. Один из них уже рядом со

своей палаткой, которая стоит метрах в 500. Что скажешь — молодцы! Побывали на вершине, не в пример нам.

А Таймыра не видать. Возможно, утянулся за Володей, а если нет? Трещины есть и здесь, склоны крутые. Однако искать его нет никаких сил... Оставляю банку с тушенкой: вдруг все же придет.

С преогромным удовольствием забрался в палатку и залез в спальный мешок. Все, на сегодня хватит, можно ничего не делать, просто лежать, наслаждаясь теплом.

Очнулся от того, что давит с левой стороны груди. Неужели сердце? Темно, по палатке гуляет ветер, за стенкой беспокойно дремлют собаки: то рычат, то постанывают, то покусывают.

Сел. Закрылся, как мог, спальником и решил сидеть так. Ощущение такое, что если я сейчас лягу, то больше не поднимусь. В голове вязкие обрывистые мысли. Как-то глупо, если сейчас все кончится. Зачем тогда это восхождение?

А время шло, ничего не меняя. По-прежнему давило с левой стороны; правда, состояние не ухудшалось, и это как-то успокаивало. Только бы досидеть до утра.

Не знаю, сколько я просидел. Вспомнил про пачку пентальгина в кармане. Достал и проглотил таблетку. Прилег. Все время мне снилось, что уже было наяву. Я все залазил в спальник, пытался согреться, давило грудь с левой стороны. Машинально думал о том, что какой простой сон, как легко его запомнить.

Очнулся. В палатке посветлело. Дождался-таки утра.

Вскипятил кружку воды. Выпил. Есть не хотелось. Вылез из палатки. Времени восемь часов. Отцепил собак. Таймыра так и нет. Пошел вверх на вершину Раздельную. Обернулся, но барбосы и не собирались идти за мной. Позвал — бесполезно. Мишка с Марсиком и Бобом шастают по старым стоянкам, подбирают что-то. Тишка прижался к снежному бортику палатки и вообще не двигается.

Взял потяг, встегнул в него Боба, Мишку, Севера. Тихона решил взять на поводок, а он забился под снежную стенку и ни в какую не собирается оттуда вылезать. Пока вытаскивал, порвал угол палатки. Это уже совсем ни к чему. Одолевать злость на Тишку, но наказывать нет сил. С большим трудом заставил собак двигаться следом. Звал Таймыра, но его не видно. На спуске с Раздельной отпустил собак. Они немного разошлись, бежали веселее. Видимо почувствовали, что самое тяжелое позади.

Погода чудесная. Тихо, солнечно. Вдали на склоне показались наши ребята. Первым подошел Витя Шадрин, следом Кузьмич с Затиркой. Сообщили, что Таймыр, Пушкарик и Старый пришли на 5300 вместе с

Рыкшиным. Поболтали немного. Пожелал им счастливого пути. Уже на подходе к козырьку встретил Николаенкову Таню. По просьбе ребят попробовал ее уговорить пойти вниз и дожидаться спортивной группы, но она все же пошла вверх, сказав, что чувствует себя хорошо.

На 5300 меня ждал Володя. Времени около десяти. Попили кофе с львиной долей элеутерокока. Володя приготовил омлет из яичного порошка. Аппетит у меня прорезался, ел и пил за троих. Собаки, тем временем, подчищали все, что находили в округе. На 5300 теперь только наши палатки, остальные команды спустились вниз. Альпинистский сезон заканчивался.

Собрали вещи. Получилось два больших рюкзака и два мешка. Погрузили их на запасные нарты, те, на которых я в прошлом году поднимался на Эльбрус; спустились на «сковородку». Попрошались с местом недавней трагедии. С большим трудом согнали вниз собак, запрягли их и мигом выехали к спуску. Вот что надо бы снимать. Жаль, все кино и фото внизу на 4200.

Поставили за нартами Тишку со Старым, они великолепно выполняли роль тормоза на спуске. Старый упирался всеми четырьмя лапами, а Тишка просто лег на спину и ехал так до самого низа. На крутых участках страховали нарты с грузом веревкой. В иных местах Володя зигзагами «глиссировал» по склону. Основные трудности были при переходе трещин, но их мы, к счастью, миновали.

И вот перед нами последний, самый крутой участок пути, а наши киножурналисты только показались на выходе из лагеря на 4200.

Внизу у начала подъема мы встретились. Поснимали, что можно было. Кинокамера «Красногорск», которую два дня назад привезли из Оша, тоже отказала, хотя было относительно тепло.

Запрягли несколько собак в нарты, чтобы дотащить груз по леднику до лагеря. На старте Таймыр вдруг остановился, полозом от нарт ему до кости разрезало лапу. Вот так всегда. Стоит расслабиться и сразу неприятности. Миша Слободчиков взял Таймыра на руки и нес его до лагеря, где перевязал ему лапу. Навстречу нам вышли Сергей Кравченко и Витя Долганов, помогли перенести груз по морене.

Даже не верится, что еще утром не было сил управиться с собаками; ночной кошмар канул в небытие. А может, его и не было? Но возвращаешься сознанием туда, на высоту — было, было, все было!..

...Сегодня все должны спуститься на Луковую поляну. Вечером — банкет. Пусть не все, что было намечено, выполнили, но самое главное — все живы и здоровы. Виктор Долганов сегодня уезжает в Ош, куда несколько дней назад отправили Андрея Мухина. Их задача — обеспечить вылет в Екатеринбург.

БЖ Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Конкурс «Большие надежды-2001» получил большой отклик; в связи с этим редакция журнала «УС» приняла решение сделать его **ежегодным**.

С 1 марта 2002 года начинается литературный конкурс «Большие надежды. Уральский следопыт.2002».

Условия участия в конкурсе (от конкурсантов обязательно требуется):

1. Прислать в адрес редакции
    - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
    - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
    - копию подписного абонемента, (не менее 6 месяцев в 2002 г.) на журнал «Уральский следопыт»;
    - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор или разборчивый почерк).
  2. Творческий подход и желание победить.
  3. Работы принимаются только от авторов не старше 18 лет.
- Работы, присланные без соблюдения условий конкурса, в конкурсном отборе не участвуют!!!**

Номинации:

<i>1. Сказка.</i>	<i>3. Поэзия.</i>
<i>2. Проза.</i>	<i>4. История и краеведение.</i>

На конверте обязательно делать пометку «**Большие надежды. Уральский следопыт. 2002**».

Работы принимаются до 1 ноября 2002 года. Победителей ждут достойные призы, и не только...

Удачи вам!

УРАЛЬСКИЙ следопыт

3,2002

Директор редакции Сеницын Александр

Отдел истории и краеведения
Отдел прозы и поэзии
Художественный редактор, верстка
Корректор
Дизайн, препресс обложки

Фото на обложке
Отдел по работе с письмами
Отдел по связям с общественностью
Бухгалтерия
Рекламная служба

Юний Горбунов
Петр Родимов
Татьяна Суворова
Елена Тришкина
Андрей Бордаков,
Валерий Жуков
Евгений Савенко
Анна Родимова
Элла Сеницына
Танзиля Сагирова
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 59-83-17

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев

Наблюдательный совет:

Председатель — **Фирсов Максим Юрьевич**
Спектор Семён Исаакович
Радько Виктор Васильевич
Савенко Евгений Викторович

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г.

Министерством печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

обладает исключительным правом на логотипы и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала допускается
только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 30 рублей.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. **22-36-62**

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com

Адрес в Интернете:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 3-2002

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ

ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ - БОГАТЫЙ КАМЕНЬ

Видимый не только с окрестных гор, ближних и дальних, но и с дорог, пролегающих восточнее него, он впечатляет своей грандиозностью, своим величавым видом, чем завораживает и притягивает к себе. Он в десятках километров от тебя, но кажется, что он совсем рядом, в каких-нибудь пяти-семи километрах. Стоит один, как будто рядом с ним нет других гор, настолько он огромен и величествен.

Да, это он, стоящий в стороне от Главного Урала, одинокий и гордый, богатый своими недрами и красотами - Денежкин Камень.

Когда-то у его подножья жил своим стойбищем известный в округе Андрей Денежкин. Ему повезло: когда возникла необходимость записать для новой карты название горы, кроме его фамилии ничего подходящего не нашлось. Известность самому Камню принесло и найденное у его подножья месторождение платины. Позже был организован заповедник, закрытый и вновь открытый в наше время.

Денежкин красив своими формами. Необычайно живописный проход между гор - Сорокинские ворота, островершинная гора Рубель, спокойно уходящий на запад Кулаковский Увал, отливающая золотом минералов и лишайников - Желтая Сопка, и каменистые с холодной горной водой и серебристым хариусом долины рек, опоясывающие Камень со всех сторон. Яркие майские цветы, зеленый лук с сиреневыми цветами вокруг микроскопических озерков горной тундры и первые кристаллы льда на вершине в начале летнего августа дополняют прекрасную и суровую картину.

В 1991 году здесь вновь образовался заповедник. Всегда радуется, когда находятся энтузиасты - защитники природы, беззаветно любящие ее, отдающие ее сохранности, ее восстановлению все свои силы, время, иногда всю жизнь.

Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии «Уральская горная страна» в №3, 2001

Хочешь двинуться - ищи попутчика!

Журнал издан при содействии:

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн
Начальник госпиталя - С.И. Спектор

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
тел. (3432) 22-04-81